

М. Ю. Смирнов

ОЧЕРК ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 316
ББК 60.5
С50

Рецензенты: д-р филос. наук профессор *А. А. Ермичев* (Русская Христианская гуманитарная академия); д-р социол. наук профессор *В. Д. Виноградов* (С.-Петерб. гос. ун-т)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета*

Смирнов М. Ю.

С50 Очерк истории российской социологии религии: Учеб. пособие. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. — 141 с.
ISBN 978-5-288-04703-9

В учебном пособии рассматриваются основные периоды в развитии российской социологии религии, дана характеристика наиболее заметных отечественных персоналий и авторитетных исследований в области социологического изучения вопросов религии и общества, содержится описание возникавших проблем и поиска направлений развития социологии религии в России, приведена библиография отечественной социологии религии.

Учебное пособие адресовано студентам и аспирантам гуманитарных специальностей, социологам, религиоведам и всем, кто интересуется проблемами социологического осмысления религии в истории и в современном российском обществе.

ББК 60.5

© М. Ю. Смирнов, 2008
© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2008

ISBN 978-5-288-04703-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Тема религии и общества в русской социальной мысли XVIII — начала XX века	6
Глава 2. Социологический подход к религии и атеизму в 1920– 1950-е годы	30
Глава 3. Советская социология религии: опыт институционализации...	49
Глава 4. Современная российская социология религии	69
Глава 5. Социология новых религиозных движений и культов в Рос- сии	81
Заключение	96
Библиография	99

ВВЕДЕНИЕ

Возникновение социологии религии как научной дисциплины, с определенной предметной областью и собственными приемами исследования, принято относить к рубежу XIX–XX веков. В указанный период не только осуществлялась выработка общей проблематики и методологии социологического изучения религии, но и устанавливались ракурсы рассмотрения, выражавшие конкретно-исторические особенности и приоритеты той или иной региональной исследовательской среды. В этом плане вполне понятный интерес вызывают обстоятельства сложения **российской традиции социологии религии.**

Судьба данной традиции за минувшее столетие была крайне непростой: фактически в самостоятельное направление отечественной социологии она пока так и не воплотилась. Причины этого достаточно очевидны — идеологические и социально-политические доминанты советской эпохи сводили к минимуму возможность объективного социологического знания о религиозной ситуации в обществе, а структурная невнятность социально-гуманитарных наук в постсоветское время еще не дает социологии религии больших перспектив к самоопределению и институционализации. Но объяснение будет слишком упрощенным, если его не дополнить характеристикой внутренней логики освоения темы религии и общества социальной мыслью в России. В перспективе становящейся российской социологии религии поучительно рассмотрение ее предыстории, выявление особенностей, сопутствовавших опытам ее построения в дореволюционные и советские времена, раскрытие специфики нынешнего ее состояния.

Цель учебного пособия — познакомить с основными вехами в движении российской научной мысли к социологическому освоению вопросов религии и общества, с наиболее заметными персоналиями и авторитетными исследованиями в этой области, с возникавшими проблемами и поиском направлений развития социологии религии в Рос-

сии. Порядок рассмотрения соответствует следующей примерной периодизации истории отечественной социологии религии:

— Период предыстории (середина XVIII — XIX в.) и ранней стадии (конец XIX — начало XX в.) социологического подхода к религии в России;

— Период попыток социологического изучения религиозности и атеизма в СССР (1920-е — начало 1930-х годов) и их приостановки (середина 1930-х — 1950-е годы);

— Период советской научно-атеистической социологии религии (начало 1960-х — «перестройка» 1980-х годов);

— Постсоветский период социологии религии в России (с начала 1990-х годов).

Завершает пособие обзор основной проблематики социологического изучения новых религиозных движений и культов в России.

ГЛАВА 1

ТЕМА РЕЛИГИИ И ОБЩЕСТВА В РУССКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА

Религиозный фактор в сознании и поведении людей и связанные с ним социальные явления постоянно были в центре внимания российских ученых. В то же время взгляд на освещение этой темы в истории отечественной социальной мысли обнаруживает, что отношение к религии всегда носило неизгладимый отпечаток происходивших в стране общественно-государственных и духовных процессов. Попробуем обозначить наиболее явные *вехи формирования социологических воззрений на религию в России*.

1. Предтечей становления научного подхода к религии можно считать *секулярную* (от позднелат. *saecularis* — мирской, светский) *идеологию российского Просвещения XVIII в.* Масштабы и радикальность происходивших в ту эпоху изменений требовали, наряду со стремлением к ломке старых порядков, устойчивого убеждения в необходимости и оправданности перемен. Это влекло, в свою очередь, раскрепощение мышления, активное национальное самопознание, раскрытие собственных культурных сил и творческое усвоение результатов развития европейского Запада. Отсюда — распространенность в российской образованной среде идей философского рационализма, религиозного свободомыслия и деизма (от лат. *Deus* — Бог; воззрение на Бога только как творца мира, не вмешивающегося в течение сотворенного бытия).

Доступность общества умственному постижению и осознанному совершенствованию становится одним из ведущих мотивов в российском Просвещении. Существенное влияние в этом оказала *теория «естественного права»*, воспринятая через популярные в России трактовки С. Пуфендорфа и Х. Вольфа. Деистически ориентированная, эта

теория при объяснении общества на место божественного промысла ставила неизменные установления природы человека и его разума.

Однако существовавший в стране уклад религиозных отношений предполагал господство ортодоксальных церковно-богословских стандартов в истолковании мироустройства и общественной жизни. Конфессиональный консерватизм православия диссонировал с происходившей модернизацией России. Сложившаяся коллизия потребовала переосмысления места и роли православной церковности, корректировки ее социального статуса и обширной *секуляризации* (освобождения различных институтов общества от церковного влияния), приведшей к быстрому развитию светского начала в российской культуре.

Такая постановка не затрагивала значения самой религии как важнейшего устоя общественной психологии и мировоззрения. Тем не менее секуляристская тональность социальной мысли делала возможным критический анализ реального облика религиозных организаций, позволяла выявить положительные и отрицательные стороны их деятельности в государстве и обществе. Сохраняясь как предмет исповедания, религия становилась и предметом научной рефлексии.

Свобода от церковной авторитарности открыла дорогу науке, натурфилософским и антропологическим концепциям, социальному познанию. *С этого времени начинается отечественная традиция светской социально-философской мысли. В ее контексте и формируются исходные теоретические основания последующего социологического подхода к религии в России.*

2. Начальной вехой на этом пути стали размышления *об общей роли религии в человеческом развитии* на материале всемирной и отечественной истории, фундированные рецепциями теории «естественного права». Наиболее значимые опыты концептуальной разработки этих вопросов принадлежат *Василию Никитичу Татищеву* (1686–1750) и *Дмитрию Сергеевичу Аничкову* (1733–1788).

В произведении *В. Н. Татищева* «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ» (1733)¹ история человечества предстает как эволюционный процесс, подобный смене возрастных состояний, начало которому положено деистически понимаемым «первотолчком». Движущей силой исторического восхождения общества Татищев считал стадийный рост знаний, влекущий за собой распространение просвещенности. Религия (имеется в виду христианство) виделась в таком случае как одна из ступеней, которую необходимо пройти на пути обретения людьми духовной зрелости. Скудность в знаниях «младенчества» древних времен компенсировалась на стадии «мужества» одухотворяющим влиянием религиозной веры. Однако, как следует из

взглядов Татищева, при переходе общества к «зрелости» религия исчерпывает свои позитивные возможности, заострившись в строгих формах вероучения. Ограничивая умственное развитие народа догматико-каноническим и обрядовым укладом, христианская церковь способствует лишь укоренению суеверий и препятствует разумно обоснованному необходимому преобразованию. В результате государство (носитель разумного начала) вынуждено вносить коррективы в церковную сферу, реформируя ее и устанавливая порядок функционирования в обществе. При такой трансформации высокое значение религии не утрачивается, но раскрывается уже в большей степени через моральные отношения (гуманизация нравов, воспитание, культивирование почтительности к объединяющим народ святыням). Тем самым социальное и интеллектуальное пространство освобождается для дальнейшего развития человека через науки, образование, политико-правовую и хозяйственную деятельность.

Основной идеей трактата *Д. С. Аничкова* «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания» (1769) — первого русского труда о происхождении религии — выступает представление о естественных причинах возникновения религиозных верований. Главным образом это относится к таким свойствам человеческой «натуры», как страх перед неведомым, фантастическое истолкование впечатлений об окружающем, склонность к обоготворению необычных и особо выдающихся людей. Не последнее место в укоренении возникших таким путем верований, замечал философ, занимают и обманные действия служителей культа. Указывает Аничков и на пагубность для религиозной цели спасения разобщенности образов веры: «Но в том великое смертных неблагополучие, что и самое христианство столько уже превратилось от своей первоначальной сущности и расторгнулось на толикие раздоры, что в оных согласить смертных и множества веков не довольно».²

Характерным свойством подобных изысканий стал взгляд на религию как закономерное состояние, возникающее в ходе естественной эволюции народов, определяемое несовершенством их умственного и социального развития. Подчеркивался исторически необходимый (для нравственности и духовного пробуждения) и вместе с тем преходящий характер религиозных установлений, которые в разумно устроенном обществе полагались уже как препятствие прогрессивным преобразованиям.

3. Следующей вехой можно считать обращение отечественной мысли к вопросу о месте и значении конкретных религиозных образований в прошлом и настоящем человечества. Оно раз-

вилось из широкого контекста социально-философских воззрений русских мыслителей первой половины XIX в. Это было поколение современников «крестного отца» социологии Огюста Конта (1798–1857), которые оказывались подчас приверженцами расходящихся идейных течений, но в совокупности являли собой носителей рационально-аналитического начала в исследовании общественных процессов. Здесь следует назвать представителей отечественного шеллингианства *Александра Ивановича Галича* (1783–1848) («Картина человека», 1834) и *Николая Ивановича Надеждина* (1804–1856) («Европеизм и народность в отношении к русской словесности», 1836), участника декабристского движения *Михаила Александровича Фонвизина* (1788–1854) («Обозрение проявлений политической жизни России»), русского гегельянца историка *Тимофея Николаевича Грановского* (1813–1855) («Лекции по истории средневековья», 1848–1850).

Среди взглядов этого времени была принята трактовка общества как вещественного (наряду с природой) состояния бытия, выступающего стадией развертывания объективного духа через человеческое сознание. Общественное развитие с этой точки зрения представало как реализация различных проявлений духа, прежде всего — в образе религии. На отечественной почве таким проявлением выступает православие. В приложении к народной жизни, согласно мнению *Н. И. Надеждина*, оно становится упорядочивающим и организующим фактором социально-нравственных отношений.³ Однако, чтобы это произошло, церковное устройство православия, как полагал *М. А. Фонвизин*, должно быть свободно от приспособления к деспотическому режиму самодержавной монархии, иначе оно превращается в проводника искаженных представлений о земном назначении человека.⁴ О том, насколько возможна устроительная функция религиозных организаций даже при непростых отношениях с государственной властью, на примере истории Средних веков рассуждал *Т. Н. Грановский*: «... мы беспрестанно встречаем факты, показывающие, как благородно и вместе с тем ловко действовала церковь, как она пользовалась всеми обстоятельствами, чтобы смягчить нравы и облагородить общество, чтобы дурную его сторону обратить на что-либо хорошее».⁵

Во многих трудах этого периода прослеживается тенденция рассматривать религию как феномен, имеющий кроме мистического еще и социально-историческое содержание и потому доступный не только вероисповеданию, но и научному изучению.

4. Новые вехи обозначились в идейной атмосфере середины XIX в., которая внесла ряд дополнительных акцентов в интерес рос-

сийской общественной мысли к религии. *Прежде всего предметом исследовательских раздумий стал вопрос о характере влияния религиозной веры и церкви на исторический путь и судьбы Отечества.* Среди ведущих мотивов были выяснение и оценка тех последствий, которые имела для государственности, культуры и национального самосознания существовавшая в России система религиозных отношений.

4.1. Эта тематика остро присутствовала в противостоянии сложившихся к тому времени воззрений представителей западничества, начиная с «Философических писем» 1829–1831 гг. *Петра Яковлевича Чаадаева* (1794–1856), и славянофильства — *Алексея Степановича Хомякова* (1804–1860) («О старом и новом», 1839), *Ивана Васильевича Киреевского* (1806–1856) («О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России», 1852), *Константина Сергеевича Аксакова* (1817–1860) (Записка «О внутреннем состоянии России», 1855).

Как считали славянофилы, государственное устройство и народный быт формируются религиозными началами. От направленности этих начал зависят содержание и перспектива общественного развития. С такой точки зрения церковные формы западного христианства рассматривались как уклонение от сути религии, под которой мыслилось богопознание. Результатом стало, как полагал, например, *А. С. Хомяков*, подчинение христианства земным целям, утрата западным обществом духовных устоев жизни и его грядущий упадок. Признавалось, что Россия исторически также не избежала отчасти формального усвоения христианства, но все-таки сохранила коренной для нее единый общинный уклад и соответствующий «соборный» разум народа, благодаря чему в русском обществе возобладает православное духовно-нравственное содержание.

Одним из непростых вопросов для славянофильства стало положение церкви в государстве, точнее — отношение церковной «внутренней цельности» религиозного духа к мирским влияниям, от которых никакая церковь полностью не свободна и которые могут пагубно отразиться на ее авторитете. Какого-то иного средства от церковного и общественного упадка, кроме упования на «пронизанность» государства и народа истинной верой (православием), предложено не было.

В дальнейшем представители славянофильской традиции весьма основательно разрабатывали тему общественного звучания религии в России, что видно, например, из трудов *Николая Яковлевича Данилевского* (1822–1885) («Россия и Европа», 1871), *Константина Николаевича Леонтьева* (1831–1891) («Византизм и славянство», 1875), *Юрия Федоровича Самарина* (1819–1876) («Два письма об

основных истинах религии. По поводу сочинений Макса Мюллера «Введение в сравнительное изучение религий» и «Опыты по истории религий», 1876). По мысли *Н. Я. Данилевского*, «без христианства нет и истинной цивилизации, т. е. нет спасения и в мирском смысле этого слова».⁶ Разумеется, преобладающее внимание уделялось при этом православию, поддержание которого рассматривалось как фундамент стабильности русской народной и государственной жизни. «Если же сила России полезна для Церкви, то для верующего члена той же Церкви, — писал *К. Н. Леонтьев*, — должно быть если не дорого, то хоть сносно все то, что хотя бы косвенно и невольно охраняет Россию, все, что кладет препоны совокупности основных русских зол, именно: либерализму, безбожию, утилитарному мировоззрению... и т. д.».⁷ Наличие в России и других вероисповеданий, как правило, тоже учитывалось, но их социальное значение отражалось фрагментарно и поверхностно в силу оценочного приоритета православной традиции. *Отношения же между Православной церковью, государством и обществом рассматривались преимущественно в историческом и богословском аспектах.*

4.2. Одновременно формировалось и усиливалось направление, видевшее перспективу России в революции и социализме и потому критически настроенное к религиозному укладу общественной жизни. Разнообразный спектр его позиций представляли, к примеру, приверженец коммунистических идей *Николай Александрович Спешнев* (1821–1882) («Рассуждение о двух вопросах: общественном и религиозном», 1848), философ-материалист *Александр Иванович Герцен* (1812–1870) («Русский народ и социализм», 1851), теоретик анархизма *Михаил Александрович Бакунин* (1814–1876) («Федерализм, социализм и антитеологизм», 1862).

Важное место в их воззрениях занимали оценки социального предназначения религии в России. Оно трактовалось как удержание общества в примиренности с положением, обеспечивающим приоритет эксплуататорской его части. Религия в таком обществе, считал *А. И. Герцен*, это «только крепкая узда для масс, самое страшное пугало для простаков, высокая ширма, которая мешает народу ясно видеть то, что происходит на земле, заставляя его возводить взор к небесам».⁸ Не менее резко звучала и характеристика социальной функции церкви, которая, по определению *М. А. Бакунина*, «представляет для народа род небесного кабака, точно так же, как кабак представляет нечто вроде церкви небесной на земле; как в церкви, так и в кабаке он забывает хоть на одну минуту свой голод, свой гнет, старается успокоить память о своей ежедневной беде один раз в безумной вере, а другой раз в вине. Одно опьянение стоит другого».⁹

Общим свойством для данного направления было убеждение в исключительно социальной природе религии, а именно в ее произрастании из несовершенства общественного устройства.

5. Пореформенная эпоха XIX в. стала для российской социальной мысли временем серьезного освоения социологии и включения ее в исследование общественных процессов. Оно сопровождалось, по словам современного исследователя, «азартом и энтузиазмом» социологически мыслящих ученых, чьими стараниями «социальное» — рабочий, крестьянский, женский, национальный вопросы — выносятся на страницы печати. В этом ряду оказываются и вопросы религиозной жизни общества. Их освещение продвигалось непросто. Церковные синодальные круги крайне враждебно реагировали на вмешательство в сферу своей «компетенции». Кроме того, не существовало еще собственной теоретической базы отечественной социологии. «Неакадемическая форма распространения социологической социальной мысли — характерная черта того времени. Правда, дискурс осуществлялся в границах скорее обыденных, житейских представлений. Научная культура социологического мышления еще только обозначается...»¹⁰ Теоретический багаж новой общественной науки составил позитивизм, воспринятый из знакомства с традицией, шедшей от О. Конта и Г. Спенсера.¹¹

5.1. Реакция на позитивистские увлечения могла быть, хотя и по несхожим мотивам, весьма критичной. Подобное обнаруживается у столь разных теоретиков, как религиозный философ *Владимир Сергеевич Соловьев* (1853–1900) («Кризис западной философии», 1874), идеолог народничества *Петр Никитич Ткачев* (1844–1885) («Роль мысли в истории», 1875), лидер российского либерализма *Борис Николаевич Чичерин* (1828–1904) («Положительная философия и единство науки», 1892), материалист и социалист *Николай Гаврилович Чернышевский* (1828–1889), назвавший Конта «довольно ограниченной головой» и «глупцом», а Спенсера — «знаменитой мелюзгой».¹² В конфессиональной среде отношение к «огюст-контизму» было отрицательным, хотя отдельные научные его достоинства иногда признавались.¹³

Одним из пунктов контовского учения, вызвавших в 1870-е годы возражения *В. С. Соловьева*, стало понятие теологической стадии (état théologique) эволюции общества, которая воспринималась тождественной религии. Позитивистская трактовка, считал русский философ, не имеет ничего общего с «собственным содержанием действительной религии». Сведение Контом религии на положение одной из ментальных форм, вырабатываемых для объяснения мира (наряду с

«метафизикой» и «позитивной наукой»), лишает ее, по мнению Соловьева, подлинного качества безусловного основополагающего начала человеческой жизни.¹⁴ Двадцать лет спустя Соловьев пересмотрел ряд своих критических суждений, признав, что контовская идея Великого Существа как совокупный образ всех существ, свободно содействующих совершенствованию всемирного порядка, не противоречит христианскому пониманию Богочеловечества.¹⁵

5.2. Однако более популярным в этот период было активное освоение и распространение идей позитивизма, чему отдали дань многие, также различные меж собой, мыслители: революционный демократ *Дмитрий Иванович Писарев* (1840–1868) («Исторические идеи Огюста Конта», 1865), народник *Петр Лаврович Лавров* (1823–1900) («Задачи позитивизма и их решение», 1868), либерал *Константин Дмитриевич Кавелин* (1818–1885) («Априорная философия или положительная наука», 1875), анархист *Петр Алексеевич Кропоткин* (1842–1921) («Анархия и ее место в социалистической эволюции», 1887).

О привлекательности контовской методологии высказался *П. Л. Лавров* в статье «Теоретики сороковых годов в науке о верованиях» (1882): «Позитивизм поставил ясно и определенно задачу... понять связь всех явлений, доступных человеку, начиная с движения масс до общественного развития; понять это, устраняя все сущности, реальные или идеальные, бытие которых не указано свидетельством опыта, употребляя *только* научный метод... В то же время позитивизм указал реальную зависимость между феноменологиею духа и объективной связью явлений».¹⁶ Таким образом, область религии объявлялась вполне постижимой средствами науки, а религиозное понимание мира «упразднялось» всеилием научного объяснения.

Независимо от меры убедительности в суждениях приверженцев и противников позитивизма, можно сказать, что отечественная мысль приблизилась здесь к новой парадигме исследования религиозной жизни общества. Религия рассматривалась как органичный фактор в целостной системе общественных явлений, применялся эволюционистский подход, делались попытки вычленить основные элементы религиозной сферы и определить их социальную функциональность.

6. Нетрудно заметить, что практически все упомянутые выше персоналии не являлись в собственном смысле слова социологами. В большинстве своем они представляли историко-аналитическую и философскую (часто с религиозным акцентом) области российской социальной мысли. Исследователь отечественного обществоведения *Николай*

Иванович Кареев (1850–1931) как-то высказался по поводу Чернышевского, что того «можно назвать самым крупным социологом в России до возникновения в ней социологии, но с оговоркой, что он был социологом, сам того не зная».¹⁷ Аналогичное суждение уместно и о прочих достойных мыслителях из приведенного ряда. Социология была для них, замечает Кареев, побочным или «добавочным предметом знаний».

6.1. Эмпирическое изучение общественных процессов в России, по сравнению с трудно становившейся теоретической социологией, было более организованным и по-своему продуктивным. Его отличала высокая статистическая насыщенность. *Именно в недрах статистики, достаточно развитой в пореформенный период, складывались основания российской эмпирической социологии.* «Многие статистические исследования того времени по методологическим подходам, кругу проблем и применявшимся методам сбора и анализа эмпирических данных и сегодня вполне отвечают требованиям к проведению описательных социологических исследований».¹⁸

В практике земской статистики широко применялись массовые опросы и были выработаны их основные методико-организационные разновидности: «корреспондентский способ» (письменный опрос), «метод самосчисления» (раздаточное анкетирование), «экспедиционный способ» (интервью). С конца XIX в. многие общественные организации принялись составлять программы «для собирания сведений» о различных сторонах жизни народа. В содержание программ входили перечни вопросов о фактах поведения людей, их мнениях, традициях и привычках. Применялись и другие способы изучения (наблюдение, анализ народного чтения и проч.).¹⁹

Сопряженность статистики (решавшей прикладные задачи в земском и ведомственном масштабах) и социологии (устремленной к постижению закономерностей общественной жизни в целом) в российских условиях рубежа XIX–XX вв. так и не получила законченного воплощения. Однако применение статистических методов на эмпирическом уровне исследований считалось вполне приемлемым и даже необходимым. Преобладал метод статистического наблюдения — описание различных компонентов массовых социальных процессов, позволяющее устанавливать повторяемость однородных явлений, делать заключение об устойчивости этих повторяющихся явлений, выяснять их соотношения и связи сопутствующих друг другу изменений.²⁰

Все это каким-то образом включало в свой оборот материал из религиозной сферы. Как констатирует В. И. Гараджа, «в дореволюционной России характеристика состояния религиозности в обществе была прерогативой органов государственной статистики».²¹ Но дальше

обширных статистических сводок, подобных таблицам распределения населения по вероисповеданиям, дело не шло.²²

6.2. Первые значимые опыты построения собственно социологической теории относятся к концу XIX в. Воззрения большинства ее ведущих представителей (Н. К. Михайловский, Е. В. Де-Роберти, М. М. Ковалевский и др.) все еще определялись, в разной степени воздействия, установками позитивизма. В то же время идейное наследие консерватизма, либерализма и левого радикализма также не осталось без востребования в деятельности российских социологов.²³ На этой волне окрепли и антипозитивистские установки, а также получил популярность марксистский подход. *Особенность периода — разработка языка социологической науки:* «... для социологов было важно договориться, что понимать под обществом, народом, классами, интеллигенцией и т. д.»; начались также и «активные попытки пересмотреть отношения с другими гуманитарными науками».²⁴ Одновременно дифференцируются теоретико-методологические предпочтения и исследовательские мотивации социологов. Весомым фактором остается влияние религиозных умонастроений на социальную мысль. Итогом стало возникновение еще на ранней стадии отечественной социологии нескольких идеологически расходящихся тенденций.

6.3. Если появление начальной формы общей социологии в дореволюционной России как-то поддается установлению, то *о наличии специального направления социологического знания, имеющего своим предметом религию, говорить вряд ли возможно.* Не могла быть таковой даже совокупность социологических идей русских религиозных философов. По справедливому замечанию современного автора, рассмотрение их в этом качестве «небезосновательно воспринимается многими исследователями, строго относящимися к границам компетенции социологии, как известные натяжки, вызванные субъективным желанием «втиснуть» социально-философские идеи в рамки социологии».²⁵ Применительно же к общему состоянию можно, пожалуй, принять предложенную В. И. Гараджой формулировку «русская социология о религии», более точную для данных обстоятельств, нежели «социология религии в России».²⁶

Полемичность взглядов сторонников разных общественных движений переводила социальную проблематику религии из предмета исследования скорее в повод для выражения своей идейно-политической позиции.²⁷ Научная аналитика нередко уступала место социальной публицистике и сугубо оценочному подходу. Из такой ситуации, собственно, и следовало *отсутствие у истоков российской теоретической социологии какой-либо цельной и авторитетной исследовательской концепции религии.*

7. Тем не менее начало XX в. было ознаменовано заметной тенденцией в отечественной социологии к построению систематизированного теоретического объяснения вопросов религии и общества. Здесь приходилось решать сразу несколько задач.

7.1. *Первая из них — размежевание нарождавшегося социологического подхода к религии с социальными взглядами религиозных философов и политико-идеологической нормативностью общественных движений.* Насколько непростым делом это было, можно судить по содержанию популярного в свое время сборника «Социальное значение религии и религиозной личности».²⁸ Несмотря на название, все представленные в нем публикации относились к каким угодно направлениям русской мысли, кроме социологического (основной объем составили перепечатки работ А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского, С. М. Соловьева, В. С. Соловьева). Трудно судить, был ли «развод» тогда вообще полностью осуществим, если иметь в виду биографические обстоятельства даже таких наиболее приблизившихся к социологии религии мыслителей, как С. Н. Булгаков (чей путь пролегал от легального марксизма через «христианский социализм» к православному священству) и П. А. Сорокин (не один год своей жизни посвятивший участию в партии социалистов-революционеров).

По-своему важной была и другая задача — знакомство с иностранным опытом построения социологии религии. Труды ее основоположников — Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера — становились известны в России практически сразу после их выхода в свет. Теоретические работы зарубежных современников сыграли определенную роль в развитии общей социологии — отечественные ученые, соотнося с их суждениями свое видение этой науки, более точно формулировали собственное понимание ее содержания и задач.²⁹ Однако в том, что касалось непосредственно социологии религии, дело ограничивалось, в основном, переводами и комментированием; о каком-то заметном методологическом влиянии на воззрения по религиозной проблематике (может быть, за исключением М. М. Ковалевского и П. А. Сорокина) говорить трудно.³⁰

Самой же существенной задачей, так и не решенной отчетливо в тот период, стало определение предмета и значения социологии религии. Из весьма невеликого числа имевших место подступов к данному вопросу заслуживают внимания труды профессора Московской духовной академии *Алексея Ивановича Введенского* (1861–1913) — «Религия и социология. Религия как явление социальное» (1900) и «Религиозное сознание язычества. Опыт философской истории естественных религий» (1902).³¹ Рассматривая

религию как раскрытие человечеству безусловного трансцендентного начала, автор предлагает различать в этом процессе два взаимосвязанных измерения. Первое — выражает психологическую сторону религиозной жизни, которая строится на отношениях людей к божественному и выявляется в актах веры. К этому измерению научный взгляд неприменим, как и вообще ко всему, что касается происхождения и «запредельной» сущности религии. А вот другое измерение — это «социологическая закономерность религиозного процесса», познание которой вполне может быть занятием науки. Трансцендентность источника религии ограничивает сферу приложения к ней социологии. Исследованию доступны, утверждал Введенский, лишь «формы общественно-религиозного сознания» в их связи с другими социальными факторами. Пределы социологического изучения задаются рубриками «церковь и государство», «церковь, общество и личность». Отсюда и следовали «задачи социологии в ее отношении к религии»: во-первых, изучать соотношение религиозного сознания с различными формами социального сознания («статика»); во-вторых, изучать законы смены форм религиозного сознания («динамика»). Решая эти задачи, социолог может выяснить, каким образом религия влияет на общественное устройство, социальное согласие и нравственные устои.

В такой постановке фактически еще нет ни дифференцированного указания предметной области социологии религии, ни конкретной адресности исследовательской работы. Однако присутствует принципиальный методологический посыл: социология религии не должна претендовать на постижение мистического смысла верований и религиозных учений, касаться психоэмоциональной стороны веры в трансцендентное существо. Она предназначена для рассмотрения «земных» условий, в которых пребывают носители религиозного сознания, способствует выяснению взаимных воздействий религии и социальной жизни.

7.2. *Суть другого важного методологического мотива, который различим у истоков российской социологии и мог быть очень полезен социологическому подходу к религии, состояла в том, что научное исследование должно по возможности дистанцироваться от обслуживания каких-либо политических или идеологических целей и стремиться к непредвзятому анализу общественных процессов.*

Это положение обнаруживается в трудах *Максима Максимовича Ковалевского* (1851–1916). Оно объективно вытекало из понимания Ковалевским назначения социологии как науки. Ее задачей должно стать преодоление односторонности существовавших теорий

психологизма, органицизма, географического детерминизма и проч., каждая из которых раскрывала лишь ограниченный набор оснований общества, тогда как прогресс есть следствие многофакторного воздействия, а это может быть описано только единой социальной теорией. Данная позиция обусловила интегрирующий способ объяснения конкретных факторов общественной эволюции — экономических, политических, духовных. Поэтому религия понималась ученым как выдающаяся, но не исключительная в сложной совокупности детерминант социального поведения, и рассматривать ее требовалось в обязательном сочетании со всеми прочими.

Уже в то время, когда им исследовались феномены так называемого «обычного права» у народов России («Современный обычай и древний закон», 1886, «Закон и обычай на Кавказе», 1890), Ковалевский делает вывод о взаимовлиянии юридических и религиозных элементов при урегулировании межличностных, внутриобщинных и межобщинных отношений. В этих отношениях религиозный фактор выступает не только своей вероисповедной стороной, но и как социально необходимое установление, устраняющее разрушительные для сообщества проявления произвола и дезорганизации. В частности, культ первопродка делает обязательным усвоение тех коллективных верований, которые скрепляют все составляющие общинного образа жизни в устойчивую целостность, тем самым обеспечивая выживание и воспроизведение рода.

Такое объяснение обнаруживает близость представлений М. М. Ковалевского к концепции социальных функций сакрального Э. Дюркгейма (особенно это заметно в труде «Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом», 1905). С Дюркгеймом он был знаком лично и популяризировал его взгляды в ряде своих работ (в том числе в книге «Современные социологи», 1905).³² Не менее важен для анализа явлений религии и разрабатывавшийся Ковалевским историко-сравнительный метод параллельного изучения общественной эволюции различных народов. Материал религиозных верований в их сопряжении с семейно-бытовыми и хозяйственными отношениями служил источником реконструкции сходных социальных состояний при идентичных стадиях развития.

Подход Ковалевского и созвучные ему разработки других исследователей обозначили одну из заметных тенденций социальной мысли в России начала XX в. — стремление преодолеть отношение к религии как к чему-то сверхобычному, совершенно выходящему из ряда социокультурных явлений и недоступному для научного постижения. Однако из убеждения в познаваемости социальных смыслов религиозного могли произрастать принципиально расходящиеся концепции.

8. Наиболее радикальной из них была система воззрений на религию, формировавшаяся в рамках **русского марксизма**. Здесь, в свою очередь, можно различить две сопричастовавшие тональности — наукообразную, заявленную **Георгием Валентиновичем Плехановым** (1856–1918), и политизированную, представленную **Владимиром Ильичем Лениным** (1870–1924).

8.1. **Г. В. Плеханов** еще в 1889 г. выразил позицию в вопросе о религии следующим тезисом: «... в настоящее время уже никто из людей, имеющих хоть некоторое понятие о научном мышлении, не станет ссылаться на божью волю как на причину явлений природы или общественного развития».³³ Позднее, отвечая на анкету французского журнала «*Mercure de France*» (1907), свою точку зрения на будущность религии он назвал «социально-эволюционной», согласно которой судьба религиозных идей и чувств зависит от научного и общественного прогресса. Впрочем, допускалось, что «еще могут быть и будут, по всей вероятности, пережитки, которые породят ублюдочные, полуматериалистические, полуспиритуалистические концепции мира».³⁴ Понимание истории, видевшее в подоплеке всех духовных процессов диалектику базисно-надстроечных отношений, объясняло религию материалистически, в качестве одной из форм отражения общественного бытия. Поэтому состав религии — «более или менее стройная, т. е. более или менее свободная от противоречий, система представлений, настроений и действий» — редуцировался к социальным основаниям. Истоки религии относились к анимистическим верованиям первобытности, религиозные системы последующих времен объяснялись социально обусловленной эволюцией анимизма.³⁵ *Совершенствование общества в социалистическом направлении и развитие науки лишают религию оснований и ведут к ее исчезновению, полагал Плеханов.*

8.2. В ракурсе рассмотрения темы религии и общества **В. И. Ленин** к материалистической трактовке добавляется страстность партийного полемиста. Социологические вопросы в его произведениях, как удачно подметил еще в 1920-е годы Н. И. Кареев, «ставились и решались... в постоянной связи с текущими злобами дня, с непосредственными практическими задачами революционной борьбы, с требованиями ее стратегии и тактики, с условиями ее технической стороны».³⁶ Столь прикладная мотивация обусловила осознанно избирательное отношение Ленина к данной тематике: прежде всего его интересовала классовая направленность процессов, связанных с религией и религиозными организациями. С одной стороны, он вполне объективно указывал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на

известной стадии их развития...» (1899).³⁷ С другой же — категорично констатировал: «Когда общество устроено так, что ничтожное меньшинство пользуется богатством и властью, а масса постоянно терпит «лишения» и несет «тяжелые обязанности», то вполне естественно сочувствие эксплуататоров к религии, учащей «безропотно» переносить земной ад ради небесного, будто бы, рая» (1902).³⁸ В развитие этого положения звучат афористичные ленинские инвективы из работы 1905 г. «Социализм и религия» о социальной роли религии, которая «есть один из видов духовного гнета, лежащих везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждой и одиночеством»; «род духовной сивухи, в которой рабы капитала топчут свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь». Настаивая, как и многие иные авторы, на наличии у религии социальной природы, Ленин усматривал ее «корни», однако, исключительно в «придавленности трудящихся масс», их страхе перед «слепой силой капитала» (1909).³⁹ Некоторая оговорка, правда, оказывалась необходима: «Было время в истории, — признавал он в переписке с А. М. Горьким в ноябре 1913 г., — когда... борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы одной *религиозной* идеи против другой». Но это время, по мнению Ленина, давно прошло. Постоянным же остается то, что «никогда идея бога не «связывала личность и общество», а всегда *связывала* угнетенные *классы* верой в *божественность* угнетателей». ⁴⁰ Столь ограниченная характеристика социального смысла религии свидетельствует о явном игнорировании достигнутого к той поре научного видения многозначности функций сакрального в жизни общества. *В дальнейшем ленинские суждения о религии и церкви окончательно подчиняются политическим установкам, и это по существу выводит их за пределы социологического дискурса.*

9. Но из признания за религиозными процессами социального содержания и намерений его научного объяснения могло также вытекать совершенно иное следствие — попытка выработать на базе христианских представлений и социологии некий объединяющий их тип знания. В терминологии наиболее продуктивного инициатора этой идеи *Сергея Николаевича Булгакова* (1871–1944) такое образование именовалось «*христианской социологией*». ⁴¹

Несмотря на общую обрисовку круга необходимых задач «христианской социологии», С. Н. Булгаков не сформулировал какой-то законченной ее концепции. Это было вызвано, по всей видимости, нараставшей динамикой социально-политических процессов в России начала XX в., требовавшей постоянно соразмерять неизбежность основных религиозно-философских устремлений с периодическим уточнением

оценок быстро меняющегося отношения общества к религии. «Историческое время уплотнилось, и темп событий становится все стремительнее, — писал Булгаков в декабре 1916 г. — Все чернее ложатся тени, обуревающая сырые, немощные души... все явнее уходит Церковь с исторического горизонта в пески пустыни». ⁴² Тем не менее его размышления о религиозно-социальных вопросах достаточно связны и предметны. Среди пространного ряда выделим два, ближе всего стоящих к области социологии религии: вопрос о взаимосвязи религиозности с хозяйственной жизнью общества и вопрос, который сам Булгаков назвал «общественность и церковность».

Обращаясь к первому из них, отметим (по уже сложившейся в исследовательской литературе традиции ⁴³) тематическое созвучие взглядов на проблему «религия и экономика» у С. Н. Булгакова и М. Вебера, со знаменитым трудом которого «Протестантская этика и дух капитализма» русский ученый был хорошо знаком. Обоих авторов интересовала проекция религиозного начала на сферу хозяйственных отношений и соответствие социально-экономических институтов духу конфессиональной этики (для Вебера — протестантской в ее кальвинистском варианте, для Булгакова — православной). Но направленность в разработке этой тематики у них заметно различалась. Вебер концентрирует внимание на том, как религиозные идеи и ценности генерируют типологический набор личностных качеств, реализуемых людьми в разных формах социального поведения. Характер хозяйственной жизнедеятельности рассматривается им как что-то вроде «опредмеченных» в мирском пространстве установок веры. Булгаков также касается подобного явления (на примере старообрядческого предпринимательства), указывает на мотивы трудовой этики в русском православии. ⁴⁴ Однако гораздо больше его занимает внутреннее состояние вовлеченного в хозяйственную деятельность христианина, а именно — насколько органична эта деятельность религиозному сознанию, пронизанному эсхатологизмом и сотериологическими упованиями. В этом пункте Булгаков неожиданно категоричен: хозяйство, «как связанное с проклятием земли, *не имеет* в себе эсхатологических задач... поэтому оно должно прерваться, подобно человеческой жизни... Евангелие в области хозяйственного поведения указывает как идеал не свободу в хозяйстве и *через* хозяйство, но свободу *от* хозяйства... Хозяйство же им только попускается — оно мирится с ним как с тяготой жизни века сего, но не более». Единственным оправданием хозяйства служит то, что в его обыденно-рутинной повседневности, где есть и принуждение, и обман, все же «созидается историческое *тело* человечества, которому надлежит «измениться» в воскресении». ⁴⁵

Применительно к организму «видимой» церкви такое положение означает, что ей пристало недвусмысленное отделение от хозяйства в широком его понимании. Достаточно будет тех имущественных прав, которые поддерживают ее земное существование. Но если особого хозяйственного интереса церковь иметь не должна, то это не отменяет для нее долга попечения о христианах, которые в своей обыденности вовлечены в общественную жизнь, политику и экономику. Поэтому функция церкви в обществе, по Булгакову, — быть «коллективной социальной совестью своих членов, судящей о добре и зле в социальной жизни», направлять нецерковную стихию к христианским целям.⁴⁶

В этом ключе затрагивается второй вопрос — об общественности и церковности. Булгаков оперирует образом общества как «живого существа», «социальной плоти» и рассматривает его в двух состояниях. Первое — это состояние внешней религиозности, охватывающей общественный организм как оболочка. Она освящает исторически установившиеся общественно-государственные порядки и до поры остается вполне действенной. Но ее формализм и принудительность обернулись в конце концов секуляризацией, когда общество освободилось от религиозной ответственности и ощутило себя как самоценность. Однако утрате подверглись не только отжившие внешние элементы, а и трансцендентные ориентиры, что стало разрушительным для социального организма. Здесь и наступает черед новой церковности — не отягощенной грузом мирских интересов и потому независимой, вносящей в многообразие социальной жизни целостность духовного опыта. Результатом усилий такой церковности будет второе состояние — новая общественность, формирующаяся из людей, живущих в единстве религиозной мотивации и социальной ответственности.⁴⁷

Можно заметить, что «христианская социология» у Булгакова и разделявших его начинание российских авторов оказывается совокупностью рефлексий по поводу некоего должного образа религиозности и церковной жизни.⁴⁸ Это даже не социология христианства (или точнее — православия), а тем более — не социология религии. Скорее здесь имеет место религиозно-философский взгляд на социальные проблемы, перед лицом которых оказалось христианство, и как всякое религиозно ориентированное отношение такой взгляд отдает приоритет мистическому перед рациональностью социологического анализа.

10. В среде социологов предреволюционного времени так и не появилось какой-то заметной фигуры, с именем которой можно было бы связать теоретическую, а тем более практическую, деятельность по созданию отечественной социологии религии. Обычно указывается,

что «ближе других подошел» к этому *Питирим Александрович Сорокин* (1889–1968). Вполне вероятно, что потенциал этого замечательного ученого действительно предполагал плодотворную работу в области социологии религии. Труды Сорокина увенчали досоветский период российской социологии и поддерживали определенный уровень ее научности в первое советское пятилетие. Но его взгляды на религию, относящиеся к данному времени, все же не выходят за рамки фрагментарности. Реконструкция из них чего-то целостного становится уже делом исследователей творчества Сорокина, причем далеко не всегда этот сюжет находится в числе ведущих.⁴⁹ В кратком обобщении оценки и выводы П. А. Сорокина по тематике религии и общества в его работах до 1922 г. представляются следующим образом.

С раннего периода своих научных занятий Сорокин по мере надобности касался вопросов религии, особенно ее роли в общественной эволюции («К вопросу об эволюции и прогрессе», 1911, «Социологический прогресс и принцип счастья», 1911–1912⁵⁰). Уже в этих работах обозначилась необходимость методологических критериев социологического понимания явлений духовного порядка.

Первое монографическое исследование Сорокина — «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» (издано в 1914 г.) — вводит принципиальную для его воззрений идею о социальном характере всяких имеющих психическую природу взаимодействий между людьми. Психофизические механизмы взаимодействий многообразны — среди них не только бессознательные рефлексы и «биосознательные» факторы (голод, жажда, половое влечение и проч.), но также «социосознательные» образования (знания, нормы, ценности). Все эти порождения психики в жизненной активности индивидов выходят за пределы внутреннего состояния и становятся социальными явлениями. Взаимодействия (социальные связи) между данными явлениями составляют социальное поведение. Обычно взаимодействия осуществляются через «внешнесимволическую» сторону социальных явлений: ею могут выступать язык, письменность, деньги, искусство и многое другое. Субъекты взаимодействия типологически различаются принадлежностью к различным социальным группам. Какие-то из социальных связей оказываются для этих групп антагонистическими, другие — обеспечивают солидарность. Естественно, что для своего сохранения образующаяся социальная система нуждается в устоях, поддерживающих необходимость для нее структуру.

Здесь и обнаруживается феномен религии — она выступает регулятором социального поведения, устанавливая безусловные сакральные величины, воплощающие фундаментальные психические начала

жизни. Поясняя это, Сорокин писал: «...церковь и другие религиозные предметы «святы» потому, что они суть «предметные» символы непредметных и святых психических переживаний — религиозных мыслей, представлений, чувств и т. д. Святость вторых делает святыми и первые. ... Говоря коротко, все религиозные реликвии — это застывшие в вещественной форме религиозные переживания».⁵¹

В данном теоретическом построении обращает внимание, кроме прочего, заметное влияние социологии Э. Дюркгейма, к трудам которого Сорокин обращался неоднократно. Тогда же, в 1914 г., он публикует две статьи, посвященные взглядам Дюркгейма на религию. Отдавая прежде дань анимистической теории (в духе Э. Тайлора и Г. Спенсера), с этого времени Сорокин в большей мере оперирует дюркгеймовской концепцией сакрального и профанного. Этот подход был, в частности, применен им при интерпретации элементов архаического культа у родственного народа коми (его мать — зырянка) в работе 1917 г. «К вопросу о первобытных религиозных верованиях зырян».

Относя религию к факторам социальной интеграции и регулирования общественных процессов, Сорокин уточняет — что именно позволяет ей выступать в этом качестве. С его точки зрения, религия — это «мирообъемлющий синтез... и обобщение мира понятий». В статье времен Первой мировой войны «О так называемых факторах социальной эволюции» Сорокин сжато дополняет этот тезис: «Какова высота знаний — такова и религия; для первобытного человека с его невежеством и не могло быть иной религии, кроме наивно-анимистической. Изменилось знание — меняется и религия. ... Сделайте разрез в современном обществе по отношению к высоте знания и вы увидите, что в слое с одинаковым приблизительно уровнем знания одинакова приблизительно и религия, в слое с иным уровнем — иная. Эта форма мысли. ... не остается бестелесной, а выражается вовне. ... Церкви, пагоды, иконы, статуи, жреческие и священнические одежды, обряды, молитвы, заклинания и весь культ с этой точки зрения есть застывшая, выразившаяся вовне религиозная. ... мысль».⁵²

Вершиной русского периода творчества П. А. Сорокина считается двухтомный труд «Система социологии» (1920). В нем и некоторых других публикациях доэмигрантских лет Сорокин развивает свою характеристику религии, сближая ее с наукой, правовыми и этическими учениями. Это сближение предполагает, что религия, как и прочие интегрирующие факторы, содержит определенное социально необходимое знание. Однако реальное бытие религии демонстрирует периодическое преобладание в ней объективно неистинных представлений (их Сорокин называет *верованиями*), которые выражают сиюминут-

ные «животные» побуждения. Верования освящают низменные стороны жизни и становятся препятствием на пути подлинного прогресса общества да и нормального функционирования религии тоже.

Взгляд «изнутри» на происходившее с религией в Советской России особого оптимизма по поводу ее судьбы у Сорокина не вызывал. На место прежних верований шли новые, в форме коммунистической идеологии, сохраняя свойство искажать реальность по меркам политической конъюнктуры. В то же время любые социальные катаклизмы вряд ли способны бесповоротно извратить глубинную природу религиозного фактора; меняются символические выражения, но не его суть. Религию Сорокин образно назвал «социальным костюмом», который можно снять и переменить. «Если бы этот костюм был чисто идеологическим, то такие верования менялись бы очень часто, ибо верования вообще изменчивы. Но в религии суть дела не в верованиях, не в тех или иных комплексах идей, а в чувственно-эмоциональных переживаниях веры человека. В последних — коренное ядро религии». Что же касается наблюдаемого в истории религий чередования застоев со временами перемен, то оно «стоит в связи с изменением всего социального уклада населения, меняющего его. ... аппетиты, стремления и чувства-эмоции». С другой стороны, «новая вера, раз появившись, сама оказывает известное воздействие на это изменение».⁵³

11. Суждение о последствиях «новой веры» оказалось точным в отношении не только перемен социального уклада, но и судьбы отечественной социологии (не говоря уже о личной судьбе самого Сорокина). **Рубежным стал 1922 г.** На открытом диспуте 22 апреля в Петроградском университете «Система социологии» получила признание как выдающееся достижение русской социологической мысли. Но за месяц до этого вышла статья В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма», где «некий г. П. А. Сорокин» персонально удостоился причисления к разряду «дипломированных лакеев поповщины». Дополнительную угрозу в адрес Сорокина вызвала его рецензия на переиздание в том же году книги Н. И. Бухарина «Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии».⁵⁴ В сопоставлении с общим уровнем марксистской литературы Сорокин уподобил эту работу Бухарина Монблану, но весьма критично отозвался о присущей ей вульгаризации и политизированности оценок. (Через несколько месяцев в знаменитом «Письме к съезду» и сам В. И. Ленин подчеркнул, что в Бухарине-теоретике «есть нечто схоластическое».) Завершающими публикациями Сорокина в Советской России, накануне сентябрьской высылки из страны, стала серия статей о таком факторе социальной эволюции, как голод. В одной из них социолог провел прямую параллель между христианским и коммунистическим

движениями, предсказав для последнего перспективу перерождения в «механизм эксплуатации», подобно случившемуся некогда с возвысившейся до материального и политического господства христианской церковью.⁵⁵

Месяц спустя после изгнания П. А. Сорокина, 30 октября 1922 г., другой российский ученый — историк **Н. М. Никольский** — сделал очень пафосный, пронизанный энтузиазмом доклад на торжественном собрании в Белорусском государственном университете. Его речь была посвящена теме «Религия как предмет науки». Торжествуя по поводу освобождения наук от религии, «из пут богословского изучения всех различных конфессиональных школ и направлений», будущий советский академик оптимистично заявлял: «Вопросы религии стали предметом массового свободного обсуждения... и немногочисленным имеющимся у нас ученым, которые раньше занимались историей религии приватным образом, дана возможность углубиться самим в новую науку и подготовить в ее области новых специалистов вне всякого давления или влияния богословия, в спокойной, уверенной атмосфере научного исследования...»⁵⁶

Из двух приведенных прогнозов более точным оказалось сказанное социологом. Наступившие далее обстоятельства полностью изменили положение отечественных наук об обществе и коренным образом повлияли на содержание социологического изучения религии.

Примечания

- ¹ *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л.: Наука. ЛО, 1979.
- ² Цит. по: Русская философия второй половины XVIII века: Хрестоматия / Сост. Б. В. Емельянов. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 101.
- ³ *Надеждин Н. И.* Литературная критика. Эстетика. М.: Художественная литература, 1972. С. 444.
- ⁴ *Фонвизин М. А.* Из писем Е. П. Оболенскому // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1951. С. 200.
- ⁵ *Грановский Т. Н.* Лекции 1848/49 г. // Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М.: Наука, 1987. С. 255.
- ⁶ *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Книга, 1991. С. 219.
- ⁷ *Леонтьев К. Н.* Православие и католицизм в Польше // Леонтьев К. Н. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992. С. 317.
- ⁸ *Герцен А. И.* Prolegomena // Герцен А. И. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1986. С. 509.

- ⁹ Цит. по: *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Русская философия XIX—XIX вв. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 607.
- ¹⁰ *Фирсов Б. М.* История советской социологии 1950–1980-х годов: Курс лекций. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. С. 47.
- ¹¹ См.: *Шкуринов П. С.* Позитивизм в России XIX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980; *Голосенко И. А.* Исторические судьбы идей Огюста Конта: трансформация позитивизма в русской социологии XIX–XX вв. // Социологические исследования. 1982. № 4.
- ¹² *Чернышевский Н. Г.* Избранные философские сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1951. С. 714, 845.
- ¹³ См.: *Буткевич Т. И., протоиерей.* Взгляд Огюста Конта и позитивистов на сущность религии // Буткевич Т. И. Религия, ее сущность и происхождение: В 2 кн. Кн. 2. Харьков: Тип. губерн. правления, 1904. Гл. 5. С. 182–224; см. также: *Скорородова А. С.* Русский религиозный позитивист В. Фрей [В. К. Гейнс] // Социологические исследования. 1997. № 9.
- ¹⁴ *Соловьев В. С.* Теория Огюста Конта о трех фазисах в умственном развитии человечества // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Мысль, 1992. С. 122–138.
- ¹⁵ *Соловьев В. С.* Идея человечества у Августа Конта // Соловьев В. С. Указ. соч. С. 562–581.
- ¹⁶ *Лавров П. Л.* О религии. М.: Мысль, 1989. С. 309.
- ¹⁷ *Кареев Н. И.* Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 32.
- ¹⁸ *Маслова О. М.* Эмпирическая социология и земская статистика // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 73.
- ¹⁹ См.: *Мансуров В. А., Петренко Е. С.* Изучение общественного мнения // Там же. С. 569–571; *Маслова О. М.* Указ. соч. С. 74–75.
- ²⁰ См.: *Тихтарев К. М.* Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, система и методы. Пг.: Издат. Т-во Кооперативных Союзов «Кооперация», 1918. С. 75.
- ²¹ *Гараджа В. И.* Социология религии // Социология в России. М., 1998. С. 306.
- ²² См.: *Тихомиров Л. А.* Вероисповедный состав России. М.: Университетская типография, 1902.
- ²³ См.: *Емельянов Ю. П., Халиков М. С.* История социологических воззрений в России. М.: Спутник+, 2001; *Голосенко И. А., Козловский В. В.* История русской социологии XIX–XX вв. М.: Онега, 1995; *Кужушкина Е. И.* Русская социология XIX — начала XX в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993.
- ²⁴ *Фирсов Б. М.* Указ. соч. С. 48.
- ²⁵ *Матвеева Н. Ю.* Методология социального познания в русской религиозной философии // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 68–69.
- ²⁶ *Гараджа В. И.* Указ. соч. С. 305.
- ²⁷ См.: *Элбакян Е. С.* Религия в сознании российской интеллигенции XIX — начала XX в.: Философско-исторический анализ. М.: РОССПЭН, 1996.

²⁸ Социальное значение религии и религиозной личности: Сб. 2-е изд., перераб. М.: Печатня А. И. Снегирева, 1913.

²⁹ О рецепциях положений классической социологии в российской науке начала XX в. см.: *Гофман А. Б.* Эмиль Дюркгейм в России. М.: Гос. ун-т ВШЭ; МАКС-Пресс, 2001; *Патрушев А. В.* Расколдованный мир Макса Вебера. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.

³⁰ *Булгаков С. Н.* Народное хозяйство и религиозная личность (1909) // Булгаков С. Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993; *Сорокин П. А.* Дюркгейм о религии // Новые идеи в социологии. СПб., 1914. Вып. 4; *Юшкевич П. С.* Проблема религии и современные попытки решения ее // Северные записки. 1916. № 9.

³¹ *Введенский А. И.* 1) Религия и социология. Религия как явление социальное. М.: Типо-лито т-ва Владимира Чичерина, 1900; 2) Религиозное сознание язычества: Опыт философской истории естественных религий. Т. 1: Основные вопросы философской истории естественных религий (Prolegomena). М.: Университет. тип., 1902.

³² *Ковалевский М. М.* Социология. Современные социологи: В 2 т. СПб.: Алетей, 1997.

³³ *Плеханов Г. В.* О книге Л. И. Мечникова // Плеханов Г. В. Об атеизме и религии в истории общества и культуры: (Избранные произведения и извлечения). М.: Мысль, 1977. С. 13.

³⁴ *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения: В 5 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1957. С. 105.

³⁵ *Плеханов Г. В.* О так называемых религиозных исканиях в России // Плеханов Г. В. Об атеизме и религии в истории общества и культуры. М., 1977. С. 184, 224.

³⁶ *Кареев Н. И.* Указ. соч. С. 299.

³⁷ В. И. Ленин об атеизме, религии и церкви. М.: Мысль, 1980. С. 22.

³⁸ Там же. С. 36.

³⁹ Там же. С. 85.

⁴⁰ Там же. С. 352–353.

⁴¹ *Булгаков С. Н.* Христианская социология // Булгаков С. Н. Труды по социологии и теологии: В 2 т. Т. 2: Статьи и работы разных лет. 1902–1942. М.: Наука, 1999. С. 528–565. — Подробнее о теоретической эволюции Булгакова к этой идее см.: *Салов В. В.* От марксизма к «христианской социологии»: (Путь С. Н. Булгакова) // Социологические исследования. 1990. № 4.

⁴² *Булгаков С. Н.* Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. С. 4, 6.

⁴³ См.: *Давыдов Ю. Н.* Вебер и Булгаков (христианская аскеза и трудовая этика) // Вопросы философии. 1994. № 2; Теоретическое наследие С. Н. Булгакова и современное социально-экономическое знание / Под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой. М.: Диалог-МГУ, 1996; *Зарубина Н. Н.* Предприниматель и религия в зеркале русской культуры. Часть первая // Религиоведение. 2001. № 2.

⁴⁴ *Булгаков С. Н.* Народное хозяйство и религиозная личность... С. 348–367.

⁴⁵ *Булгаков С. Н.* Свет не вечерний... С. 316–317.

⁴⁶ *Булгаков С. Н.* Церковь и социальный вопрос // Христианский социализм (С. Н. Булгаков): Споры о судьбах России / Ред.-сост. В. Н. Акулинин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1991. С. 87, 89, 90.

⁴⁷ *Булгаков С. Н.* Свет не вечерний... С. 344–347.

⁴⁸ См., например, взгляды одного из современников С. Н. Булгакова: *Орбели Р. А.* Христианская социология // Социологические исследования. 1991. № 12. С. 95–116.

⁴⁹ См.: *Голосенко И. А.* Социология Питирима Сорокина. Русский период деятельности. Самара: Социол. центр «СОЦИО», 1992.

⁵⁰ Публикацию этой работы см.: Социологические исследования. 1988. № 4.

⁵¹ Из «Преступление и кара...» (*Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 45).

⁵² Там же. С. 528–529.

⁵³ Цит. по фрагменту из «Системы социологии» в издании: Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / Сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 263, 264, 265.

⁵⁴ Перепечатано в: Социологические исследования. 1988. № 6.

⁵⁵ *Сорокин П. А.* Голод и идеология общества // Экономист. 1922. № 4–5 (полное издание: *Сорокин П. А.* Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia & LVIS, 2003).

⁵⁶ *Никольский Н. М.* Избранные произведения по истории религии. М.: Мысль, 1974. С. 16, 36.

ГЛАВА 2

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РЕЛИГИИ И АТЕИЗМУ В 1920–1950-е годы

Состояние отечественной социологии религии в советские десятилетия было напрямую связано с общей стратегией решения религиозного вопроса. Востребованность и предназначение социологических знаний определялись за пределами научной сферы. Новая политическая обстановка требовала подчинить социологическое изучение религиозности курсу руководящих партийных инстанций на искоренение религии и развитие массового атеизма. Это повлекло за собой перемену статуса социологических исследований: *из академической научной деятельности они превращались в одну из составляющих теории и практики антирелигиозной работы.*

На такой «мутации», безусловно, сказалось общее отношение к социологии в идеологической атмосфере послереволюционных лет. После того как страна вынужденно осталась без многих ученых высокого уровня, так или иначе причастных к социологии, существование этой науки инерционно еще продолжалось. Однако содержание социологии теперь определялось ее встроенностью в официально предписанную метатеорию общества — исторический материализм. «Истматовские» понятия и схемы заменяли теоретико-методологический аппарат, выработанный мировой и российской социологической мыслью; из немарксистского наследия удерживались только труды и взгляды революционно-демократического и антибуржуазного характера.

Период от изгнания из страны в 1922 г. наиболее яркой части интеллектуальной оппозиции (в том числе П. А. Сорокина и ряда других социологов) до развертывания с 1932 г. так называемой «пятилетки безбожия» стал в советской истории и временем, когда социологиче-

ский подход к религии приобрел подчеркнуто антирелигиозную тональность.

1. В начале этого периода монополия советского марксизма на общественное знание еще не обрела окончательную жесткую структуру. Какое-то время были возможны и шли дискуссии: о различении марксистской и немарксистской социологии, об историческом материализме как социологии и допустимости специальных социологических теорий, о методологии эмпирического изучения социальных процессов и проч. Но в эти же годы усиливается надзор за общественными науками. Теоретическое творчество в их области стало делом рискованным. С середины 1920-х годов открытых теоретических оппонентов марксистской социологии в стране уже почти не осталось, и все обсуждения велись на «внутреннем фронте» (часто балансируя на грани репрессивных кампаний). Больше простора сохранялось у эмпирических социологических исследований: «...новая власть нуждалась в информации... как об успехах революционных преобразований, так и о резервах терпения и выживания в разных слоях населения».¹

1.1. Для социологии религии все это имело отрицательные последствия. Еще не успев толком прорасти в поле общей социологии, она сразу же подверглась трансформации, со сменой языка выражения и, что самое важное, целевой направленности. Исследовательские задачи приобрели крайне политизированный характер. Собственное теоретическое развитие социологического подхода к религии оказалось остановленным в силу поглощения социологии историческим материализмом. В свою очередь, среди представителей марксистской мысли набор специалистов, хоть как-то пригодных для аналитической работы с материалом религии, был крайне скуден.

Образцом тогдашнего марксистского теоретизирования, в рамках которого формулировались характеристики социальной природы и функций религии, до определенного времени оставалась работа *Николая Ивановича Бухарина* (1888–1938) «Теория исторического материализма» (выдержала 9 изданий, снята с преподавания в 1929 г.).² Утверждая, что основанием общественного бытия является процесс труда, автор связывал духовную жизнь людей с их местом в этом процессе. Из различия в социально-экономическом статусе индивидов выводился и состав мировоззрения. Феномены общественного сознания, полагал Бухарин, нельзя изучать безотносительно к классовым отношениям. Признавая некоторую автономию духовной культуры, он все же настаивал на определяющей роли в ее развитии материального строя жизни. Религия как форма общественного сознания рассматривалась в качестве отражения антагонистических отношений, рождающихся в базисной структуре общества. Она закрепляет в человеческом

сознании фантастические образы явлений, от которых люди зависят и не находят способа преодолеть это состояние. Коммунистическое переустройство, устраняя социальные антагонизмы, лишает религию ее глубинных основ и ведет к отмиранию. В свою очередь, вытеснение религии раскрепощает сознание и способствует более активному участию в построении нового общества.

1.2. В переложении на язык политической практики подобные установки теории предельно упрощались и, в лишенном «нюансов» виде, могли звучать как целеуказание. «Борьба против религии — это борьба за социализм», — под таким лозунгом формировалась в 1924 г. «добровольная общественная организация» Общество друзей газеты «Безбожник» (учрежденной в декабре 1922 г.), ставившая своей целью «идейную борьбу с религией во всех ее проявлениях». В 1925 г. она разрастается в Союз безбожников СССР, который с 1929 г. именуется еще ближе к назначению — Союз воинствующих безбожников СССР (СВБ). Численность этого Союза в 1926 г. составляла 87 тыс. человек, в 1929 — 465 тыс., в 1930 — уже 3,5 млн, а в 1932 г. в его рядах насчитывалось свыше 5 млн человек.³

Организация движения «безбожников» стала претворением в жизнь перехода к систематической антирелигиозной деятельности в масштабах всей страны как к одному из «действительных средств расширения партийного влияния на широкие массы трудящихся». Так было намечено в апреле 1923 г. резолюцией XII съезда РКП(б) «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды».⁴

Общую линию в этом направлении определила Программа РКП(б) в марте 1919 г. Пункт 13 данного документа требовал стремиться «к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды». В условиях Гражданской войны и иностранной интервенции, когда идеологическое противостояние выразилось в открытом столкновении враждующих сторон, знание настроений в религиозной среде имело непосредственное практическое значение — оно требовалось для выявления противников и сторонников советской власти. Радикальность методов борьбы «за новый мир» сплошь и рядом перекрывала декларации о терпимости и взвешенном отношении к приверженцам религии, что вызывало активное противодействие с их стороны. Поэтому Программа напоминала о необходимости «заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма».⁵

1.3. За политическими указаниями следовали конкретные задачи. В 1921 г. Пленум ЦК РКП(б) принимает Постановление «По вопросу о нарушениях пункта 13 Программы и о постановке антирелигиозной пропаганды». В нем констатируются низкая организация и слабое со-

держание проводимой работы среди верующих, даются директивы к ее совершенствованию. Здесь, собственно, и появляется *установка на использование средств и процедур социологического характера для получения более точной информации о религиозной ситуации в стране*. С этой целью в пункте 11 предписывалось: «Внимательно изучить все изменения, какие происходят в широких крестьянских и рабочих массах в их отношении к религии, изучить в каждой отдельной местности преобладающий классовый состав отдельных сектантских групп, изучить их идеологию; знакомиться с содержанием религиозной проповеди, которая ведется различными религиозными группами среди крестьянских и рабочих масс».⁶

Особое упоминание религиозного сектантства было не случайным. Эта среда еще в досоветское время рассматривалась партийными кругами как носитель созвучных идеям социализма хозяйственных отношений и «зачатков коммунистического взгляда»; ее положение гонимой со стороны господствовавшей государственной церкви использовалось РСДРП в тактических целях революционного движения.⁷ После 1917 г. в пролетарских слоях религиозного сектантства большевики видели союзника против «монархической реставрации» и «церковной контрреволюции». На начальном этапе социалистического развития страны трудовые традиции сектантов вписывались в нормы утверждавшегося общественного строя, поощрялось их стремление к коллективным формам ведения хозяйства. В 1922 г. «Директивы ЦК РКП(б) советским и партийным органам по вопросу об отношении к сектам и политики в отношении религиозных групп вообще» требовали: «Там, где деятельность таких групп не носит враждебного Советской власти характера, всячески воздерживаться от какого бы то ни было стеснения их хозяйственной деятельности в рамках существующих законоположений». При этом вновь предлагалось «внимательно изучить существующие в настоящее время группировки сектантских и всякого рода религиозных организаций как со стороны их социального состава, так и со стороны их деятельности».⁸

Решения XII съезда РКП(б) придали действиям «по окончательному разрушению религиозных верований во всех видах среди рабочих и крестьянских масс» последовательный и систематизированный характер. Однако скорого преодоления глубинной укорененности народно-бытовых элементов религии в сознании и поведении трудящихся в то время еще не ожидалось. Из такого понимания появилась дополнительная установка, выраженная в одной из резолюций прошедшего в мае 1924 г. XIII съезда РКП(б): «Особо внимательно необходимо следить за тем, чтобы не оскорблять религиозного чувства верующего, победа над которым может быть достигнута только очень длитель-

ной, на годы и десятки лет рассчитанной работой просвещения».⁹ В связи с этим сразу же возникла проблема исполнительских кадров, их теоретической подготовки в вопросах религии и атеизма, наличия реальных представлений о религиозности населения страны.

2. Нехватка научной основательности восполнялась по-разному. Одним из путей стал массовый выпуск литературы о религии. В 1922 г. было образовано научное общество «Атеист», развернувшее обширную издательскую деятельность: за 1922–1929 гг. оно выпустило книги 270 названий общим тиражом 24 млн экземпляров; а в одном только 1930 г. объем выпускаемых изданий достиг 418 названий с тиражом 20,5 млн экземпляров.¹⁰ На рубеже 1920–1930-х годов все издательства страны миллионами экземпляров выпускают антирелигиозную литературу разного свойства. На этой волне публикуются и некоторые серьезные труды зарубежных исследователей. «Золотая ветвь» Д. Фрэзера, например, переиздавалась дважды (в 1928 и 1931 г.); в 1930 г. под общим названием «Первобытное мышление» были опубликованы работы Л. Леви-Брюля «Мыслительные функции в низших обществах» и «Мышление примитивов»; журнал «Атеист» в 1928 г. поместил сокращенный перевод труда М. Вебера «Хозяйственная этика мировых религий»; в 1932 г. увидел свет сборник научных переводов иностранных авторов с большой статьей профессора социологии Страсбургского университета М. Хальбвакса «Возникновение религиозного чувства по Дюркгейму».¹¹ Появились и работы советских ученых (*Н. М. Маторин, Н. М. Никольский* и др.), при всей их идеологической ангажированности несущие полезную социологическую информацию.¹² Но все это оставалось малозаметным на фоне книг и брошюр агитационно-пропагандистского звучания, достоинство которых еще летом 1926 г. не кто иной, как И. В. Сталин, распоряжаясь по поводу комплектации своей библиотеки, оценил словами «антирелигиозная макулатура».¹³

Другим путем «интеллектуального насыщения» антирелигиозной пропаганды стало создание специализированных кафедр и отделений по изучению религии и атеизма: после 1928 г. они появились в Коммунистической академии, Институте красной профессуры, Московском университете, некоторых других вузах страны. Историко-лингвистический институт на базе Ленинградского университета (позднее ЛИФЛИ — Институт истории, философии, лингвистики и литературы) имел в своей структуре антирелигиозное отделение, студенты которого изучали такие предметы, как «История теорий религии», «Современное состояние религиозных верований», «Бытовое православие» и т. п. Преподававшие на отделении ученые составили подробное практическое руководство по сбору материалов о народно-православных

традициях в повседневном быту населения.¹⁴ В 1930 г. на этом отделении появилась специализация «История религии и атеизма»; год спустя отделение было упразднено, но соответствующие кафедры продолжили свою работу до 1935 г. В Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) несколько лет действовала секция по изучению религиозных верований народов СССР.

Эти и некоторые другие учреждения в системе АН СССР организовывали научные экспедиции, которые носили преимущественно этнографический характер, но также исследовали и религиозную составляющую народной жизни. Часть из полученных результатов была опубликована в 1931 г. в двух томах сборника этнографических материалов «Религиозные верования народов СССР» (под редакцией этнографа и историка религии *В. К. Никольского*).¹⁵ Однако уже в середине 1930-х годов многие ученые, преподаватели и студенты повсеместно подверглись репрессиям, учебные подразделения и академические организации были закрыты, полевые исследования прекратились.

Свою лепту в обеспечение «решения религиозного вопроса» обязывались вносить также музейные учреждения. К 1933 г. общее число антирелигиозных музеев и отделений при музеях разного профиля достигло 80; часть из них по мере возможности вела и научно-исследовательскую работу (как, например, Секция по изучению религиозных верований народов СССР при Музее истории религии в Ленинграде).¹⁶

Вся разветвленная сеть научных, образовательных, издательских, музейных и прочих учреждений функционировала, разумеется, в соответствии с руководящими партийными директивами. Насколько сложно в данной обстановке было сохранять, хотя бы отчасти, объективное отношение к религиозной проблематике, можно судить по «разоблачениям» 1930-х годов тех немногих, кто еще пытался это делать. На одном из Всероссийских совещаний органов Наркомата просвещения прозвучало, к примеру, такое: «... в Ленинградской области долгое время в рядах Союза воинствующих безбожников орудовали враги народа. Они поучали, что сначала надо изучить религиозные организации, исследовать, что представляет из себя, например, местное сектантство, а потом уже с ними бороться. Это был метод вредительства. Пока безбожники занимались изучением, попы и сектантские вожаки орудовали и осуществляли свои темные дела».¹⁷ *Таким образом, исследовательская работа в области религиозной жизни советского общества становилась опасным занятием. Серьезные научно-теоретические труды по этой тематике были невозможны, даже если они касались только этнографического или фольклорного материала.*

3. Допускались лишь прикладные исследования. Ассоци-

рованность со статистикой делала их менее подозрительными, нежели теоретические разработки. Главным занятием в сложившихся условиях становятся «замеры» уровня религиозности населения и степени влияния религиозных традиций на образ жизни разных слоев общества, что требовалось для проведения более эффективной деятельности по развитию массового атеизма. Такая задача ставилась основными потребителями социологической информации — руководящими политическими кругами советского государства.

3.1. Ответить на поставленный запрос были призваны организации, прямо или косвенно имевшие дело с религиозной стороной жизни советских людей. Прежде всего это были партийные комитеты всех уровней. Их сообщения о динамике религиозного состава населения в условиях происходивших преобразований и идеологического воздействия, начиная с 1924 г., централизованно сосредотачивались в Агитационно-пропагандистском отделе ЦК РКП(б), где осуществлялся документальный и статистический анализ состояния религиозности по регионам страны. Позднее решением ЦК ВКП(б) в парткомах создаются секторы и отделы партийной информации, в круг обязанностей которых входит регулярный сбор данных о религиозной ситуации (добытых собственными силами аппарата, полученных от активистов и проч.). Другой структурой, поставившей, как правило, закрытые сведения о положении религии в СССР, были органы внутренних дел и государственной безопасности. Они вели свой учет, включали оперативные донесения о настроениях и высказываниях по поводу ситуации с религией в обобщающие, разных степеней секретности, обзоры политического положения в стране. Более доступной была информация, собираемая Центральным статистическим управлением СССР, статистическими отделами при наркоматах и ведомствах, — о количестве храмов, их религиозном или ином использовании, о числе служителей культа и т. п.

Однако эта всеохватывающая практика давала, в лучшем случае, лишь приблизительные статистические показатели. Необходимость объективного знания религиозной ситуации соперничала у партийно-государственного аппарата с побуждением подгонять реальность под идеологические установки и декларировать постоянные успехи. Такое могло происходить и по доктринерским, и по карьерным соображениям, и просто от некомпетентности. Качественный анализ в обзорах и справках трудно назвать адекватным, поскольку над составителями постоянно тяготела доминанта «преодоления религии». Тем не менее потребность в достоверной информации периодически возникала, особенно — когда становилась очевидной неэффективность проводимой политики. Тогда вновь речь заходила о более грамотном подхо-

де к вопросам религии, использовании научных средств и методов ее изучения.

3.2. По инициативе ЦК ВКП(б) в 1926 г. было проведено партийное совещание по антирелигиозной пропаганде, к работе которого привлекались представители научных организаций обществоведческого и гуманитарного профиля. Из опубликованных тезисов совещания следовало, что «отход трудовых человеческих масс... от религии становится фактом не столько в результате безбожной пропаганды, сколько в меру укрепления и развития социалистических элементов нашего хозяйства». Далее подчеркивалось, что «антирелигиозная пропаганда должна строиться на точном учете и научном марксистском понимании всех особенностей переживаемого момента, на фоне которых возможны такие противоположные явления, как рост безбожия и усиление религиозности».¹⁸

Совещанию предшествовал массовый опрос, проведенный в нескольких губерниях уполномоченными местными организациями Союза безбожников. Объектом изучения было избрано христианское сектантство — выяснялись политические позиции, культурные интересы и хозяйственная деятельность сектантских общин. Для опрашивавших была разработана специальная инструкция, которая требовала установить, в частности, существует ли зависимость между религиозными взглядами сектантов и их зажиточностью, грамотностью, хозяйственными приемами. Характерно, что секты не рассматривались как особый тип религиозного сообщества, отличающийся от церкви.¹⁹ Результаты опроса показали значительный рост христианского сектантства в 1920-е годы, высокую трудовую активность его последователей. Об итогах данного исследования подробно писал один из его руководителей *Федор Максимович Путинцев* (1899–1947); им же на основе проделанной работы были составлены инструкции «по собиранию сведений о сектах».²⁰ Партийное совещание определило цели для учреждений, специально назначенных к изучению религиозной ситуации.

Ведущую роль здесь в конце 1920-х годов играл Центральный совет СВБ СССР, научно-исследовательский отдел которого совместно с рядом академических и вузовских организаций провел несколько экспедиций в разные районы страны (Магнитогорск, Днепропетровск, Центральная черноземная область), чтобы выяснить «состояние религиозного и антирелигиозного движений». В Институте философии Комкадемии на правах антирелигиозной секции работала Комиссия по истории религии, регулярно проводившая полевые исследования, в том числе в Татарии, Белозерском, Волжско-Камском и Нижне-Камском краях. Всеми этими учреждениями до начала 1930-х годов было осуществлено более 100 социологических и этнографических обследо-

ваний влияния религии на население.²¹ Полученный опыт исследовательской работы был рассмотрен на Всесоюзных антирелигиозных совещаниях в декабре 1930 и в июне 1934 г. В резолюции первого из них отмечалось, что «только на основе фактического конкретного материала можно будет разрешить вопрос об источниках веры и религии в СССР».²²

Наиболее распространенными методами для получения «конкретного материала» в эмпирических исследованиях 1920–1930-х годов были описательные — анкетные опросы и разные формы статистического наблюдения. Поскольку прямая постановка вопросов об отношении к религии не всегда встречалась респондентами положительно, эта тема могла присутствовать и косвенно — при изучении условий жизни и быта, бюджетов времени, культурных потребностей, круга чтения и проч. Так или иначе, но фактография накапливалась обширная (особенно, если учесть увлечение в 1920-е годы масштабными обследованиями, охватывавшими большие территории и людские массивы).

3.3. Обобщение результатов, содержащихся в публикациях того периода, дает такую картину: интенсивность совершения обрядов и других религиозных действий за первое советское десятилетие снизилась у населения в возрасте от 16 до 24 лет примерно в 10 раз, в возрасте от 25 до 39 лет — почти в 6 раз и в возрасте свыше 40 лет — более чем в 3 раза. Анализируя эти данные, ленинградский ученый В. Д. Кобецкий еще в 1970-е годы заметил, что достоверность процентных показателей в них «вызывает некоторое сомнение».²³ Причина этому — не обязательно только в «натяжках» идеологического свойства. Фактически в обиход советских социологов той поры так и не вошли многие из уже существовавших в мировой науке средств и процедур, повышающих надежность исследования. Тем не менее имеющийся материал по своему репрезентативен. Он передает уровень знаний о религиозной жизни советского общества, который был доступен и при не вполне совершенном инструментарии.

В изучаемых процессах наибольший интерес тогда вызывала динамика «размывания» религиозных и утверждения социалистических ценностей. Исследовалось, в частности, сколько времени трудящиеся тратили на удовлетворение религиозных потребностей в сравнении с учебой, самообразованием, светскими формами досуга. Как было установлено, если в 1922–1923 гг. у мужчин в год уходило на религиозные цели в среднем 119 часов, у женщин — 199, то в 1934 г. эти затраты составили соответственно уже только 4 и 15 часов.²⁴ Сокращение доли затрат на религиозную обрядность в бюджетах времени советских людей действительно было очевидным, на него указывали все исследования.²⁵ Решающей причиной таких перемен считались корен-

ные положительные изменения условий жизни, труда и быта советских людей.

Вряд ли, однако, эти изменения можно буквально отождествлять со снижением уровня религиозности и делать вывод об уменьшении числа верующих. Даже в столь изолированной от конфессионального влияния структуре, как вооруженные силы, неожиданно обнаруживалось значительное присутствие религиозных настроений. Итоги одного анкетного опроса красноармейцев в 1925 г. показали, что неверующие из них составляли 34%, остальные были отнесены к верующим (42%) и колеблющимся (24%).²⁶ В 1929–1930 гг. ученые Белорусской Академии наук провели обследование уровня религиозности среди населения 20 городов и 225 сел республики. По ответам, полученным в 3086 анкетах, соотношение верующих и неверующих составило 64,6% против 35,4%.²⁷ В 1937 г. официальная статистика давала по Белоруссии уже более «правильную» цифру — 65,4% взрослого населения числились неверующими.²⁸

Стремление выдать желаемое за действительное рождало и явные передержки. Журнал «Воинствующий атеизм» в 1929 г. организовал анкетный опрос рабочих крупных промышленных предприятий Москвы: на дом были разосланы 11 тыс. анкет с просьбой написать об отношении к религии. Возвращено было только 3 тыс. анкет. Из этого числа 88,8% респондентов назвали себя неверующими, 11,2% заявили о своей религиозности. Такой итог можно было бы считать полезным как свидетельство настроений в конкретной группе трудящихся. Однако в январе 1931 г. журнал объявил, на основании продланного опроса, что почти 90% всех рабочих столицы — неверующие.²⁹

Заметной темой стало исследование отношения к религии подрастающего поколения. Большинство авторов того времени считали, что верующих детей в 1920-е годы было примерно 50%, подростков — 30–40%, а молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет — 20–30% от общего числа молодежи в каждой возрастной категории. Правда, далеко не всегда в должной мере учитывались ситуативные факторы, влияющие на характер самооценки, различия между религиозностью девочек и мальчиков, особенности возрастной психологии.³⁰ Опрос выпускников восьми московских школ в 1927 г. показал, что ни в одной из них доля верующих не была ниже 26,8%, а общее количество заявивших о своей религиозности составило 42%.³¹

Исследователи отмечали и тенденцию к «реструктуризации» конфессиональных сообществ. Во многих религиозных направлениях проявляются элементы модернизации, рождаются новые организационные формы (например, молодежные союзы «христомол» и «бапсомол»). С уменьшением масштабов церковного присутствия и обрядово-

го влияния русского православия происходит оживление сектантства. Сложившиеся в этой среде хозяйственные образования оказались весьма эффективными, по контрасту с внедряемым колхозным строем. Поэтому в антирелигиозных разработках рубежа 1920–1930-х годов теме христианского сектантства, уже в критическо-разоблачительной манере, уделяется повышенное внимание.³²

Предпринимались и попытки создания типологических схем для классификации уровня религиозности и атеизма. По словам В. Д. Кобецкого, «в социологической работе 20–30-х годов часто использовались своеобразные «портретные» типологии. В них содержались биографические сведения, производились бытовые зарисовки, давалась характеристика религиозного поведения людей и т. п.».³³ Так, в результате обработки анкетного материала об условиях жизни рабочих крупного московского предприятия была собрана информация, позволившая сгруппировать опрошенных по их отношению к религии. Выделялись четыре группы: 1) убежденные верующие; 2) колеблющиеся в своей вере; 3) стихийные атеисты; 4) атеисты по убеждению, обосновывавшие свою позицию научными доводами.³⁴ Другой вариант типологии базировался на выяснении отношения старшеклассников московских школ и их родителей к религии, служителям культа, атеизму и антирелигиозному воспитанию путем комплексного сочетания анкетного опроса учащихся, их аудиторных диспутов, бесед со взрослыми членами семей. Обследуемые могли выбрать по каждому вопросу любой из трех предложенных вариантов ответа: религиозный, антирелигиозный, нейтральный. Сгруппировав полученные ответы, со всеми их оттенками, выявили пять типов отношения к религии и атеизму: 1) активная религиозная позиция; 2) пассивная приверженность к религии; 3) нейтральное отношение к религиозной вере и атеизму; 4) пассивно-антирелигиозное настроение; 5) активно-антирелигиозная позиция.³⁵

Однако все эти подчас удачные опыты анкетирования, интервью, работы со статистическими и документальными источниками оставались вне систематизированного теоретико-социологического осмысления. Пока было возможно, теоретические пустоты компенсировались совершенствованием методико-технических аспектов исследования: формулировались параметры выборки, критерии репрезентативности и т. п.³⁶ Но все относилось преимущественно к количественным характеристикам. «Изучение оценок, мнений, предположений в этот период — на втором плане или вовсе не проводится».³⁷

Особенность исследований религиозности и атеизма в рассматриваемый период состоит в том, что они строились преимущественно с учетом самооценок респонден-

тов, без применения проверяемых эмпирических критериев достоверности получаемой информации. Как религиозная, так и антирелигиозная ориентации, в основном, только фиксировались, но их функциональный анализ не проводился. Дело упиралось в отсутствие специальной обобщающей концепции, точнее — в идеологическую нормативность, которая заменяла научно обоснованную социологическую теорию.

4. Преобладающим было стремление продемонстрировать неуклонность отхода советских людей от религии. По оценке *Петра Ананьевича Красикова* (1870–1939), редактора журналов «Революция и церковь», «Воинствующий атеизм», в первые годы советской власти «порвали с религией» около 10% взрослого населения.³⁸ Характеризуя состояние религиозности в конце 1920-х годов, советские издания³⁹ дают ссылку на наркома просвещения СССР *А. В. Луначарского*, который, по неким ведомым ему источникам, сообщил на Втором Всесоюзном съезде СВБ в 1930 г., что «в стране 80% верующих против 20% неверующих». В сравнении с объемом затраченных антирелигиозных усилий эти показатели выглядели довольно скромно. Необходима была более впечатляющая статистика. И она прозвучала в докладе «О задачах антирелигиозной пропаганды» (1937) бессменного главы СВБ СССР *Емельяна Ярославского* (Миней Израилевич Губельман, 1878–1943). Признав сложность процесса разрыва с религией и отсутствие точных данных на сей счет, он заявил, тем не менее, что «даже самые грубые цифры показывают, что у нас в селе в среднем свыше $\frac{1}{3}$ трудящихся навсегда порвали с религией, а в городе мы имеем, примерно, не менее $\frac{2}{3}$ порвавших с религией, — среди них миллионы стойких, убежденных безбожников».⁴⁰

4.1. Базовым материалом для этого заявления послужили специфически «обработанные» итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г. По личному решению Сталина в опросный лист тогда внесли отдельным пунктом «Вопрос № 5. Религия», предлагавший гражданам указать их отношение к религии и, в положительном случае, назвать свое вероисповедание. Известно, что очень многие (встречается цифра 4,8 млн человек) уклонились от ответов на эти вопросы. Тем не менее 80% опрошенных старше 16 лет такие ответы дали. Верующими признали себя 55,3 млн ответивших, неверующих было насчитано 43,2 млн человек. Среди 30 млн неграмотных взрослых верующих оказалось 84% (25 млн), из 68,5 млн грамотных — 45% (более 30 млн). В мужской части верующими себя называли 45%, среди женщин — 66%. Верующие были во всех возрастных группах, в основном, от ¹⁶ до 49 лет.⁴¹

Ни в те годы, ни долгое время в последующем эти цифры напря-

мую не публиковались; в докладе Ем. Ярославского названные результаты переписи присутствуют в виде общего соотношения верующих и атеистов после 20 лет борьбы с «дурманом для народа». Характерно, что партийные и советские руководители предпочитали оперировать статистическими показателями не в конкретном численном, а в процентном или долевым выражении. Произвольность точки отсчета (непонятно, что именно берется за 100% — истинная численность населения страны в 1930-е годы была скрыта) давала возможность манипуляций сведениями и провозглашения любых желаемых выводов. Из процентных данных действительно вырисовывалась картина существенного снижения религиозности. В одной предвоенной публикации утверждалось, что на исходе 1930-х годов верующими признают себя лишь примерно четверть городского и около половины сельского населения СССР.⁴² Много позже, в 1974 г., советский исследователь совершенно уверенно сообщал, что к 1941 г. 58% сельских жителей порвали с религией.⁴³ Однако даже «лукавые цифры» не могли скрыть, что как минимум половина населения страны в целом, а по отдельным республикам и регионам и больше,⁴⁴ сохраняла приверженность традиционной религиозной ориентации.

4.2. В начале 1930-х годов проблематика обследований с помощью открытых опросов резко сужается, а к середине этого десятилетия такие опросы фактически прекращаются вовсе. Статистико-социологическая информация тщательно «фильтруется» или полностью убирается из доступных источников (книги, периодика). Владение ею становится привилегией партийно-государственного руководства. Сама ситуация с религией в СССР надолго переходит в регулируемый режим, «замирая» или активизируясь в зависимости от политических приоритетов.

Когда это требовалось, религиозные организации «назначались» на роль внутренних врагов или пособников чуждого влияния. В этом представлении религия лишалась самооценности и какой-то иной функциональности, кроме обслуживания классовых интересов. Поэтому случавшиеся проявления религиозной активности среди населения страны обычно относились на счет антисоветской пропаганды, происков классовых противников, других подобных факторов, которые не связывались с глубинными мировоззренческими процессами в социалистическом обществе.

При других обстоятельствах могло санкционироваться оживление религиозных институтов. Тогда религия и церковь в СССР предьявлялись мировому сообществу как свидетельство внимательного отношения власти к верующим советским гражданам. Политический прагматизм не позволял безоговорочно зачислять всех носителей религиозно-

го сознания в разряд враждебных элементов. Отсюда возникает пропагандистский ход, вошедший затем и в общественное сознание: *был введен постулат о пережиточном характере религии в условиях социализма.*

Понятие «религиозные пережитки» снимало вопрос о социальной обусловленности религии в СССР, переводя объяснение ее причин либо в гносеологическую плоскость (неразвитость сознания отдельных людей, живучесть суеверий, недостаточная освоенность научных знаний о мире), либо в «геронтологическую» (наследие «темного» прошлого среди части населения старшего возраста). Задача для научных кадров определялась как пропагандистское «активное участие в деле преодоления религиозных пережитков в сознании трудящихся».⁴⁵ Социологических исследований такая работа не предусматривала.

На этом, собственно, и закрывалась какая бы то ни было перспектива для отечественной социологии религии — она оставалась не только без собственной теории, но даже и без своего предметного поля. Достичь самоопределения ей не удалось. Возникшая еще в дореволюционные времена тенденция религиозоведческой мысли к нормативному оцениванию вместо объективного описания в советский период лишь принудительно усугубилась. Пока названные установки господствовали и поддерживались как само собой разумеющиеся, социологический подход к религии не мог развиваться в самостоятельное научное направление.

5. В годы Великой Отечественной войны и первого послевоенного десятилетия вопрос об изучении религиозности населения даже не ставился. Из партийных директив военных лет только в Постановлении ЦК ВКП(б) «Об организации научно-просветительной пропаганды» от 27 сентября 1944 г. глухо упоминалось о необходимости «дальнейшего... преодоления пережитков бескультурья, суеверий и предрассудков», причем отсутствовало само слово «религия» или производные от него.⁴⁶ На что действительно обращали внимание органы власти, так это на динамику религиозных организаций, которая существенно активизировалась под воздействием происходивших в тот период потрясений и изменившихся политических приоритетов. Статистический «мониторинг» этой ситуации проводился постоянно усилиями специальных государственных учреждений, правда, далеких от научно-исследовательской работы.⁴⁷

В 1947 г. образуется Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (позднее — Всесоюзное общество «Знание»), унаследовавшее многие из функций упраздненного Союза воинствующих безбожников СССР. Какой-либо заметной содержательно-

сти в публикациях и осмыслении перемен, происходивших среди религиозной части населения страны, это не прибавило. Все рассуждения формулировались на уровне элементарных приемов научно-просветительной пропаганды, без серьезной аналитики, но зато с априорно заданными выводами о «реакционной сущности», «предрасудочности», «отмирании» и прочих подобных характеристиках религии.

Своего рода апофеозом партийно-идеологических упражнений того времени на тему религии в советском обществе стали два Постановления ЦК КПСС, принятых чуть больше года спустя после ухода из жизни «главного распорядителя» судеб религиозных организаций в СССР И. В. Сталина. При всей строгости звучавшей в них риторики, обращает на себя внимание почти курьезная противоположность друг другу этих документов в ряде их ведущих положений.

Постановление «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июля 1954 г. выразило неудовлетворение по поводу запущенности партийного руководства этим «важнейшим участком идеологической работы». Снова зазвучали памятные по делам двадцатилетней давности обороты («церковники и сектанты изыскивают различные приемы для отравления сознания людей религиозным дурманом»). Приводилась и обобщающая картина: «В результате активизации деятельности церкви наблюдается увеличение количества граждан, соблюдающих религиозные праздники и отправляющих религиозные обряды, оживляется паломничество к так называемым “святым местам”». Все это мешает «сознательному и активному участию в строительстве коммунизма». Главная претензия была адресована партийным и советским работникам, среди которых «утвердилось ошибочное мнение, что с ликвидацией в нашей стране классовой базы церкви и пресечением ее контрреволюционной деятельности отпала необходимость в активной атеистической пропаганде, что в ходе коммунистического строительства религиозная идеология стихийно, самотеком изживет себя». Примечательно, что в перечне из 12 пунктов мер «против запущенности антирелигиозной работы» приводится обширный набор форм и средств пропагандистской деятельности (от популярных лекций до издательского дела и учебно-воспитательного процесса), но нет ни одного указания на развертывание научных исследований.⁴⁸ Выработанные за предыдущие десятилетия представления о судьбе религии в СССР считались подтвержденными и достаточными. О религии все было разъяснено, правильные акценты расставлены, специального изучения уже не требовалось. Оставалось уметь применять накопленное, что получалось, однако, не так успешно, если судить по тону документа.

Вышедшее несколько месяцев спустя Постановление «Об ошибках

в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» от 10 ноября 1954 г. начинается с контрастного к приведенным выше директивам напоминания о необходимости «избегать всякого оскорбления чувств верующих». Осуждаются «оскорбительные выпады против духовенства и верующих, отправляющих религиозные обряды», необоснованный отказ этим людям в «политическом доверии», административное вмешательство в деятельность религиозных объединений и групп, невежество и безответственность в вопросах атеистической пропаганды. Впервые дежурный тезис о «подрыве социальных корней религии» в СССР открыто сочетается с признанием лояльности «служителей церкви в своем большинстве» к советской власти, объявляется «глупым и вредным» ставить советских граждан под политическое сомнение из-за их религиозных убеждений. Однако по-прежнему даются ставшие ритуальными ссылки на «единственно верное научное мировоззрение — марксизм-ленинизм и его теоретическую основу — диалектический материализм» как средство «освобождения верующих людей из-под влияния религиозных предрасудков».⁴⁹ При этом отношение к религиозной сфере определяется в понятиях просвещения, пропаганды знаний, образования, «дальнейшего повышения культурного уровня трудящихся» — без какого-либо намека на качественное изучение религиозности, ее оснований и действительного значения в жизненных ориентирах советских людей.

Противоречивость упомянутых официальных документов, присутствие в них трафаретных обличительных формулировок и вынужденных констатаций дисфункциональности привычных подходов отразили назревавшее беспокойство советской политико-идеологической системы перед перспективой ослабления бывлой монополии на управление духовными процессами в обществе. Но для эффективного «перезапуска» механизмов влияния уже была нужна хотя бы минимальная рефлексия по поводу сложившегося состояния общества и роли религии в нем.

Произошедшее в 1930-х годах угасание тех немногих очагов социологического изучения религии, которые еще как-то продолжали инициативы научных исканий предреволюционного периода, стало практически безвыходным. Когда во второй половине 1950-х годов начавшаяся «оттепель» открыла возможность возобновления социологической деятельности, оказалось, что в области социологии религии, кроме считанного числа уцелевших носителей прежнего опыта, специалистов не осталось — надо было начинать все заново.

Примечания

¹ Маслова О. М. Методологическая рефлексия в эмпирической социологии: 20–30-е годы // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 76.

² Бухарин Н. И. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. М.; Пг.: Госиздат, 1922.

³ Атеизм в СССР: становление и развитие / Редкол.: А. Ф. Окулов (отв. ред.) и др. М.: Мысль, 1986. С. 66; Фирсов С. Л. Была ли безбожная пятилетка? // НГ — Религии. 2002. 30 окт. № 10 (105). С. 7.

⁴ О религии и церкви: Сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1981. С. 65.

⁵ Там же. С. 54–55.

⁶ Там же. С. 58–59.

⁷ См.: Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения: В 3 т. Т. 1. О религии, религиозном сектантстве и церкви. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

⁸ О религии и церкви... С. 60.

⁹ Там же. С. 66.

¹⁰ Атеизм в СССР... С. 65.

¹¹ Фрэзер Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. Вып. 1–4 / Пер. с авторизов. фр. изд. М.: Атеист, 1928; Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / Пер. с фр. М.: Атеист, 1930; Происхождение религии в понимании буржуазных ученых: Сб. ст. / Под ред. А. Т. Лукачевского. М.: Московский рабочий, 1932; Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий / Сокр. пер. с нем. // Атеист. 1928. № 2.

¹² Для примера: Богораз-Тан В. Г. Христианство в свете этнографии. М.: ГИЗ, 1928; Маторин Н. М. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. М.: Ин-т антропологии и этнографии народов СССР, 1929; Никольский Н. М. История русской церкви. М.: Атеист, 1930.

¹³ Цит. по: Илизаров Б. С. Тайная жизнь Сталина: По материалам его библиотеки и архива: К историософии сталинизма. 3-е изд. М.: Вече, 2004. С. 155.

¹⁴ Маторин Н. М., Невский А. А. Программа для изучения бытового православия. Л.: Б. и., 1930.

¹⁵ См.: Религиозные верования народов СССР: Сб. этнографических материалов: В 2 т. / Сост. М. Г. Левин и др.; Под общ. ред. В. К. Никольского. М.; Л.: Московский рабочий, 1931; Маторин Н. М. Об изучении религиозных верований народов СССР // Антирелигиозник. 1934. № 5. С. 28–33.

¹⁶ См.: Невский А. А. Секция по изучению религиозных верований народов СССР при Музее истории религии Академии наук // Советская этнография. 1934. № 3. С. 106–107; см. также: Атеизм в СССР... С. 68.

¹⁷ Об антирелигиозной пропаганде: (По материалам Всесоюзного совещания заведующих секторами домов культуры и колхозных клубов край-облоно и начальников управлений домов культуры и колхозных клубов Наркомпросов АССР). М.: Наркомпрос РСФСР, 1937. С. 25.

¹⁸ Задачи и методы антирелигиозной пропаганды: Тезисы партийного совещания при ЦК ВКП(б) по антирелигиозной пропаганде // Антирелигиозник. 1926. № 8. С. 63; см. также: Лукачевский А. Т. Антирелигиозное совещание при Агитпропе ЦК ВКП(б) // Там же. № 5. С. 12–23.

¹⁹ См.: Гараджа В. И. Социология религии // Социология в России. М., 1998. С. 310; см. также: Клибанов А. И. Пятьдесят лет научного исследования религиозного сектантства // Вопросы научного атеизма. Вып. 4. М.: Мысль, 1967. С. 349–384; Критика религиозного сектантства: Опыт изучения религиозного сектантства в 20-х — начале 30-х годов / Сост. Г. С. Лялина. М.: Мысль, 1974.

²⁰ Путинцев Ф. М. 1) Современное сектантство // Антирелигиозник. 1926. № 4. С. 44–57; 2) Рост и сужение в росте сектантства // Там же. № 6. С. 8–18. — Этот специалист регулярно выполнял поручения так называемой Антирелигиозной комиссии при Политбюро ЦК ВКП(б). Ему принадлежат известные в свое время работы: «Политическая роль сектантства» (М.: Безбожник, 1928), «Политическая роль и тактика сект» (М.: ГАИЗ, 1935). См. также: Вопросник и методические указания по собиранию сведений о сектах / Сост. Ф. М. Путинцев // Антирелигиозник. 1927. № 6. С. 78–83.

²¹ См.: Кобецкий В. Д. Социологическое изучение религиозности и атеизма. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. С. 10; Барменков А. И. Свобода совести в СССР. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. С. 159.

²² Всесоюзное совещание антирелигиозных отделений научно-исследовательских учреждений СССР 14–15 декабря 1930 г. // Воинствующий атеизм. 1931. № 1. С. 177.

²³ Кобецкий В. Д. Указ. соч. С. 16.

²⁴ Наука и религия. 1987. № 11. С. 31.

²⁵ См.: Арди А. Изучение степени религиозности рабочих // Антирелигиозник. 1929. № 10. С. 83–86; Учеватов А. К вопросу о росте безбожия // Там же. 1930. № 8–9. С. 101–105; Попов М. Церковные общины в наши дни: (Опыт исследования в Ивановской области) // Воинствующий атеизм. 1931. № 5. С. 112–122.

²⁶ Антирелигиозник. 1926. № 6. С. 58–59.

²⁷ Приводится по: Барменков А. И. Указ. соч. С. 160. См. также: Вольфсон С. Я. Современная религиозность: (Материалы исследования в БССР). Минск, 1930 (на белор. яз.).

²⁸ Большевик. 1937. № 4. С. 31.

²⁹ Воинствующий атеизм. 1931. № 1. С. 185, 186. См. также: Атеизм в СССР... С. 81.

³⁰ См.: Кобецкий В. Д. Указ. соч. С. 29.

³¹ См.: Тарараев А. Отношение к религии у окончивших школу-семилетку (итоги одной анкеты) // Антирелигиозник. 1928. № 3. С. 57–62.

³² Из множества публикаций того периода см., напр.: Элиашевич И. Я. Правда о Чурикове и чуриковцах. Л.: Прибой, 1928; Ярцев А. Секта евангелических христиан. Л.: Прибой, 1928; Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930; Дружинин В. Духоборы. Л.: Прибой, 1930; Рейнмарус А., Фризен Г. Меннониты. М.: Безбож-

ник, 1930; Морозов И. Молокане. М.; Л.: ОГИЗ — Моск. рабочий, 1931; Волков Н. К. Секта скопцов. Л.: Прибой, 1931; Клибанов А. И. Меннониты. М.; Л.: ОГИЗ — Моск. рабочий, 1931. — А. И. Клибанов, в ту пору занимавшийся изучением религиозного сектантства в СССР, посвятил историко-социологическому анализу этого явления значительное место в своих работах и более позднего времени (см. его труды: Религиозное сектантство и современность: Социологические и исторические очерки. М.: Наука, 1969; Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1973).

³³ Кобецкий В. Д. Указ. соч. С. 45.

³⁴ См.: Блинков Н. Религиозность и антирелигиозность на заводе «Серп и Молот» // Клуб и революция. 1930. № 21–22. С. 40–50.

³⁵ См.: Ривес С. М. Религиозность и антирелигиозность в детской среде. М.: Б. и., 1930. С. 97–106; см. анализ этой типологии: Кобецкий В. Д. Указ. соч. С. 46–47.

³⁶ См.: Покровский К. К вопросу о методологии изучения современного сектантства // Антирелигиозник. 1931. № 9. С. 107–109; Волков Н. К. Методология изучения религиозных организаций в СССР // Воинствующий атеизм. 1931. № 11. С. 3–20.

³⁷ Мансуров В. А., Петренко Е. С. Изучение общественного мнения // Социология в России. М., 1998. С. 571.

³⁸ Красиков П. А. На церковном фронте (1918–1923). М.: Юриздат, 1923.

³⁹ Несколько десятилетий эти данные почти не вспоминались, вновь сослаться на них стали в публикациях «позднесоветского» времени: Барменков А. И. Указ. соч. С. 159; Наука и религия. 1987. № 11. С. 31.

⁴⁰ Цит. по: Об антирелигиозной пропаганде... С. 12.

⁴¹ См.: Гараджа В. И. Социология религии. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 322; Березин А. «Из всех официальных актов» // Наука и религия. 1989. № 2. С. 4; Жиромская В. Тайны переписи населения 1937 г. // Независимая газета. 1998. 18 июля; Фирсов С. Л. Указ. соч.

⁴² См.: Логинов М. И. О современных религиозных людях // Антирелигиозник. 1939. № 5. С. 18.

⁴³ См.: Коновалов Б. Н. К массовому атеизму. М.: Наука, 1974. С. 108.

⁴⁴ См.: Причины сохранения религиозности очень глубоки: Отчет Отдела агитации и пропаганды Горьковского ОК ВКП(б) об итогах антирелигиозной работы за 1934 — начало 1937 г. / Публ. Н. А. Бенедиктова // Исторический архив. 1999. № 6.

⁴⁵ Атеизм в СССР... С. 216.

⁴⁶ О религии и церкви: Сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1981. С. 67.

⁴⁷ См.: Одинцов М. И. Власть и религия: (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945). М.: Российское Общество исследователей религии, 2005.

⁴⁸ О религии и церкви... С. 70–71.

⁴⁹ Там же. С. 75–80.

ГЛАВА 3

СОВЕТСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ: ОПЫТ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ

Постоянно совершавшийся и происходящий по сей день в сфере отечественной социальной мысли перевод темы религии в идеологически заряженные дискурсы не может быть бесследным для любого, касающегося этой темы, направления научного знания. Сфера социологического изучения религии оказалась подвержена этому воздействию до такой степени, что «продукция» идеологического происхождения нередко воспринималась вне критической рефлексии, как безусловная достоверность. *Понимание изучаемого предмета (религиозных институтов, практик и проч.) из него самого «как он есть» все время подчинялось, а то и вовсе замещалось конструированием искусственных образов религии.*

1. Рассматривая эту ситуацию, нельзя сбиваться на упрощение и объяснять все только жестким навязыванием идеологических установок и принуждением ученого сообщества со стороны господствующих политических сил. Не отрицая самого этого обстоятельства и его негативных последствий для научного осмысления проблем религии и общества, надо признать и наличие иного рода причин деформации социального знания в советский период.

1.1. Одной из них можно считать созвучие пропагандистской идеальной картины светлого будущего умонастроениям и ожиданиям подавляющей массы представителей советского обществоведения. Не имеет особого значения, что при этом всегда были и недоумения по поводу многих нелепостей «реального социализма», неприятие одиозных идеологем, скрытая или даже временами обнаруживаемая оппозиция. Решающим аргументом, перевешивающим любые отрицательные мотивы и сомнения, был сам факт длительного, по меркам отдельной человеческой жизни, существования советского общества, умевшего

воспроизводить себя и достигшего какой-то степени цивилизованности, несмотря на катастрофические внутренние и внешние потрясения. Советские ценности в виде представлений о преимуществах планового хозяйства и общественной собственности на средства производства, о моральном превосходстве над миром капитала, о передовом характере культуры, образования и здравоохранения, военной мощи, о глобальном влиянии внешней политики СССР и т. п. вполне сознательно разделяло большинство населения страны.

До той поры, пока идеократия, сформировавшая этот социум, сохраняла способность к его упорядочиванию и удержанию, приверженность основным коммунистическим постулатам в их «советской редакции» оставалась по-преимуществу искренней и сама собой разумеющейся. Цели развития, указываемые в директивных документах, считались вполне достижимыми еще и потому, что в их текстуальной формулировке участвовали, вкладывая сюда свои убеждения, многие ведущие специалисты общественных наук. Завораживающая перспектива коммунистического общества могла захватить самые критические умы. *Поэтому даже полученное, казалось бы, строгими научными методами и рациональное в своей основе знание об общественных процессах, пройдя сквозь призму партийно-коммунистических понятий о должном, превращалось в своего рода социальное мифотворчество.*

1.2. Уместно привести два суждения специалистов о специфике отечественной социологии советского времени, в полной мере применимых и к опытам построения советской социологии религии. Автор предисловия к одному из сборников воспоминаний и документов о советской социологии **Г. С. Батыгин** заметил, что она, «если иметь в виду под социологией марксистскую науку об обществе, не была в строгом смысле наукой. Коммуникативные ресурсы дисциплины были рассчитаны не на профессиональную аудиторию, а на общество в целом... она создавала картины мира и транслировала их на многомиллионную аудиторию, используя для этого массовую печать, радио, телевидение, систему партийно-политической учебы и — самое главное — разрабатывала проект практического переустройства общества».¹ По словам же другого весьма компетентного представителя старшего поколения советских социологов **Б. М. Фирсова**, «при активном содействии общественных наук в массовое сознание вносилась искаженная и неполная картина мира и человека. Она обладала свойствами транквилизатора. Было бы неправдой говорить сейчас, что она была лишена привлекательности. Хотя надежды на лучшее будущее, ставшие лейтмотивом многих социологических исследований, как правило, не сбывались. Более того, по прошествии сравнительно короткого времени они

начинали расходиться с реальностью. Общество как бы догадывалось, что к нему пытаются применить искусственные модели, и потому... начинало уходить в другую, часто непредсказуемую сторону... Именно здесь следует искать причину того, что многие разделы социологического знания оказались несостоятельными. Это знание попало под влияние им же порожденных социальных иллюзий».²

2. Вторая половина 1950-х годов стала временем, когда началась постепенная трансформация как самого советского социального пространства, так и его самоосмысления в формах литературы, искусства, философии, других гуманитарных и общественных наук. Приходит и черед социологии. Она понемногу обретает легитимность, хотя процесс этот происходит (по крайней мере, на уровне официальной институционализации) *в пределах, заданных догматической парадигмой исторического материализма.*

2.1. Уже начальные моменты становления советской социологии — первое участие обществоведов из СССР в международных социологических форумах (III и IV Всемирные конгрессы социологов в 1956 и 1959 г.) и создание Советской социологической ассоциации в декабре 1957 г. под президентством **Георгия (Юрия) Павловича Францова** (1903–1969), одного из немногих официальных теоретиков, относительно эрудированных по вопросам религии, — обнаружили специфику, которая на несколько десятилетий определила характер социологической мысли в нашей стране. Ее общим свойством стала некая раздвоенность: с одной стороны, шло накопление профессиональных знаний и навыков, разрабатывались исследовательские приемы и инструментарий, решались конкретные задачи социального познания; с другой же стороны, социология в СССР выступала в ряду средств конструирования советского «идеального типа» общества, вдобавок выполняя функцию его внутренней апологии и защиты от внешних «враждебных происков».

Со временем противоречие между собственной логикой развития социологического знания, требующего объективных и независимых исследований, и императивом идеологической лояльности, присущим большинству советских социологов, создало множество трудноразрешимых в тех условиях проблем для этой науки. Но в конце 1950-х — начале 1960-х годов данная противоречивость еще не была столь разительной, компенсируясь энтузиазмом и творческим порывом пришедших в социологию ученых.

2.2. По мере своего становления социологическая среда все увереннее овладевала семантически сложной научной лексикой — частично усвоенной из зарубежных теорий, частично самодеятельной. Добываемые в исследованиях знания о социальной реальности «кодиро-

вались» специальным языком уже настолько изощренно, что за всей этой «эзотерикой» сама реальность для непосвященных проглядывала с трудом. Зато возникал какой-то особый образ советского общества, выраженный впечатляющей для профанного сознания теоретической терминологией.

Особую роль здесь сыграло и стремление идеологического аппарата усилить свою состоятельность апелляцией к высокому в ту пору авторитету науки — даже самые искусственные создания марксистско-ленинской теории маркировались понятием «научный» («научный коммунизм», «научный атеизм»). Вольно или невольно к этому подверстывалась система социологических знаний — они были научными и в то же время интегрированными в идеологическое поле. Получаемые исследовательские выводы своей научностью умножали вес ангажировавшей их идеологии, придавали ей достоверность в массовом сознании.

2.3. Для социологии религии в СССР конец 1950-х годов — это время ее неспешной реанимации. Тогда же выявляется и изначальное своеобразие советской социологии религии, принципиально отличавшее ее от зарубежных моделей этой области знания и создавшее специфические проблемы для последующей институционализации. Старым обществоведческим кадрам теоретические неясности с религией были неведомы (проведенная за предыдущий период советской истории «разработка» религиозного вопроса считалась исчерпывающей, у многих навсегда отбив охоту к самостоятельному теоретизированию), а эмпирические свидетельства сохраняющейся религиозности удобно объяснялись «пережиточностью» и «идеологическими происками».³ Новая генерация входила в социальные исследования под воздействием стереотипного восприятия религии как научно несостоятельного и потому уходящего с общественной сцены явления. Однако длительное существование религиозных традиций в советском обществе и их упорное возобновление, несмотря на репрессивную политику, заставляли искать более основательные объяснения, нежели разоблачительные трактовки прежних лет. Без привлечения научных средств это сделать было невозможно. Социологическое изучение религии в такой ситуации становится делом допустимым и в известных рамках поощряемым. Но целевая установка, которая задается при этом, формулируется в прежнем режиме — усиление антирелигиозного потенциала коммунистической идеологии, способствование «разработке стратегии научно-атеистического воспитания».⁴

Таким образом, в статус послевоенной советской социологии религии закладывается неопределенность. Как научная деятельность она не могла развиваться вне контекста

общей социологии, без усвоения социологического исследовательского тезауруса. Но идеологический прикладной смысл вызвавшего ее из небытия заказа подчинял эту деятельность задачам вненаучного характера, которые концентрировались под рубрикой теории и практики развития массового атеизма в СССР.

3. На рубеже 1950–1960-х годов начинается новый период в истории отечественной социологии религии, продлившийся вплоть до времен «перестройки» и распада Советского Союза. В этом периоде можно выделить (с известной долей условности) несколько эволюционных этапов, различающихся мерой эмпирической и теоретической содержательности.

Первым таким этапом стали 1959–1964 гг., на протяжении которых сформировались основные виды деятельности, тематика и подходы советской социологии религии. Общим ее свойством стала нацеленность на сопоставительное исследование религиозности и атеистичности населения СССР. Социологическое изучение религии обуславливалось использованием его результатов для корректировки и усиления «атеизации» советского общества. В то же время более серьезное внимание, нежели когда-либо прежде, было обращено на разработку действенного инструментария, методов и техники исследования. Это, в свою очередь, предполагало некоторое теоретическое развитие и даже освоение опыта зарубежной немарксистской социологии религии. Тематика исследований на этом этапе сосредотачивалась вокруг количественных и социально-демографических характеристик — первоочередность получило намерение выяснить реальные масштабы распространения религии и атеизма среди населения страны. Что касается качественной стороны изучаемых явлений, то подходы к ее выявлению только начинали намечаться.

Развертывавшееся социологическое изучение религиозности и атеизма потребовало создания соответствующих организационных образований, проводящих и координирующих такую деятельность, обобщающих ее результаты. Секторы и группы по вопросам атеизма (или истории религии и атеизма) были созданы в Институте философии и Институте истории АН СССР, академических институтах союзных республик. Начался выпуск специализированных периодических изданий — сборников «Вопросы истории религии и атеизма» (Институт истории АН СССР), ежегодников ленинградского Государственного музея истории религии, журнала «Наука и религия» (с сентября 1959 г.). В Советской социологической ассоциации образуется секция социологии религии и атеизма, а во Всесоюзном обществе «Знание» — Научно-методический совет по научно-атеистической пропаганде. На уровне

городов и областей к социологическим исследованиям в разном качестве привлекаются вузовские учреждения и отделы пропаганды местных органов КПСС.

Серьезным исследовательским опытом того времени стало изучение христианского сектантства в Тамбовской, Липецкой и Воронежской областях, осуществленное в 1959–1961 гг. под руководством *Александра Ильича Клибанова* (1911–1994). На его примере во многом формировалась методика (интервью, наблюдение, сбор документального материала) последующих массовых исследований религиозности в первой половине 1960-х годов. Была собрана большая и разносторонняя эмпирическая фактура. Обнаружились и существенные пробелы — редко использовались выборочный и монографический методы, математико-статистическая обработка полученных результатов, как правило, не применялась. По итогам проведенных экспедиций и опросов был осуществлен ряд обобщающих публикаций, где наличествовали уже не только процентные показатели, но и конкретные достаточно обоснованные цифры.⁵

В теоретическом плане этот этап был совершенно непродуктивен. Единственным заметным явлением стали работы *Юрия Александровича Левады* (1930–2006), которые дополнили научный оборот советского обществоведения переложением, при относительно мягком критическом комментарии, ряда идей представителей западной социологии религии — от Э. Дюркгейма до И. Ваха, Ч. Глока и Г. Ле Бра (статья 1963 г. «Основные направления буржуазной социологии религии» и др.).⁶ Частичному знакомству с немарксистскими социологическими взглядами на религию способствовали и специально подготовленные сборники переводных работ зарубежных авторов.⁷ Некоторым образом это оснащало теоретический арсенал советской социологии религии современной терминологией и отдельными методическими рецепциями.

В начале 1964 г. Идеологическая комиссия при ЦК КПСС разработала программный документ «Мероприятия по усилению атеистического воспитания населения», который был одобрен ЦК КПСС и принял директивный характер для всех партийных и государственных учреждений, имевших отношение к сфере атеистической деятельности. Реализация положений этого документа усилила и без того явное подчинение социологии религии идеологическим установкам. Организационное воплощение это нашло в создании Института научного атеизма (далее — ИНА) как структурного подразделения Академии общественных наук при ЦК КПСС.⁸ Довольно скоро ИНА развернул в стране целую сеть опорных пунктов, одной из задач которых стало проведение социологических опросов и сбор данных об отношении со-

ветских людей к религии и атеизму (материалы публиковались в периодических сборниках ИНА «Вопросы научного атеизма»; архив ИНА имел свой фонд конкретных социологических исследований). Одновременно в ряде университетов и крупных вузов страны началась подготовка студентов и открылась аспирантура по специальности «научный атеизм». Сферой, где готовились профессиональные кадры, предназначавшиеся, в том числе, и для социологического изучения религиозности и атеизма, становится советское научно-атеистическое религиозоведение.

Новым этапом можно считать 1965–1970 гг. Вообще, 1965 г. стал по-своему рубежным для советской социологии религии. С одной стороны, на состоявшемся в этом году «Первом международном коллоквиуме по социологии религии в социалистических странах» (г. Иена) советские ученые уже уверенно обсуждали тему религии как предмета социологического изучения. С другой же стороны, появление монографии *Ю. А. Левады* «Социальная природа религии» стало поводом для «одергивания» отечественных социологов партийно-идеологическими инстанциями за увлечение «ревизионистскими концепциями религии» в ущерб положениям исторического материализма. Взгляд на религию как на социальный институт, объективно обусловленный и имеющий свою функциональность в обществе, при всех марксистских оговорках по этому поводу, расходился с санкционированной интерпретацией и вызвал строгое порицание. Дальнейшая эволюция социологии религии в СССР происходила при постоянном балансировании между «дозволенным» (объем которого временами расширялся, временами жестко дозиrowался) и «неприкасаемым». Освоение достижений зарубежной социологии могло происходить только путем использования фактических данных и методических материалов, при обязательной критике «чуждых идеологических позиций».

Рискованность общетеоретических изысканий смещала центр социологической деятельности в эмпирическую сферу с явным прикладным акцентом. В 1966 г. создается Отдел конкретных социальных исследований в Институте философии АН СССР, два года спустя преобразованный в Институт конкретных социальных исследований АН СССР, имевший в своем составе центр изучения общественного мнения и сектор социологии религии и атеизма. В ряде вузов открывается специализация по прикладной социологии. С 1965 г. при Ленинградском государственном университете начал работу Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований. Ведущей выступила ориентация на конкретные исследования в рамках планирования социального развития. Это же стало главным вектором советской социологии религии.

В 1966–1967 гг. комплексное изучение религиозности советской молодежи провел Институт научного атеизма совместно с Отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ (по 15 опорным пунктам ИНА в различных регионах СССР было опрошено 23 тыс. молодых людей). Во второй половине 1960-х годов шли массовые социологические обследования в Ивано-Франковской (*А. С. Онищенко*), Воронежской (*М. К. Тепляков*) и Пензенской (*А. А. Лебедев*) областях на предмет выявления связи секуляризационных процессов с ростом атеистической убежденности. К исходу 1960-х годов были обобщены и опубликованы результаты нескольких масштабных исследований, проводившихся за минувшее десятилетие среди различных групп городского и сельского населения в тематическом диапазоне от «воздействия религии на социальную активность трудящихся» до роли религиозных обрядов в жизни тех или иных профессиональных групп.⁹

Нараставший объем прикладных исследований постоянно возвращал специалистов к проблеме теоретического обоснования ключевых понятий (предмета социологии религии, критериев религиозности, смысла секуляризации и т. д.).¹⁰ Тщательно «шлифуя» формулировки, об этом пробует писать *Дмитрий Модестович Угринович* (1923–1990).¹¹ Защищаются первые кандидатские диссертации по научному атеизму «социологического профиля», где обстоятельно рассматриваются и теоретико-методологические вопросы.¹² Исследовательская мысль обращается к типологическому анализу религиозных сообществ и даже к моделированию возможных перспектив тех или иных религиозных групп в системе существующих церковных отношений.¹³

На исходе этого этапа (1969–1970) социологическое осмысление религии в СССР подходит к некому качественному сдвигу. Во-первых, само название «социология религии» уже вполне легитимно в системе понятий советского марксизма и все чаще выносятся в заголовки официальных текстов.¹⁴ Во-вторых, начинают публиковаться пока еще небольшие теоретические работы, указывающие на воспроизводство социальных причин религиозности в условиях социализма и их влияние на новые поколения.¹⁵ В-третьих, ширятся международные контакты советских социологов (в 1970 г. на VII Всемирном социологическом конгрессе в Варне советские представители активно участвовали в рабочей группе «Социология религии»¹⁶), и это побуждает к большей основательности, владению современными теориями и подходами.¹⁷ В-четвертых, исследовательское внимание все чаще переключается от массовых обезличенных процессов (преодоление религии, рост атеизма и т. п.) на попытку понять личность современного верующего в социалистическом обществе, его жизненные мотивации, социальные приоритеты и нравственные ценности.¹⁸ В конечном итоге

все это подводило к необходимости анализа реальных общественных отношений, формирующих различные мировоззренческие позиции при социализме. В повестку дня ставится тема секуляризации в ее широком значении.¹⁹ Обнаруживается и острый недостаток собственной теоретической базы у советской социологии религии.

Следующий этап охватывает 1971–1979 гг. По количеству проводившихся исследований и литературы на темы социологии религии это, пожалуй, наиболее насыщенный период. Религиозные верования в СССР еще традиционно маркируются понятием «пережитки», однако содержание научных работ уже более или менее объективно свидетельствует о наличии оснований религиозности в самом укладе общественного бытия советских людей, их повседневном жизненном мире и духовных потребностях.²⁰ Открытие новых мотивов воспроизводства религии при социализме ставит под сомнение эффективность применявшихся форм и средств атеистического воспитания; попытки разобраться с причинами «торможения» массового атеизма становятся отныне постоянными сюжетами в научно-атеистических социологических публикациях.²¹

Теоретическое развитие советской социологии религии в это время вплотную приближается к проблеме самоопределения. Дисциплинарно она была включена в сферу компетенции научного атеизма, под рубрикой которого проходили тогда все вопросы, связанные с религией. Научный атеизм, в свою очередь, числился в разряде философских наук. К ним же принадлежала и марксистско-ленинская социология, имевшая статус раздела философских знаний об обществе. Поэтому даже «социологический акцент» не избавлял социологию религии в СССР от конечной замкнутости на философскую теорию марксизма. Общей метатеорией и для научного атеизма, и для социологии был исторический материализм. В то же время внутренняя логика эволюции научно-атеистического религиоведения и социологической науки выявляла необходимость как минимум какой-то связной теоретической формы для их собственных обобщающих представлений, сложившихся на специфическом предметном поле. Социологии это сделать удалось, пусть и компромиссным образом, благодаря разработке концепции различных уровней социального знания.²² Экспликация, наряду с общесоциологической теорией истмата и уровнем конкретных социальных исследований, еще и специальной социологической теории (так называемого «среднего уровня») дала возможность более уверенного теоретического осмысления эмпирической реальности. По-своему аналогичную процедуру проделал и научный атеизм, обзаведясь собственной «теорией и историей». У советской социологии религии же, по причине ее «размазанности» между научным атеизмом и социоло-

гией, какого-то «зазора» для автономной теоретико-методологической самоидентификации почти не оставалось.

Не имея возможности удовлетворительно решить эту проблему, религиоведы-социологи, по крайней мере, старались обозначить потребность в собственном теоретическом развитии отечественной социологии религии. В одном случае, как это выглядело в труде *Д. М. Угриновича* «Введение в теоретическое религиоведение» (1973), объемный раздел о социологическом анализе религии обращал на себя внимание не только обстоятельностью изложения, но и контрастом между скудным упоминанием нескольких советских исследовательских работ и пространном описанием широкого спектра подходов современной западной социологии к вопросам религии.²³ В другом случае — в книгах *Игоря Николаевича Яблокова* 1970-х годов (одна из них носила прямое название «Социология религии») — советская социология религии вроде бы привычно вписывалась в научно-атеистический контекст, но сам научный атеизм представал как интегральное образование на стыке различных общественных и гуманитарных наук, включая марксистско-ленинскую философию с ее общей социологической теорией исторического материализма. А это уже позволяло выделить социологию религии в качестве специальной социологической теории, со своим категориальным аппаратом, операционально интерпретируемыми понятиями и эмпирическими обобщениями.²⁴ Подобные ухищрения сегодня могут показаться в лучшем случае странными и ничего по большому счету не менявшими, но оценку каждого поворота истории мысли требуется соразмерять с его действительным значением именно для своего времени. В советской социологии религии 1970-х годов все это было вполне функционально, способствовало сохранению научного уровня исследований в той области, где доминировали приоритеты идеологии.

Тематика и масштабы самих исследований на рассматриваемом этапе заметно расширились. Среди них уже выделялись «образцовые» — сравнительное изучение отношения городского населения Одессы и Ленинграда, особенно различных групп интеллигенции, к религии и атеизму (*Л. А. Ануфриев, В. Д. Кобецкий*); обобщающие работы *Р. Г. Балтанова, Б. Н. Коновалова* и др.,²⁵ — на данные которых постоянно ссылались во всевозможных публикациях и выступлениях по вопросам атеистического воспитания. Выходят в свет и труды о социально-исторической природе, социальных корнях и социальных функциях религии.²⁶ Подробно затрагивались социологические аспекты индивидуального подхода к верующим,²⁷ отношение к религии и атеизму со стороны различных социально-демографических групп (молодежь, женщины).²⁸ Повышенное внимание продол-

жало уделяться теме религиозного сектантства и малых религиозных групп, отслеживалась их динамика, изучались социальные воззрения, жизненные позиции сектантов и проч.²⁹ (в 1979 г. выходит 24-й выпуск сборника «Вопросы научного атеизма», полностью посвященный эволюции христианского сектантства в СССР). Небезынтересно, что в названиях работ все чаще стало появляться слово «проблемы».

Особым сюжетом стала целая серия социологических исследований исламской части населения СССР в 1970-х годах³⁰ (в 1980-е годы новые аналогичные мероприятия почти не проводились, продолжали публиковать и использовать прежние данные³¹). Не без грустной иронии можно упомянуть о настораживавших выводах из социологических обследований населения Чечено-Ингушской АССР тех лет лабораторией КСИ при местном ОК КПСС,³² которые остались неустраиваемыми и фактически бесполезными.

Наконец, именно на данном этапе центр социологической деятельности начинает смещаться в сторону массовых опросов общественного мнения. Это направление настолько «промаркировало» социологию, что и поныне на обыденном уровне ее чаще всего воспринимают как изучение общественного мнения. В 1970-х годах указанное направление было зарождающимся; искала в нем свои подходы и социология религии.³³ Нарботки из этой области стали применяться в практике социологического исследования религиозности населения.³⁴ Тем не менее, по справедливому замечанию В. И. Гараджи, «результаты почти одновременно проводившихся исследований оказывались трудно сопоставимыми, поскольку исследователи пользовались разными программами и методиками, а иной раз действовали просто кустарно. Так и не была выработана согласованная типология религиозности. За редким исключением, эмпирическое исследование проводилось без предварительной концептуализации».³⁵

Наглядной демонстрацией достигнутого уровня советской социологии религии стала работа ленинградского исследователя *Владимира Дмитриевича Кобецкого* «Социологическое изучение религиозности и атеизма» (1978). Она содержала большой историко-социологический материал, статистику демографии и динамики религиозности в СССР, попытку построения типологии религиозности и атеистичности, программу изучения и социологический анализ общественного мнения по вопросам религии и атеизма. Все это описывалось современным понятийным языком социологии и в то же время было снабжено необходимыми ссылками на установки партийных документов. Методика получения конкретных данных свидетельствовала о научной тщательности проводимых процедур, но обобщающие суждения все время подстраивали реальный результат (нелицеприятную конста-

тацию слабости и низкой эффективности атеистической пропаганды) под идеологически мотивированное оптимистическое ожидание (распространение и утверждение массового атеизма). Тем разительнее было расхождение между фактическим выводом исследователя, что «за годы Советской власти уровень религиозности снизился примерно на 50%» (и это при всей жестокости 60 лет борьбы против религии), и официальной цифрой из передовицы газеты «Правда», указывавшей на сохраняющуюся религиозность всего у 8–10% взрослого городского населения (при этом осторожно добавлялось, что в сельской местности процент «несколько выше»).³⁶

Наступивший далее этап 1980–1985 гг. в целом не принес заметных изменений в сложившееся состояние советской социологии религии. Продолжались ставшие уже традиционными социологические исследования религиозного сектантства, причин и содержания религиозных умонастроений среди молодежи, проблем повышения эффективности атеистической пропаганды.³⁷ Новой темой стало социологическое осмысление развития советских праздников и обрядов как альтернативы религиозной обрядности.³⁸ В теоретических работах речь по большей части шла об индивидуальной религиозности, тенденциях и особенностях ее проявления, принципах анализа религиозности и атеистичности в социалистическом обществе.³⁹ Можно упомянуть и расширившееся в это время знакомство советских ученых с трудами западной социологии религии — осваивалась уже не только «классика жанра» (взгляды Г. Зиммеля, Э. Трельча, М. Вебера и др.), но и современные социологические концепции (появлялись ссылки на Р. Велла, П. Бергера и Т. Лукмана, Г. Ленски, Т. Парсонса, Б. Уилсона и др.).

Характерно, что понятие «религиозные пережитки» постепенно исчезает из исследовательской лексики. За религией даже признается роль «специфической формы удовлетворения социальных потребностей». В то же время бросается в глаза явное завышение статуса научного атеизма — он рассматривается как мировоззренческое состояние, которое в своей противоположенности религии выступает, по сути, эквивалентным масштабу религиозного мировоззрения (вопреки тому, что в действительности атеизм именно в силу «отрицающего» характера не может быть самостоятельным мировоззрением).

Общим итогом проделанных за три десятилетия исследований в рамках научно-атеистической социологии религии советские обществоведы того времени считали «более или менее точную картину религиозности и атеизма в ряде областей, районов и населенных пунктов»; выяснение «дифференциации верующих и атеистов по роду занятий, возрасту, образованию, полу и т. п.»; анализ динамики обы-

денного религиозного сознания (подчеркивалась его «раздвоенность» между религиозной верой и научными представлениями).⁴⁰

Насколько адекватны были такие результаты в объективном значении — судить пока трудно; это еще предстоит установить современным исследователям истории советского общества. Однако известно, что самонадеянная уверенность официальной социологии в «знании ситуации» не всегда вызывала доверие политического руководства страны. Достаточно вспомнить прозвучавшие в июне 1983 г. от первого лица в КПСС неожиданные слова: «Мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности. . .»⁴¹ Советская социология религии здесь не была исключением. Окутанная идеологическими стереотипами, она своими интерпретациями получаемых результатов по существу превратила то, что еще только предполагалось и требовалось достичь (преодоление религиозности и массовый атеизм), в нечто уже произошедшее или близящееся к завершению. Причем сами исследователи, чтобы ни говорилось ими позднее о собственной проницательности, видели в своих искусственных построениях несомненную реальность и пропагандировали это, т. е. фактически занимались мифотворчеством.

Завершающим этапом советского периода истории отечественной социологии религии стали 1986–1991 гг. В это время происходит принципиальная «смена вех» в ориентирах советского общества, одним из показателей чего явилось изменение отношения к религии на всех уровнях — от государственного руководства до повседневной жизни людей. Религия становится в ряд духовных приоритетов, религиозные организации заметно интегрируются в социально-политический процесс. Однако сохраняла инерционную силу и научно-атеистическая парадигма в общественном сознании. Сопряжение расходящихся между собой убеждений, настроений и действий порождает заметную эклектику в былом монолите советских общественных наук. В полной мере все это испытала на себе и советская социология религии.

В начале «перестройки» еще продолжают воспроизводиться устоявшаяся за прежние годы тематика и тональность социологических работ по проблемам религии и атеизма. Подвижки, наблюдаемые в сфере религиозной жизни общества, объясняются как признаки «размывания» религиозного сознания и утраты им строгой вероучительной определенности, а также попытками модернизации религиозной идеологии.⁴² Но не замечать реальных изменений общественного звучания религии уже было невозможно, и это побуждало пересматривать сложившиеся приемы социологического исследования, искать способы их усовершенствования, чтобы лучше разобраться в

происходящем.⁴³ Вопросы «преодоления религии» еще ставятся в повестку конференций и отдельных исследований; настойчиво повторяются и поиски «атеистического общественного мнения».⁴⁴ Тем не менее с гораздо большим интересом социологи обращаются к выяснению нового облика верующих и религиозных объединений в СССР, причем в эту работу включаются и конфессиональные авторы.⁴⁵

На «излете» последнего этапа советской социологии религии появляются исследования, которые как бы подводят черту под многолетними усилиями применения социологического знания для процесса атеистического воспитания населения — сделанные ими выводы демонстрируют явную несостоятельность тезиса об «обществе массового атеизма».⁴⁶ Для отечественной социологии религии наступает новый, пожалуй, не менее сложный период «поисков себя» в условиях российских трансформаций на рубеже XX–XXI вв.

Примечания

¹ Батыгин Г. С. Предисловие // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г. С. Батыгин; Ред.-сост. С. Ф. Ярмолюк. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. С. 11.

² Фирсов Б. М. Как добивались послушания социологии // Там же. С. 349.

³ См.: Залесский В. И. Об отношении белорусских колхозников к религии и о росте атеизма // Советская этнография. 1957. №2; Худяков С. Н. О преодолении религиозных пережитков в СССР. М.: Госполитиздат, 1958.

⁴ Атеизм в СССР: становление и развитие / Редкол.: А. Ф. Окулов (отв. ред.) и др. М.: Мысль, 1986. С. 234.

⁵ Современное сектантство и его преодоление: (По материалам экспедиции в Тамбовскую область в 1960 г.) // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. IX / Под ред. А. И. Клибанова. М.: Изд-во АН СССР, 1961; Танчер В. К., Дулуман Е. К. Опыт конкретного исследования характера религиозных представлений // Вопросы философии. 1964. №10; Алексеев Н. П. Социалистический труд в советской деревне и преодоление религиозных пережитков: (Опыт конкретно-социологического исследования). Орел: Знание, 1965; Черняк В. А. О преодолении религиозных пережитков: (Опыт конкретно-социологического исследования по материалам Алма-Атинской области). Алма-Ата: Наука, 1965; Андрианов Н. П., Лопаткин Р. А., Павлюк В. В. Особенности современного религиозного сознания. М.: Мысль, 1966.

⁶ Левада Ю. А. 1) Современное христианство и социальный прогресс. М.: Соцэкгиз, 1962; 2) Социологические проблемы критики религии: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: Ин-т философии АН СССР, 1964; 3) Марксистская социология и религия // Политическое самообразование. 1965. №2; 4) Социальная природа религии. М.: Наука, 1965.

⁷ Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Сост. Г. Беккер, А. Босков; Пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит-ры,

1961; Социология сегодня: Проблемы и перспективы: (Американская буржуазная социология середины XX века) / Сост. и общ. ред. В. В. Виноградова, А. Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1965.

⁸ О религии и церкви: Сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1981. С. 83.

⁹ Конкретные исследования современных религиозных верований: (Методика, организация, результаты) / Отв. ред. А. И. Клибанов. М.: Мысль, 1967; Алексеев Н. П. Методика и результаты изучения религиозности сельского населения: (На материалах Орловской области) // Вопросы научного атеизма. Вып. 3. М.: Мысль, 1967; Тепляков М. К. Победа атеизма в различных социальных слоях советского общества: (По материалам конкретных социологических исследований в Воронежской области) // Вопросы научного атеизма. Вып. 4. М.: Мысль, 1967; Евдокимов В. И. Конкретные социальные исследования и атеизм // Наука и религия. 1968. №1; Печников П. Л. Воздействие религии на социальную активность трудящихся // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. 1968. №6; Смирнов В. А. Исследование религиозного обряда крещения среди рабочих: (На материалах г. Горького) // Вопросы научного атеизма. Вып. 5. М.: Мысль, 1968; Баптизм и баптисты: (Социологический очерк) / Под ред. Е. Е. Прокопиной, М. Я. Ленсу. Минск: Наука и техника, 1969; Галицкая И. А. К вопросу об изучении религиозности молодежи // Вопросы научного атеизма. Вып. 7. М.: Мысль, 1969; Черняк В. А. Формирование научно-материалистического, атеистического мировоззрения: социологические проблемы. Алма-Ата: Наука, 1969.

¹⁰ Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и опыта атеистического воспитания / Под ред. И. Д. Пащхава. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.

¹¹ Угринович Д. М. 1) Религия как предмет марксистского социологического исследования // Вопросы философии. 1966. №1; 2) О критериях религиозности и их применении в процессе социологических исследований // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. 1967. №4.

¹² Кобецкий В. Д. Предмет и методика конкретно-социологических исследований преодоления религии в СССР: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л.: ЛГУ, 1968; Суярко В. А. Объективные и субъективные факторы преодоления религиозных пережитков на современном этапе коммунистического строительства в СССР: (На материалах конкретно-социологического исследования причин отхода верующих от религии в 1957–1966 гг.): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Киев: Киев. гос. ун-т, 1968.

¹³ Крянев Ю. В. Типология религиозных объединений и дифференциация атеистического воспитания // Вопросы научного атеизма. Вып. 3. М.: Мысль, 1967; Пивоваров В. Г. Религиозная группа прихожан в системе церковного прихода: (Опыт моделирования) // Человек, общество, религия / Под ред. А. С. Иванова и др. М.: Мысль, 1968.

¹⁴ Окулов А. Ф. Социология религии // Социология и идеология / Ред.-сост. Л. А. Воловик. М.: Наука, 1969.

¹⁵ Галицкая И. А. Изучение каналов воспроизводства религиозности в

новых поколениях — одно из требований системы атеистического воспитания // Вопросы научного атеизма. Вып. 9. М.: Мысль, 1970; *Пищик Ю. Б.* Социальные причины религиозности в условиях социализма: (Обзор литературы) // Вопросы научного атеизма. Вып. 7. М.: Мысль, 1969.

¹⁶ *Ожухов А. Ф., Угринович Д. М.* VII Международный социологический конгресс: Проблемы социологии религии // Там же. Вып. 12. 1971.

¹⁷ *Угринович Д. М.* Религия как предмет социологического исследования // Очерки методологии познания социальных явлений / Под ред. О. В. Лармина, А. К. Уледова. М.: Мысль, 1970.

¹⁸ *Дулуман Е. К., Лобовик Б. А., Танчер В. К.* Современный верующий: Социально-психологический очерк. М.: Политиздат, 1970; *Иванов В. М.* Современный верующий. Минск: Изд-во «Беларусь», 1970; *Клибанов А. И.* Верующий в современном мире: Размышления над страницами социологических исследований // Наука и религия. 1970. № 11.

¹⁹ К обществу, свободному от религии: (Процессы секуляризации в условиях социалистического общества) / Отв. ред. П. К. Курочкин. М.: Мысль, 1970.

²⁰ *Байков Е. М.* Религия и духовный мир человека: (Социологический очерк). Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1972; *Василевская Н. С.* Опыт конкретно-социологического исследования отношения к религии в современной городской семье // Вопросы научного атеизма. Вып. 13. М.: Мысль, 1972; *Гагарин Ю. В.* Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление: (По материалам конкретно-социологических исследований). Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1971; *Елфимов В. Ф.* О причинах и условиях существования религиозных пережитков в СССР. Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т, 1971; *Носова Г. А.* Опыт этнографического исследования бытового православия (на материалах Владимирской области) // Вопросы научного атеизма. Вып. 11. М.: Мысль, 1971; *Пучков Н. И.* Изменения социальной структуры рабочего класса и колхозного крестьянства и их влияние на развитие массового атеизма: (Социологическое исследование): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: АОН, 1972; *Ульянов Л. Н.* Опыт исследования мотивации религиозного поведения: (На материалах социологического исследования в Заметчинском районе Пензенской области) // Вопросы научного атеизма. Вып. 11. М.: Мысль, 1971.

²¹ *Рамм Б. Я., Аптекман Д. М.* Методологические проблемы социологического изучения эффективности атеистического воспитания // Научный атеизм. Вопросы методологии и социологии / Отв. ред. М. Ф. Калашников. Пермь: Изд-во Пермского гос. пед. ин-та, 1971; *Казачишин Н. Н.* Конкретно-социологические исследования и их роль в совершенствовании атеистического воспитания в вузах // Вопросы научного атеизма. Вып. 16. М.: Мысль, 1973; *Соловьев В. С.* О влиянии атеизма на духовное развитие личности: (Опыт социологического исследования) // Вопросы научного атеизма. Вып. 16. М.: Мысль, 1973.

²² См.: *Глезерман Г. Е., Келле В. Ж., Пилипенко Н. В.* Исторический материализм — теория и метод познания революционного действия // Коммунист. 1971. № 4.

²³ *Угринович Д. М.* Введение в теоретическое религиоведение. М.: Мысль, 1973 (второе, дополненное издание с названием «Введение в религиоведение» было подготовлено десять лет спустя и вышло в 1985 г.).

²⁴ *Яблоков И. Н.* 1) Актуальные проблемы социологии религии. М.: Знание, 1971; 2) Методологические проблемы социологии религии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972; 3) Социология религии. М.: Мысль, 1979.

²⁵ *Ануфриев Л. А., Кобецкий В. Д.* Религиозность и атеизм: (Социологические очерки). Одесса: Маяк, 1974; *Балтанов Р. Г.* Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания: (Проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1973; *Коновалов В. Н.* К массовому атеизму. М.: Наука, 1974; *Лебедев А. А.* Конкретные исследования в атеистической работе. М.: Политиздат, 1976; *Онищенко А. С.* Социальный прогресс, религия, атеизм: (Эволюция современного религиозного сознания и проблемы формирования атеистического мировоззрения). Киев: Наукова думка, 1977; *Тепляков М. К.* Проблемы атеистического воспитания в практике партийной работы. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1972.

²⁶ *Дулуман Е. К.* Религия как социально-исторический феномен: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Киев: Ин-т философии АН УССР, 1975; *Лебединец Г. М.* Диалектика социальных корней религии. Львов: Изд-во Львов. ун-та: «Вища школа», 1975; *Мануйлова Д. Е.* 1) Социальные функции религии. М.: Знание, 1975; 2) Церковь как социальный институт. М.: Знание, 1978.

²⁷ *Зувев Ю. П., Пивоваров В. Г.* Социологические исследования на службе индивидуальной работы с верующими // Индивидуальная работа с верующим / Отв. ред. В. Г. Пивоваров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1974; *Москаленко А. Т., Чечулин А. А.* Микросреда верующего и атеистическое воспитание. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1979; *Писманик М. Г.* Личность и религия. М.: Наука, 1976; *Хлебников Е. А.* Некоторые вопросы формирования атеистической убежденности. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1977.

²⁸ *Арсенкин В. К.* В поисках духовных наследников. М.: Политиздат, 1975; *Гуров Ю. С.* Мировоззрение молодежи и атеизм: Опыт конкретного социологического исследования отношения молодежи к религии и атеизму и формирования у нее научно-атеистического мировоззрения. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1976; *Калашников М. Ф.* Молодое поколение и религия: Опыт конкретно-социологического и социально-психологического исследования. Пермь: Изд-во ПГПИ, 1977; *Лебедев А. А.* Студенческая молодежь и атеизм (некоторые итоги социологического исследования) // Вопросы научного атеизма. Вып. 15. М.: Мысль, 1973; *Тимченко И. П.* К духовной свободе: (Социальные и идеологические проблемы преодоления религиозности женщин). М.: Политиздат, 1978.

²⁹ *Белов А. В.* Секты, сектантство, сектанты. М.: Наука, 1978; *Гагжос В. Ф.* Эволюция религиозного сектантства в Молдавии: (Историко-философский и социологический анализ). Кишинев: Штиинца, 1975; *Демьянов А. И.* Истинно-православное христианство: Критика идеологии и де-

тельности. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1977; *Игнатенко Л. М., Прокошина Е. С.* Опыт конкретных исследований психологии баптистов в БССР // Вопросы научного атеизма. Вып. 11. М.: Мысль, 1971; *Ипатов А. Н.* Меннониты: Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. М.: Мысль, 1978; *Клибанов А. И.* 1) Религиозное сектантство и современность: (Социологические и исторические очерки). М.: Наука, 1969; 2) Проблема изучения и критики религиозного сектантства. М.: Знание, 1971; 3) Из мира религиозного сектантства: Встречи. Беседы. Наблюдения. М.: Политиздат, 1974; *Москаленко А. Т.* Идеология и деятельность христианских сект. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1978; *Чечулин А. А.* Малые группы в культовых сообществах и их влияние на духовный мир верующих: (Опыт комплексного социологического и социально-психологического исследования): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Моск. обл. пед. ин-т, 1976.

³⁰ *Базарбаев Ж. Б.* Типология современных верующих мусульман // Философские науки. 1973. № 5; *Макатов И. А.* 1) Ислам. Верующий. Современность. Махачкала: Дагестан. книжное изд-во, 1974; 2) Атеисты в наступлении. Преодоление пережитков ислама в национальном самосознании. М.: Советская Россия, 1978; *Байрамсахатов Н.* Новый быт и ислам. М.: Политиздат, 1979.

³¹ См.: *Базаров А. Б.* Особенности мусульманских религиозных пережитков // Социологические исследования. 1982. № 2; *Саидбаев Т. С.* Ислам и общество: Опыт историко-социологического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука: ГРВЛ, 1984.

³² *Пивоваров В. Г.* 1) Структура религиозной общины. Грозный: Чечено-Ингуш. книжное изд-во, 1970; 2) На этапах социологического исследования: (Теория и практика социологических исследований проблем атеизма и религии). Грозный: Чечено-Ингуш. книжное изд-во, 1974; 3) Быт, культура, национальные традиции, верования Чечено-Ингушской АССР // Вопросы научного атеизма. Вып. 17. М.: Мысль, 1975; Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания / Отв. ред. С. Ц. Умаров. Грозный: Ин-т истории, социологии и философии при Совете министров ЧИ АССР, 1979.

³³ См.: *Сафронов Ю. Н.* Общественное мнение и религиозные традиции. М.: Мысль, 1970; *Данилов Д. Г., Кобецкий В. Д.* Общественное мнение и научно-атеистическая пропаганда. М.: Знание, 1976.

³⁴ См.: *Филимонов Э. Г.* Социологические исследования процесса преодоления религии в сельской местности: итоги, проблемы, перспективы // Вопросы научного атеизма. Вып. 16. М.: Мысль, 1974; *Закович Н. М., Зоц В. А.* Опыт социологического исследования религиозности населения // Социологические исследования. 1977. № 3.

³⁵ *Гараджа В. И.* Социология религии // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. С. 316.

³⁶ *Кобецкий В. Д.* Социологическое изучение религиозности и атеизма. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. С. 90; Правда. 1979. 30 марта.

³⁷ *Ворошилов А. С.* Баптизм как он есть: (Секта баптистов глазами со-

циолога). Ростов н/Д: Книжное изд-во, 1983; *Малахова И. А.* Новые тенденции в идеологии и деятельности христианского сектантства. М.: Знание, 1980; *Филимонов Э. Г.* Христианское сектантство и проблемы атеистической работы. Киев: Политиздат Украины, 1981; *Арсенкин В. К.* Кризис религиозности и молодежь: Методологические аспекты исследования. М.: Наука, 1984; *Будов А. И.* Религиозные иллюзии на пороге жизни. М.: Молодая гвардия, 1980; *Платонов Р. П.* Пропаганда атеизма. Организация, содержание, результаты. М.: Политиздат, 1985.

³⁸ *Закович Н. М.* Советская обрядность и духовная культура. Киев: Наукова думка, 1980; *Острожская В. Е.* Обрядность в нашей жизни. М.: Политиздат, 1980; *Тульцева Л. А.* Современные праздники и обряды народов СССР. М.: Наука, 1985.

³⁹ *Демьянов А. И.* Религиозность: тенденции и особенности проявления (социально-психологический анализ). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984; *Писманик М. Г.* Индивидуальная религиозность и ее преодоление. М.: Мысль, 1984; *Угринович Д. М.* Принципы анализа религиозности и атеистичности в социалистическом обществе // Советская социология: В 2 т. Т. 1. Социологическая теория и социальная практика / Отв. ред. Т. В. Рябушкин, Г. В. Осипов. М.: Наука, 1982.

⁴⁰ Атеизм в СССР. ... С. 230.

⁴¹ *Андропов Ю. В.* Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1983. С. 294.

⁴² См.: *Демьянов А. И.* Факты против измышлений: Миф о «религиозном возрождении» в СССР и его несостоятельность. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1989; *Ильясов Ф. Н.* Религиозное сознание и поведение // Социологические исследования. 1987. № 3; *Лобовик Б. А.* Религиозное сознание и его особенности. Киев: Наукова думка, 1986; Современная религиозность: состояние, тенденции, пути преодоления / Под общ. ред. А. С. Онищенко. Киев: Политиздат Украины, 1987; *Соловьев В. С.* По пути духовного прогресса: Некоторые итоги повторных социологических исследований проблем быта, культуры, национальных традиций, атеизма и верований населения Марийской АССР. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1987.

⁴³ См.: *Иванов А. И.* Социологический анализ религиозности в трудовом коллективе и задачи атеистического воспитания: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: МГУ, 1988; *Малиева А. А.* Сравнительный анализ проведения социологического исследования религиозности в СССР и ЧССР: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: МГУ, 1987; *Сапрыкин В. А.* 1) Актуальные проблемы научно-атеистического воспитания в условиях города. М.: Знание, 1986; 2) Верующие в современном городе // Наука и религия. 1987. № 9; 3) Трудовой коллектив: атеисты и верующие. М.: Политиздат, 1990.

⁴⁴ *Аверичев Е. П.* Особенности формирования и функционирования атеистически ориентированного общественного мнения на селе: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: АОН, 1987; *Ларионова Т. З.* Формирование атеистического общественного мнения: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Куйбышев: Куйб. гос. ун-т, 1990; *Лебедев А. А., Цветков В. А.* Главный фак-

тор: Социально-экономические изменения как фактор преодоления религиозных пережитков. М.: Политиздат, 1987; Научный атеизм и общественное мнение / Отв. ред. Р. А. Лопаткин. М.: АОН при ЦК КПСС, 1987; Религия в советском обществе: причины сохранения и проблемы преодоления / Отв. ред. Э. Г. Филимонов. М.: АОН при ЦК КПСС, 1989; *Черняк В. А.* Социология атеизма и исторический материализм. Алма-Ата: Изд-во «Казахстан», 1989.

⁴⁵ *Балагушкин Е. Г.* Структуры религиозной деятельности: (К определению понятий «церковь», «секта», «культ», «богоискательство») // Вопросы научного атеизма. Вып. 39 / Отв. ред. В. И. Гараджа. М.: Мысль, 1989; *Бессмертный-Анзимиров А. Р.* Русская Православная Церковь в год своего 1000-летия // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси / Сост. М. Назаров. М.: Столица, 1991; *Иннокентий (Павлов С. Н.), иеромонах.* О современном состоянии Русской православной церкви // Социологические исследования. 1987. № 4; Протестантские организации в СССР: (Социальный облик, идеология, политическая позиция, проповедническая деятельность) / Отв. ред. Г. С. Лялина. М.: АОН при ЦК КПСС, 1989; *Маринов В.* Три вопроса о религии (по результатам опроса общественного мнения москвичей и горожан США) // Наука и религия. 1989. № 7; *Фурман Д. Е.* Религия, атеизм и перестройка // На пути к свободе совести / Сост. и общ. ред. Д. Е. Фурман и о. Марк (Смирнов). М.: Прогресс, 1989; *Павлун З. Н.* Семья и религия: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: МГУ, 1990; *Кублицкая Е. А.* Традиционная и нетрадиционная религиозность: Опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5.

⁴⁶ *Кублицкая Е. А.* «Общество массового атеизма» глазами социолога // Наука и религия. 1990. № 1; *Лошакова И. Л.* Динамика изменений духовной ориентации советского общества в период 1961–1985 гг.: (По материалам Уральского региона). Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1992.

ГЛАВА 4

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

О нынешней российской социологии религии можно говорить и как об уже реально существующем направлении научной деятельности — есть исследователи и есть исследования, соответствующую работу выполняют социологические лаборатории и центры изучения общественного мнения, проводятся конференции, появляются публикации и читаются лекционные курсы; и как о чем-то еще только оформляющемся, не обретшем явной институциональности — усилия отдельных ученых и даже научных коллективов не имеют должной координации, нет профессиональной периодики, в системе образования не распространена специализированная подготовка по социологии религии.

Такое положение — когда необходимость научной дисциплины повсеместно признается, но серьезного ресурсного подкрепления не происходит, — определяется главным: *отсутствием четко артикулированной востребованности организованной социологии религии в современной России.* Религиозный компонент жизни российского общества по-прежнему воспринимается вне его действительного содержания, которое можно выяснить только систематическим научным исследованием. Причем в таком восприятии фактически консолидируются и представители властвующих элит (этим структурам важно не то, чем действительно является религия, а то, как ее хотелось бы и можно использовать), и большинство самого российского населения (которому религия бывает необходима не столько сама по себе — в догматических вероизложениях и мистико-сотериологическом наполнении, — сколько в ее мифо-ритуальной обработке и магической функциональности). Поэтому возможная институционализация социологии религии остается уделом самоорганизации профессионального со-

общества. Но здесь также присутствует целый ряд проблем, решение которых еще лишь предстоит.

1. В первом приближении складывается впечатление, что постсоветская ситуация создала более благоприятные условия для социологического изучения религиозной жизни российского общества. Соотнесение эмпирически получаемых результатов и их интерпретаций с идеологическими директивами ушло в прошлое. Стало возможным проводить исследования религии не для того, чтобы демонстрировать «историческую неизбежность» и «неуклонный рост» атеизма, а с целью постижения реальных процессов в общественном сознании.

Однако счастливая утрата научно-атеистической институциональности никак не была восполнена обретением новой структурообразующей модели социологии религии. Исследовательская практика стала диффузной, ориентирующейся более на случайные проекты или частные инициативы, нежели на какой-то устойчивый алгоритм социального познания. Наиболее успешными оказались начинания, которые восходили еще к поздним советским временам и были либо обеспечены большим массивом уже собранного материала, либо строились на сотрудничестве с зарубежными организациями.¹

Тем не менее *эмпирические исследования* продолжались, реализуя (насколько это было возможно) и собственные научные интересы ученых, и внешние запросы, периодически исходившие от различных социально-политических организаций. Постепенно вырисовывался набор таких проблем, которые действительно требовали постоянного исследовательского внимания. Явное предпочтение было отдано изучению общественного мнения по вопросам религии и церкви, первым в ряду остальных занятий социологии религии получившему регулярность.²

Отношение россиян к религии в какой-то мере отслеживают в своих опросах Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и выделившийся из него «Левада-Центр», Независимый исследовательский центр РОМИР, Фонд «Общественное мнение» (ФОМ). В Российском независимом институте социальных и национальных проблем (РНИСиНП) образуется исследовательский центр «Религия в современном обществе» (действующий затем при Институте социологии РАН), проводящий многолетнюю программу изучения динамики религиозности российского населения (до 2007 г. руководитель — *М. П. Мchedлов*).³ Работает сектор социологии религии Института социально-политических исследований (ИСПИ) РАН. Конкретные аспекты религиозной ситуации в России изучают Центр социологии образования Российской Академии образования, Российская Академия государственной службы при Президенте РФ (РАГС), ряд

университетских социологических центров. Одной из наиболее злободневных тем стало выяснение роли религии в системе жизненных ценностей российской молодежи.⁴ С середины 1990-х годов начинаются периодические исследования отношения к религии различных профессиональных групп населения (учителей, военнослужащих и т. д.).⁵ Преобладание в религиозном спектре России христианских конфессий и особое место среди них русского православия также нашли свое социологическое отражение.⁶

2. Обладая уже достаточно пространным «заделом» эмпирических исследований, *современная российская социология религии пока лишь в зачаточном виде имеет собственную теоретическую составляющую*, оперируя эклектичной смесью рецепций из зарубежных теорий и отечественных религиозоведческих построений, многие из которых являются уже довольно давними и несоизмеримы нынешней религиозной ситуации в России. В то же время «когнитивная зрелость научной дисциплины» (по терминологии *И. А. Голосенко*) достигается, когда она способна выделять и решать различные классы познавательных задач в своей предметной области, опираясь прежде всего на самостоятельную теорию и методологию.

Судя по имеющимся публикациям современных исследователей в области социологии религии, формирование оригинальных теоретических подходов еще только начинается. Первые его контуры были очерчены в середине 1990-х годов. К этому времени, наконец, в основном состоялось освоение отечественными специалистами ведущих зарубежных концепций социологии религии — оперирование иностранными именами, текстами и терминологией стало обычным в занятиях российских исследователей.⁷ Тогда же все более обнаруживается относительность применения опыта западной социологии религии к осмыслению религиозной жизни российского общества. Но и приемы из прежних советских наработок, чьи авторы нередко присутствуют в числе нынешних «возделывателей» социологии религии, оказались далеко не всегда уместными. Питательный источник мысли искался также в досоветских и эмигрантских трудах ученых соотечественников. В результате теоретизирование середины 1990-х годов стало попыткой синтезировать новое звучание российской социологии религии из выборочных компонентов зарубежных теорий и отечественных религиозоведческо-социологических изысканий разных периодов с добавлением актуальных по текущим временам формулировок, отражающих происходящие в России социальные трансформации. Примером такого рода явились работы *Виктора Ивановича Гараджи, Игоря Николаевича Яблокова* и ряда других специалистов, заслуживших научный авторитет еще во времена советского обществоведения.⁸ В целом мож-

но сказать, что начало поискам путей развития теоретической социологии религии в России было положено.

Конец 1990-х — начало 2000-х годов ознаменовались появлением работ, тематика которых позволяет судить о приоритетных в настоящее время направлениях теоретической исследовательской деятельности. Прежде всего, это обобщающее осмысление состояния религиозной жизни постсоветской России, что потребовало, в свою очередь, разработки операционального понятия «религиозная ситуация» применительно к происходящим общественным процессам.⁹ Наибольшее внимание в связи с этой темой уделяется двум ключевым ее аспектам. Первый — роль религиозного фактора в общегосударственном и региональных масштабах, межнациональных и иных общественных отношениях.¹⁰ Второй аспект — влияние религиозных организаций на современную российскую политику, моделирование возможного политического поведения верующих в России.¹¹

Другим, более «академичным», направлением теоретических поисков стало исследование качественных сторон религиозной составляющей общественного сознания. В этом русле с неизбежностью возникала контрверза социологии и теоретического религиоведения, переходящая в диалоговый режим сопоставления взглядов на общее предметное поле. Примером могут служить совместные обсуждения на разных уровнях, в том числе материалы «круглого стола» в СПбГУ (2001) и секции «Социология религии» на II Всероссийском социологическом конгрессе (2003).¹² Данная сфера исследования также предполагает обращение к вопросам классификации и типологии современных религиозных сообществ, уточнение социологической операциональности употребляемых конфессиональных и религиоведческих терминов и т. п.¹³ Одной из ведущих проблем в этой тематике является определение критериев религиозности, адекватность и применение существующих ее трактовок.¹⁴

Кроме того, произошедшие в России формационные перемены общественно-экономического уклада и политической организации побудили российских социологов обратиться к теоретическому анализу новых аспектов уже довольно традиционной темы взаимовлияния капитализма и религии; в частности, рассмотреть вопросы религиозной мотивации трудовой этики.¹⁵

Самыми, пожалуй, трудоемкими процессами для теоретических занятий современной российской социологии религии являются аналитика методологических вопросов, создание концептуального аппарата для систематизации и обобщения богатого эмпирического материала конкретных исследований. Серьезных теоретических разработок, достойных упоминания в этом плане, пока еще немного.¹⁶

3. Общее представление об отношении граждан России к религии, примерной численности верующих и их конфессиональных предпочтениях можно получить из материалов исследований, которые периодически проводятся различными социологическими организациями. Данные подобных исследований иногда заметно расходятся, и, в лучшем случае, по ним можно судить лишь о каких-то наиболее выраженных тенденциях в состоянии религиозности, положении религии и ее институтов в российском обществе, перспективах развития религиозной ситуации.

Всего в России ныне существует от 60 до 70 религиозных направлений, представленных в совокупности приблизительно 25 000 религиозными объединениями. Следует заметить, что действующая система государственной регистрации фиксирует число религиозных организаций, но не количество входящих в их состав верующих. Государственного учета граждан по признаку их вероисповедания в Российской Федерации не ведется (не было такого учета и в советский период). Свою статистику имеют сами религиозные организации, но она нередко основана на некорректных с научной точки зрения приемах определения числа последователей (например, допускается отождествление национальной и конфессиональной принадлежности).

При всей условности обобщенная картина социологических данных демонстрирует, что в современной России (середина 1990-х — начало 2000-х годов) совокупность людей, относящих себя к верующим в Бога или в иные сверхъестественные силы, не превышает 45% взрослого населения, колеблющиеся между религиозной верой и неверием составляют до четверти всех опрошенных, уверенно считающие себя нерелигиозными людьми — около 15% и примерно столько же индифферентных к вопросам религии.¹⁷ По отдельным конфессиям эта картина может несколько различаться, однако в целом она отражает реальный уровень религиозности российского населения. Сравнение с показателями советского времени (рубежа 1970–1980-х годов) свидетельствует о четырехкратном росте числа людей, по их самооценке, придерживающихся религиозного мировоззрения.

В то же время самоидентификация людей с каким-то из религиозных направлений не всегда совпадает с выполнением ими обязательных требований принадлежности к конфессии. Часто свидетельство человека о приверженности к религии объясняется толкованием ее как этнокультурной традиции. При этом демонстрация внешних признаков конфессиональной сопричастности (использование соответствующих атрибутов, лексики и т. п.) может потеснить или вообще заменить собственно культовые действия, предписанные вероучением. Количество верующих, регулярно и строго соблюдающих все требования

(так называемых «практикующих»), по всей видимости, не превышает 10%. Мистико-сотериологические настроения уступают место прагматически ориентированному отношению к религии. В религиозных институтах массовому сознанию видится нечто вроде «инструмента» для благотворного воздействия на общественные нравы и социально-политические процессы.

Дополнительную сложность религиозной ситуации в России придает «миссионерская конкуренция» конфессий между собой, нередко переходящая в конфликты по поводу собственности и влияния на население какой-либо местности. Заметны и попытки использования религиозной мотивации для достижения целей политического характера (во время выборов, при обсуждении некоторых законопроектов в представительных органах власти и т. д.).

В целом, однако, можно говорить о стабильности религиозной ситуации в России. Реализуя право свободного выбора, граждане Российской Федерации к настоящему времени, в основном, выразили свои конфессиональные предпочтения; каждое из действующих религиозных сообществ охватывает ту часть населения, которая в данных условиях именно в нем находит возможность своего мировоззренческого и духовного самоопределения.

4. Важным признаком сложившегося научного направления является аккумуляция вырабатываемых в его рамках результатов и суммирование полученных знаний в форме учебников, учебных пособий, курсов лекций и т. п. Российская социология религии вступила на эту стадию относительно недавно. Причем отсутствие достаточно количества фундаментальных отечественных трудов по социологии религии превращает наиболее содержательную учебную литературу одновременно и в изложение теоретических взглядов ее создателей. Самым заметным здесь стало учебное пособие по социологии религии для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей **В. И. Гараджю**, выдержавшее за десять лет (к 2005 г.) три издания.¹⁸ Также особо следует выделить раздел по социологии религии, написанный **И. Н. Яблоковым** для коллективного учебника «Введение в общее религиоведение» (2001), где манера изложения учебного издания удачно сочетается с теоретическими положениями ученого.¹⁹ Получило заслуженную популярность и учебное пособие ростовского коллектива авторов, объединившее тематику социологии и психологии религии (1996).²⁰ На рубеже XX–XXI веков вузовскими специалистами в России опубликован целый ряд учебных пособий, конспектов лекций и методических рекомендаций по курсу социологии религии.²¹ Имеются и публикации развернутых программ учебной дисциплины «Социология религии», составленных по нормам существующих государствен-

ных образовательных стандартов.²² Отдельно следует упомянуть словарные статьи отечественных авторов о социологии религии, по-своему подтверждающие легитимность этой области знания в российском информационно-образовательном пространстве.²³

Еще одним признаком начавшейся институционализации можно полагать первые опыты самопознания отечественной социологии религии в виде попыток реконструкции ее недолгого исторического пути в России. В этом отношении больше «повезло» досоветскому периоду развития социологической мысли, исследования о котором появляются регулярно и содержат освещение подходов к социологии религии в трудах дореволюционных ученых; имеются и обобщающие работы по состоянию данного предмета в 1920–1930-х годах. Что же касается событий второй половины XX в., то можно наблюдать, как отмеченная в гл. 3 противоречивость советской социологии религии сказывается во фрагментарности нынешнего ее описания, умолчаниях или, наоборот, пристрастном акцентировании приоритетных для авторов сюжетов.²⁴

Если же говорить о таком институционализирующем признаке, как возникновение профессионального сообщества социологов религии, то его наличие пока вызывает большие сомнения. Перефразируя памятные слова **В. А. Ядова** о советской социологии времен ее становления, можно сказать, что *у нас социолог религии тот, кто занимается социологией религии*, а это сейчас и философы, и политики, и историки, и психологи, и выпускники факультетов социологии по другим специальностям. В современном социологическом образовании акцент делается преимущественно на овладение западными теориями, методиками и приемами. В то же время сохраняют влияние и некоторые интерпретации религии, сложившиеся еще в советском обществоведении. По этой причине очень сложно складывается взаимопонимание — к одному и тому же изучаемому предмету применяются оценочные характеристики и исследовательские подходы, сформированные в различающихся научных дисциплинах и теоретико-методологических парадигмах. Отсутствует даже какое-либо периодическое издание, специализировавшееся на вопросах социологии религии (имеющиеся отдельные тематические выпуски научных сборников, материалы конференций и журнальные рубрики дела не меняют).

Среди проблем, вызывающих дискуссионное отношение у специалистов «по профилю» социологии религии, следует также назвать преувеличенное внимание к функционированию религиозных институтов в ущерб исследованию социального смысла религиозных практик. Сюда же относится и дисциплинарная неопределенность: современное российское религиоведение, наследуя социологию религии из ее недавней научно-атеистической «обители», претендует на эту науку как на

свою составную часть, что вступает в противоречие с ее родовой принадлежностью к общей социологии. Главной же проблемой остается отсутствие среди приоритетов общественного сознания в России устойчивой потребности в объективных представлениях о религиозной жизни российского общества. Так что формирующейся ныне отечественной социологии религии предстоит интересный, но сложный путь.

Примечания

¹ Пример первого см.: *Караханова Т. М.* Изменения в религиозном самоопределении и его отражение в жизнедеятельности городских жителей: 1965–1998 годы // Бюджет времени и перемены в жизнедеятельности городских жителей в 1965–1998 гг. / Отв. ред. Т. М. Караханова. М.: Ин-т социологии РАН, 2001. — Лучшим примером второго явился совместный с Академией наук Финляндии исследовательский проект «Религия и ценности после падения коммунизма» 1991–1999 гг., итог которого см.: Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. К. Каарияйнена, Д. Е. Фурмана. СПб.; М.: Летний сад, 2000.

² См.: *Мchedлов М. П., Нуруллаев А. А., Филимонов Э. Г., Элбакян Е. С.* Религия в зеркале общественного мнения // Социологические исследования. 1994. № 5; *Воронцова Л. М., Филатов С. Б., Фурман Д. Е.* Религия в современном массовом сознании // Там же. 1995. № 11; *Попов А. С., Элбакян Е. С.* Религия в сознании российской интеллигенции // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. 1996. № 5; *Дубин Б. В.* Религия, церковь, общественное мнение // Свободная мысль. 1997. № 11.

³ См.: *Мchedлов М. П.* 1) Вера России в зеркале статистики // НГ-Религии. 2000. 17 мая. № 9 (55); 2) Особенности религиозности в изменяющейся России // Свобода совести — важное условие гражданского мира и межнационального согласия / Сост. и общ. ред. А. А. Красилов. М.: Ин-т Европы РАН. Центр социально-религиозных исследований, 2003; *Мchedлов М. П., Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г.* 1) О социальном портрете современного верующего // Социологические исследования. 2002. № 7; 2) Мировоззренческие предпочтения и национальные различия // Социологические исследования. 2004. № 9.

⁴ *Семенов В. Е.* Молодежь: вера и суеверия // Школа гуманитарных наук. М., 1993. № 1; *Кулаков П. А.* Молодежь и религия: Социологический опрос. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1995; *Мchedлов М. П.* О религиозности российской молодежи // Социологические исследования. 1998. № 6; *Журавлева И. В., Пейкова З. И.* Религиозность российских и финских подростков // Там же. № 10; *Воронова Е. А.* Самоорганизационные процессы в российском обществе и религиозное сознание молодежи // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2000. Вып. 3; *Немировский В. Г., Стариков П. А.* Тенденция «квазирелигиозности» в среде красноярского студенчества // Социологиче-

ские исследования. 2003. № 10; *Клинецкая Н. В.* Религиозность молодежи в современной России // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2004. Вып. 4.

⁵ *Василевский Ю. Л.* Заметки о религиозной ориентации учителей // Социологические исследования. 1997. № 9; *Мозговой С. А.* Социологический анализ религиозной ситуации в Вооруженных Силах РФ // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень РАГС. М., 1997. № 9–10; *Фурман Д. Е.* Верующие, атеисты и прочие: Новое исследование российской религиозности // Свободная мысль. 1997. № 1.

⁶ *Жеребятьев М. А.* Современные общины христианских конфессий в России: сравнительно-социологический анализ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994; *Каргина И. Г.* О динамике развития христианских конфессий: Социологические исследования. 1998. № 6; *Пейкова З. И.* Отношение российского населения к православию // Вестник высшей школы. 2000. № 1; *Тульский М. О.* Роль церкви в жизни российского общества: (Социологическое исследование) // НГ-Религии. 2000. 9 авг. № 15 (62); *Налетова И. В.* «Новые православные» в России: тип или стереотип религиозности // Социологические исследования. 2004. № 5.

⁷ *Безрогов В. Г., Пушкарева Н. Л.* Некоторые результаты и методы исследования психологии и социологии религии в работах зарубежных исследователей // Религиоведение. 2002. № 1.

⁸ *Гараджа В. И.* Религия как предмет социологического анализа // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / Сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М.: Аспект-Пресс, 1996; *Яблоков И. Н.* Основы теории религии // Основы религиоведения: Учебник / Ю. Ф. Борунков, И. Н. Яблоков, К. И. Никоненко и др.; Под ред. И. Н. Яблокова. М.: Высшая школа, 1994.

⁹ *Григоренко А. Ю.* Религиозная ситуация и некоторые аспекты ее социологического изучения // Религиозная ситуация на Северо-Западе России и в странах Балтии / Сост. А. Ю. Григоренко, А. М. Прилуцкий. СПб.: Издат. дом «Невская заря», 2002; *Лопаткин Р. А.* Религиозная ситуация в России // Свобода совести — важное условие гражданского мира и межнационального согласия / Сост. и общ. ред. А. А. Красилов. М.: Ин-т Европы РАН. Центр социально-религиозных исследований, 2003; *Митрогин Л. Н.* Религиозная ситуация в современной России // Социологические исследования. 1995. № 11; *Филатов С. Б.* Послесловие. Религия в постсоветской России // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России / Отв. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2002.

¹⁰ *Варзанова Т. И.* Возрождение религии в России как аспект социокультурной динамики // Питирим Сорокин и социокультурная тенденция нашего времени / Науч. ред. Ю. В. Яковец. М.: МФК; СПб.: СПб ГУП, 1999; *Зайцев А. Б.* Религиозный фактор в социальном управлении регионом (на материалах Республики Бурятия): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: РАГС, 1999; *Лушников Д. А.* Социальная дезорганизация и обыденное религиозное сознание в современном российском обществе: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ставрополь: Сев.-Кавказ. ГТУ, 2000; *Рагузин В. Н.* Роль религиозного фактора в межнациональных отношениях. М.: РАГС, 1998;

Религии в России — фактор укрепления или распада государства? Аналитическая записка Центра социально-религиозных исследований ИЕ РАН // Свобода совести — важное условие гражданского мира и межнационального согласия / Сост. и общ. ред. А. А. Красикова. М.: Ин-т Европы РАН, 2003; *Элбакян Е. С.* Религиозный фактор в современной России // Религиоведение. 2002. № 1.

¹¹ *Добрускин М. Е.* О социальных функциях церкви (на материалах Русской православной церкви) // Социологические исследования. 2002. № 4; *Можаровский В. В.* Религия и политика: Догматическое мышление и религиозно-ментальные основания политики. СПб.: ОВИЗО, 2002; О социальной концепции русского православия / Под ред. М. П. Мchedлова. М.: Республика, 2002; *Овсиенко Ф. Г.* Политизация конфессий и клерикализация политики: тенденции развития и риски в российском обществе // Религиоведение. 2002. № 2; *Тощенко Ж. Т.* Теократия как форма взаимодействия религии и власти / Философские науки. 2002. № 3; *Филатов С. Б.* Новое рождение старой идеи: православие как национальный символ // Политические исследования. 1999. № 3; *Филлимонов Э. Г.* Социально-политические ориентации верующих и неверующих // Национальное и религиозное / Редкол.: М. К. Горшков (отв. ред.) и др. М.: РНИСиНП, 1996;

¹² Социология религии и современная религиозность: Материалы «круглого стола»: В. Е. Семенов, М. Ю. Смирнов и др. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 3; Социология религии / Рук. секции В. И. Гараджа и др. // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе: В 3 т. Т. 3. М.: Альфа, 2003.

¹³ *Балагушкин Е. Г.* Новые религии как социокультурный и идеологический феномен // Общественные науки и современность. 1996. № 5; *Забияко А. П.* Категория святости: Сравнительное исследование лингворелигиозных традиций. М.: Издат. дом «Московский учебник — 2000», 1998; *Зенкин С. Н.* Сакральная социология // Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Пер. с фр. М.: ОГИ, 2003; *Котельников Г. А., Лебедев С. Д.* Концептуальные модели взаимодействия светской и религиозной культур // Социологические исследования. 2004. № 5; *Пивоваров Д. В.* Бог, пророк, церковь. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002; *Пучков П. И.* К вопросу о классификации религий. Приложение: Религии, их направления и течения, важнейшие деноминации // Этнос и религия / Отв. ред. Б. Логашова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1998.

¹⁴ *Панков А. А., Подшивалкина В. И.* Проблема воспроизводства религиозного сознания в посттоталитарном обществе // Социологические исследования. 1995. № 11; *Синелкина Ю. Ю.* О критериях определения религиозности населения // Там же. 2001. № 7; *Бажан Т. А.* Оппозиционная религиозность в России. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2000; *Каргина И. Г.* Самоидентификация верующих: социальная мотивация // Социологические исследования. 2004. № 1; *Баранников В. П., Матренина Л. Ф.* Динамика религиозности в информационном обществе // Там же. № 9; *Лебедев С. Д.* Религиозность в поисках Рубикона // Социологический журнал. 2005. № 3.

¹⁵ *Давыдов Ю. Н.* Вебер и Булгаков (христианская аскеза и трудовая

этика) // Вопросы философии. 1994. № 2; *Митрохин Л. Н.* Баптизм: история и современность: (Философско-социологические очерки). СПб.: Изд-во РХГИ, 1997; *Сторчак В. М., Макеев А. В.* Протестантизм и православие: этос труда и предпринимательства // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень РАГС. М., 2000. № 1; *Медведко С. В., Элбакян Е. С.* 1) Верующие в России: социально-экономическая ситуация и отношение к рыночным реформам // Религиоведение. 2001. № 1; 2) Влияние религиозных ценностей на экономические предпочтения верующих россиян // Там же. № 8; *Зарубина Н. И.* Предпринимательство и религия в зеркале русской культуры // Там же. 2002. № 1; *Элбакян Е. С.* Христианская трудовая этика: сравнительный анализ конфессиональных особенностей // Там же. 2003. № 2.

¹⁶ *Ваторопин А. С.* Социальный модернизм и постмодернизм в религиозной среде современного общества: социологический анализ: Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Екатеринбург: Урал. АГС, 2002; *Караханова Т. М.* Некоторые подходы к исследованию религиозно-нравственного состояния общества // Повседневная жизнедеятельность и трудовое поведение работающего населения / Отв. ред. В. Д. Патрушев. М.: Ин-т социологии РАН, 1999; *Костина Н. Б.* Религиозная общность: институционально-доктринальный аспект социологического исследования: Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Уфа: БашГУ, 2001; *Островская-мл. Е. А.* Религиозная модель общества. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005; *Чеснокова В. Ф.* Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005.

¹⁷ Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / Ред. кол.: М. П. Мchedлов (отв. ред.), Ю. А. Гаврилов, В. В. Горбунов и др. М.: Культурная революция, 2007. С. 5.

¹⁸ *Гараджа В. И.* Социология религии: Учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005 (1-е изд. М.: Наука, 1995; 2-е изд. М.: Аспект-Пресс, 1996).

¹⁹ *Яблоков И. Н.* Социология религии // Введение в общее религиоведение: Учебник / Под общ. ред. И. Н. Яблокова. М.: Книжный дом «Университет», 2001.

²⁰ *Самыгин С. И., Нечипуренко В. И., Полонская И. Н.* Религиоведение: социология и психология религии. Ростов н/Д: Феникс, 1996.

²¹ *Паутова Л. А.* Социология религии: Методические рекомендации по изучению курса. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999; *Филатова О. Г.* Социология религии. Конспект лекций. СПб.: Изд-во В. А. Михайлова, 2000; *Смагин Б. А.* Социология религии // Религиоведение: Учеб. пособие. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Лань, 2003; *Майкова Э. Ю.* Социология религии: Учеб. пособие. Тверь: Изд-во ТГТУ, 2004; *Веремчук В. И.* Социология религии: Учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

²² *Гараджа В. И., Гараджа Е. В.* Программа дисциплины «Социология религии» // Религиоведение. 2002. № 1; *Тажидинова И. Г.* Социология религии: Программа дисциплины. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2003.

²³ *Яблоков И. Н.* Социология религии // Религии народов современной

России: Словарь / Редкол.: М. П. Мchedlov (отв. ред.) и др. 2-е изд., испр. и доп. М.: Республика, 2002; *Ермаков И. П.* Религии социология // Учебный социологический словарь / Отв. ред. С. А. Кравченко. 3-е изд., доп., перераб. М.: Экзамен, 1999; *Василенко Л. И.* Социология религии // Краткий религиозно-философский словарь. М.: Истина и жизнь, 2000.

²⁴ *Вальков М. С.* Отечественная социология религии: Становление и развитие: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2005; *Гараджа В. И.* Социология религии // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998; *Лопаткин Р. А.* Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М.: РАГС, 2001. № 4; *Медведко С. В.* Проблемы методологии современной социологии религии в России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М.: РАГС, 2001. № 2.

ГЛАВА 5

СОЦИОЛОГИЯ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ И КУЛЬТОВ В РОССИИ

1. К постановке темы. Понятие «*новые религиозные движения*» (далее — НРД) принято в современной исследовательской литературе как обобщающее для особого ряда явлений религиозной жизни, *возникших преимущественно во второй половине XX в.* За ним стоит широкий спектр разных по устройству и учениям сообществ, которые образуются *вне* системы институтов исторически сложившихся мировых и национальных религий. Многочисленные описания и трактовки специфики НРД характеризуют их по-разному, именую «современными внеконфессиональными верованиями», «нетрадиционными религиями», «новыми культами», «тоталитарными сектами» и проч. Среди изучающих этот феномен конфессиональных и светских авторов *пока не существует общего понимания признаков принадлежности тех или иных новообразований к НРД, их единой классификации и устоявшейся типологии.*¹

1.1. Начальным периодом появления НРД чаще всего считается конец 1950-х годов. На протяжении следующего десятилетия идет их быстрый рост и распространение, главным образом — в Западной Европе и США, ряде стран Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона. Тогда же, в 1960-е годы, НРД становятся объектом общественного внимания, постоянной темой средств массовой информации, предметом изучения со стороны представителей традиционных религий и светской науки. В 1970–1980-е годы феномен НРД достигает своего «пика»: его масштабы глобализируются; счет наименований переходит от сотен к тысячам, а число общин не поддается точной оценке; образуются международные организации НРД; количество постоянных участников измеряется несколькими миллионами. Отличительными чертами экспансии НРД стали многообразие и динамичность. Это

вызвало по сей день нерешенную проблему нехватки систематизированной, регулярно обновляющейся и адекватной информации о НРД. В 1990-х годах за рубежом наступает нечто вроде стабилизации: наблюдается спад активности НРД и умеренность интереса к ним; НРД стали привычным явлением, многие вписались в структуры общества и нашли там свой способ существования; внимание привлекают только какие-то чрезвычайные события и действия экстремистского толка.

В нашей стране первые заметные аналоги НРД возникают на рубеже 1970–1980-х годов. Часть из них ориентировалась на иностранные течения, другие были отечественного происхождения, что свидетельствует о наличии автохтонных «корней» у этих образований. Следующие два десятилетия НРД в СССР и затем в Российской Федерации развивались весьма интенсивно, распространившись в религиозной жизни общества и вызывая к себе неоднозначную (главным образом — критическую) реакцию.

1.2. Подобно любым религиозным сообществам, НРД представляют собой объединения людей на основе общих верований и практик, которые, по убеждению последователей, дают благотворную причастность к тому, что полагается в качестве *сакрального*. Вопрос о достоверности определения этой основы как именно *религиозной* следует оставить за пределами рассуждения. Значение имеет не столько степень соответствия того или иного движения неким объективным критериям религиозности, сколько *собственное восприятие сообщества его участниками как религиозного*. Вне зависимости от того, сообразно это доминирующим теоретическим представлениям о сущности религии или нет, необходимо принять такую самоидентификацию как реальное состояние сознания и поведения членов НРД.

К тому же стоит заметить, что действительное бытие любых религиозных систем всегда соразмерно наличному уровню их понимания и востребованности собственными последователями. И если это понимание нетождественно некому «образцовому» стандарту вероучения и культа, сие не значит, что его приверженцы утратили свою религиозную идентичность.

Такая посылка может показаться излишне категоричной, однако она оправдана, помимо прочего, известной условностью общепотребительного применения самого термина «религия». Каждая вероучительная система, привычно относимая под рубрику религии, в действительности имеет множество существенно отличающих ее от других содержательных оттенков, свойственных конкретным этническим культурам, регионам и эпохам. Отсюда следует и смысловая разноплановость их понятийного самовыражения. Редукция этого многообразия к неким общим основаниям или признакам всегда оказывается

уязвимой уже в самом намерении предложить какое бы то ни было универсальное объяснение.

Сказанное не отменяет необходимой критики притязаний каких-то сообществ на «религиозный статус», заявляемых без убедительного подтверждения этого в культивируемых представлениях, настроениях и действиях. Но однозначная отрицательность (дескать, все это не является «настоящими религиями», поскольку не похоже на те, что традиционно считаются таковыми) не может быть уместна, когда речь идет о движениях, в которых люди реализуют свои далеко не фиктивные духовные надежды и чаяния.

НРД относятся к тем сообществам, которые предлагают своим adeptам созвучные их ожиданиям сакральные ценностные ориентиры. Эти ценности и приоритеты становятся определяющими также в повседневных потребностях и обыденном поведении участников НРД. Сложившиеся здесь воззрения и мотивация неизбежно проецируются вовне через включенность последователей как членов общества в систему социальных действий, а потому получают, наряду с вероисповедным, и социальное измерение. Учения и деятельная сторона НРД, будучи в пределах этих сообществ своего рода внутренним делом, в социально-коммуникативном контексте обретают общественное звучание. Массовое участие в НРД представителей самых разных слоев и социально-демографических групп ставит под сомнение бытующий тезис о маргинальности таких движений. *Можно полагать, что феномен НРД есть вполне репрезентативное свидетельство распространенных умонастроений и жизненных позиций значительной части современного общества.* Поэтому исследование оснований, содержания и роли НРД побуждается не только академическим интересом, но и практическими целями социального обустройства.

2. Проблема восприятия НРД и отношения к ним. Приверженцы исторически сформировавшихся религиозных сообществ обычно видят в НРД носителей опасных заблуждений, подрывающих истинные устои жизни. Среди причин НРД в таком случае особо указывается «духовная неразвитость» части человечества, усугубляемая, по мнению критиков, злонамеренными действиями противников традиционных вероисповеданий. С этой точки зрения подобные движения даже не могут быть отнесены к собственно религиозным, поскольку подлинная религиозность ассоциируется только с укорененным в прошлое конфессиональным укладом.

2.1. В обществах, где массовые представления (в том числе и нерелигиозной части населения) о религии устойчиво сопряжены только с конкретной традиционной системой вероисповедания, НРД самым

фактом существования порождают, по меньшей мере, беспокойство. Непривычность и внешняя «инаковость» поведения участников этих движений болезненно воспринимаются стереотипизированным общественным сознанием, вызывая реакцию на НРД, неадекватную их реальному месту и влиянию. В функционировании НРД усматривается разрушающее воздействие на психическое состояние личности и общества (деструктивность) и стремление к всеобщему подчинению и универсальному контролю (тоталитарность). Отсюда следует и соответствующая терминология: «лже-учения», «псевдо-религии», «тоталитарно-деструктивные культы».

По существу, данное отношение смещает подход к раскрытию природы НРД от непредвзятого и взвешенного анализа в сторону предубеждений и порицания. *Воззрения и практика НРД рассматриваются избирательно и фрагментарно; высвечивается только то, что может подтвердить из негативную оценку.* Случающиеся притязания некоторых НРД на роль восприимчивых древних духовных традиций категорически отвергаются, причем в этом отрицании доктринальные, теоретические и исторические дискуссии, как правило, уступают место обличающей полемике. НРД типологически уподобляются ересям и преступным идеологиям. Даже те элементы вероучений и культовой практики, которые сложились в традиционных религиозных системах, но были почерпнуты из них и реинтерпретированы в НРД, воспринимаются уже как что-то принципиально чуждое и опасное. В критических публикациях о НРД можно встретить немало эмоциональных характеристик осуждающего свойства, заменяющих объективное исследование этого феномена.

2.2. Возникновение и деятельность НРД усилили мотивы конкуренции в религиозной жизни общества. Обострилась извечная для религий проблема *прозелитизма* (от греч. *προσῆλυτος*, лат. *proselytus* — пришелец, новообращенный), т. е. перехода из одного вероисповедания в другое. В силу такого обстоятельства неприятие НРД как явления сплошь и рядом проецируется на отношение к последователям этих движений, когда мировоззренческие расхождения переводятся в плоскость противостояния между людьми и административных решений. Маркировка НРД как *нетрадиционных* приобретает обвинительный оттенок, рождает подозрительность к ним, попытки моральной и правовой дискриминации их участников.

Вообще говоря, определение каких-то вероисповеданий как нетрадиционных вполне допустимо. Однако оно уместно скорее в целях рассмотрения их эволюции как феноменов истории религий. Действительно, вся эта история наполнена периодически возникавшими новациями, которые противоречили традициям устоявшегося в ту или иную

эпоху строя верований. Так, например, было с ранним христианством, в качестве радикально нового религиозного движения разомкнувшим своей устремленностью к сверхъестественному Богу циклическую мифо-ритуальную традицию «вечного возвращения» в мировосприятии древности. Следует также добавить, что любая новация на религиозном поле вызревает из почвы, подготовленной настойчивым культивированием традиции. Нельзя, скажем, представить протестантизм (новое для христианской Европы XVI в. религиозное движение) без предшествовавших многовековых духовных исканий и реформаторских настроений, с необходимостью пробуждавшихся ходом исторического бытия римско-католической традиции в христианстве. При этом каждая эпоха содержит свои специфические мотивации к возникновению нетрадиционных религиозных образований.

О нетрадиционных религиях можно говорить и применительно к современному периоду, имея в виду существующие поныне верования и культы, которые стали складываться еще в колониальные времена как результат взаимодействия между местными и привносимыми извне религиозными системами. У многих народов мира, в условиях размывания их этнокультурной целостности под напором цивилизационных процессов, происходила трансформация традиционных верований — либо в сторону большей закрытости и эзотеризма (тайные сообщества, хранящие древние образы сакрального), либо в сторону религиозного синкретизма и адаптации к инокультурным духовным моделям. К этим явлениям можно добавить и разные формы неомистицизма, по-своему также альтернативные традиционным религиям. В совокупности все это устойчиво вошло в мировую общественную жизнь еще задолго до середины XX в., когда стали возникать НРД. *Данное обстоятельство позволяет рассматривать НРД как позднейшую разновидность нетрадиционных религий, подразумеваемая, однако, именно классификационное, а не оценочное, звучание такой характеристики.*

Новые движения в религиозной сфере обычно имеют персонифицированное лидерство, но складываются не по чьей-то личной, доброй или злой, прихоти. В них находят выход и оформление массовая неудовлетворенность существующим конфессиональным порядком и избыточной склонностью традиционных религиозных организаций к профанному, ощущение действительной или кажущейся исчерпанности прежних возможностей духовного саморазвития, напряженный мировоззренческий поиск людей из различных слоев общества.

3. Социокультурные основания возникновения НРД. Общественно-политические трансформации и научно-техническая революция второй половины XX в. создали качественно новую в истории си-

туацию. Объективными факторами общественного бытия стали глобализация, развитие транснациональной системы социально-экономических отношений, возникновение единого информационного пространства. Одним из ключевых последствий происходящего явилась резкая диспропорция между ускоряющимися темпами техногенного развития и адаптационными возможностями человека. Проблематичным стало не только индивидуальное, но и предпринимаемое в масштабах социальной или этнической группы целостное освоение нового миропорядка, его адекватное осмысление. Среди других следствий такой ситуации — конфликтность новаций с традиционными устоями и ценностями и нередкие ныне представления о глубоком духовном кризисе, охватившем человечество. Стереотипное отождествление *духовного* и *религиозного* распространило кризисное восприятие и на сферу вероисповедной жизни.

3.1. Ни одно из существовавших к середине XX в. религиозных учений (как, впрочем, и светские идеологии), со всем их историческим опытом и потенциалом, не оказалось способно дать общеубедительные ответы на вызовы времени и предложить перспективные решения глобальных проблем современности (военная угроза, экология, ограниченность ресурсов, терроризм и проч.).

В то же время большинство традиционных религиозных организаций обнаружили тесную связь с профаническими, по меркам религиозного сознания, явлениями (политикой, экономикой). Такое *обмирщение* неуклонно снижало их авторитет как представителей спасающей сакральности. Не случайно получила хождение фольклорная фраза: «Шел к Богу, а попал в церковь». Рутинизация религиозной жизни влекла за собой формализм и бюрократические издержки, удаляла пастырей от жизненных чаяний паствы.

Чем разветвленнее и сложнее структура религиозной организации, тем меньше места в ней индивидуализированному началу. Подчиняясь укладу конфессиональной традиции, человек вписывается в ее ритм, доверяет религиозному институту определение для себя правильного пути к спасению и поступает сообразно установленному этой инстанцией порядку. История свидетельствует, что даже в эпохи резких социальных перемен основная масса верующих сохраняет приверженность былым конфессиональным предпочтениям, поскольку разрыв с ними лишь умножает жизненную неопределенность. Тем не менее стремление к духовной связи с предметом веры у большинства последователей традиционных конфессий выражается пассивно, а иногда и почти вытесняется использованием религиозного «инструментария» (ритуальных действий, обрядов и т. п.) для облегчения сугубо мирских забот, что становится обычным состоянием массового поведения верующих.

Идентификация себя с какой-то целостностью (нация, государство, церковь и т. д.) всегда способна дать человеку не только ощущение стабильности и защищенности в повседневной жизни, но и чувство сопричастности к высоким по значению ценностям. Поэтому избыточная склонность традиционных религиозных организаций к профанному, а так случилось со многими из них в XX в., вызывает растерянность приверженцев. В культовых представлениях верующих удерживается по большей мере идеализированный, нежели реальный, образ религиозного института. Когда же обнаруживаются расхождения между уровнем ожиданий и действительным положением, возникает негативная реакция, вплоть до разочарования, разрыва с прежним и возможного перехода в другое религиозное сообщество. *Дискредитация традиционных религий стимулирует поиск новых форм религиозной идентичности.*

3.2. Религиозные организации, стремясь сохранить свою востребованность, либо стараются снять с себя груз профанирующих функций и сосредоточиться преимущественно на сфере священного, либо же, напротив, настойчиво тяготеют к интеграции в мирские структуры в качестве их деятельного участника. Во втором случае возможно развитие *клерикализма* (от позднелат. *clericalis* — церковный), т. е. тенденции в деятельности конфессиональных организаций и их последователей контролировать все стороны общественной жизни, включая даже самые удаленные от вероучения и культа (политические и хозяйственные отношения, здравоохранение, образование, спорт и многое другое). В современном мире клерикальные настроения не относятся к числу доминирующих, но периодически активизируются там, где образуются «пустоты» в социальной и духовной среде.

Более распространенным состоянием в наши дни стала *секуляризация*. Исторически и поныне этим понятием именуется переход собственности религиозных организаций в мирское (главным образом — государственное) владение. В широком же значении, как принято понимать современной социальной мыслью, секуляризация состоит в освобождении личности и общества от контроля и вмешательства со стороны религиозных институтов.

Секуляризацию нередко отождествляют с безбожием и утратой духовных начал. Но такое толкование достоверно, только если духовное состоит исключительно из религии, а религия видится только через интересы представляющих ее организаций. В действительности, *секуляризация влечет за собой реструктуризацию религиозной жизни: уменьшение в ней доли общеобязательного институционального начала, отказ от безоговорочного подчинения административным структурам конфессий, усиление*

личностных духовно-нравственных мотиваций верующего индивидуума. Стимулом к этому становится потребность в новых механизмах адаптации человека к нарастающим сложностям современной жизни, при утрате традиционными религиями прежних возможностей и авторитета. Секуляризация не упраздняет религиозные потребности, а переводит их на новые пути реализации, более подходящие жизненному миру и личностным исканиям верующего в постиндустриальном социуме.

Кроме того, секулярное общество уравнивает мирское положение конфессиональных организаций средствами гражданского правового регулирования, которое в равной степени обязательно для соблюдения всеми, вне зависимости от «древности» исповедуемой веры. Такое общество предоставляет возможность самостоятельного выбора человеком для себя духовной традиции, без ее навязывания, по крайней мере — рычагами государственного принуждения. Современное понимание культурного плюрализма как естественного состояния человечества создало новые перспективы для религиозного самоопределения. Сложились международные нормы и гарантии свободы вероисповедания, которые признаются преобладающей частью государств мира, даже при явном приоритете в каких-то из них «религий большинства». Принадлежность к НРД перестает быть признаком нелояльности к государству и общественно-политическому строю, хотя подобное и не отменяет порой острого противостояния с приверженцами традиционных религиозных систем.

Таким образом, объективным основанием, обусловившим появление НРД, стало само состояние глобального социокультурного развития, со всеми его достижениями и кризисами, к которому человечество пришло во второй половине XX в.

4. Общая характеристика феномена НРД. При всем многообразии учений, практик и внутреннего уклада конкретных НРД, они имеют ряд общих признаков, совокупность которых позволяет отличать их от других форм религиозной жизни.

4.1. Прежде всего, им присуще *внеконфессиональное происхождение*, что отличает НРД от религиозного сектантства в строгом смысле этого термина. Если исходить из социологически определяемого содержания типов религиозных объединений, то к феномену НРД обозначение понятием «секта» неприменимо.

Религиозные секты возникают путем обособления части верующих внутри какой-либо конфессии (обычно представленной институционализированным сообществом церковного типа). Они избирательно опираются только на близкие умонастроениям и жизненным позици-

ям своих участников общеконфессиональные постулаты, отвергая при этом все остальное, а затем и вообще выделяясь из конфессии в самостоятельную закрытую группу. Сектантская идеология носит характер замкнутости и не предполагает активной экспансии вовне.

В отличие от религиозного сектантства, НРД вырастают из настроений, явно альтернативных традиционным конфессиональным системам и изначально нацелены на возможно более широкое влияние. В случаях, когда НРД дистанцируются, подобно сектантству, от «скверны» существующих религиозных и мирских порядков, это происходит не для спасительной самоизоляции, а как начало устройства универсального совершенного социума. Эсхатологическая составляющая учений НРД обычно предполагает глобальность и всеохватность, хотя и селективно ранжирует «спасающееся» человечество в зависимости от степени причастности к своим сакральным истинам.

Отождествление НРД с сектами некорректно еще и потому, что тогда в их разряд заносятся религиозные образования, действительно возникшие некогда как сектантские, но к настоящему времени имеющие за собой продолжительную историю, структурно реорганизовавшиеся и давно пребывающие в статусе деноминации или церкви, чьих традиций придерживается уже не одно поколение верующих.

Тем не менее в критической литературе НРД второй половины XX в. нередко рассматриваются как однопорядковые, со сложившимися еще в XIX в. сектами протестантского происхождения, игнорирующие последующее развитие тех до уровня крупномасштабных организаций церковного типа (Церковь христиан Адвентистов седьмого дня, Общество Свидетелей Иеговы, Церковь Иисуса Христа святых последних дней, Новоапостольская церковь, Христианская наука и некоторые другие).

В то же время следует отметить образование таких религиозных обществ, которые рождаются как сектантские, но по устройству и способу дальнейшего существования аналогичны НРД (например, Православная церковь Божией Матери «Державная»).

4.2. Проблемным является и исключительное применение к НРД понятия «*новые культы*». Очевидно, что сфера так называемой «неокультизации» гораздо шире, нежели собственно религиозная среда. Культы различных персон или институтов (власть, мода и проч.) могут складываться и в политике, и в идеологии, и в массовой культуре, и т. д. НРД, по всей видимости, можно считать лишь одной из разновидностей современных культов, развившейся в сфере религиозной жизни общества.

Так же не нашел пока окончательного ответа у исследователей во-

прос о религиозном характере и возможности по этой причине причисления к НРД некоторых организаций, культивирующих идеи духовно-нравственного и физического совершенствования (Фалуныгун, движение трансцендентальной медитации Махариши Махеш Йоги, Всемирный духовный университет Брахма Кумарис, движение Ошо Раджниша, Сахаджа Йога, движение Шри Чинмоя, Международная организация Сатья Саи, движение Мехер Бабы и ряд других). Известно, что далеко не все из них сами объявляют о своем религиозном статусе или же, тем более, согласны быть отнесенными к НРД.

4.3. Верования НРД формируются обычно *не* из внутриконфессионального разномыслия и дискуссий искателей «правильной веры» с хранителями традиций в рамках общего для тех и других исповедания, а как результат персонального творчества стоящих у истоков инициаторов. Религиозный характер такому творчеству и его «продукции» в глазах последователей придает сакральный статус личностей, от которых исходят слова учения.

Содержание большинства доктрин эклектично. В них можно обнаружить сопричастие представлений и понятий из разных учений прошлого и настоящего (как религиозных, мистических, так и светских), к тому же по-своему интерпретированных. В сочетании с собственными рассуждениями создателей все это образует объемные своды не всегда вразумительных текстов. Но сакральность таких текстов — уже в самом факте их существования и способе получения. Здесь возможен либо вариант уникального Откровения — сообщение лидеру неведомых дотоле еще никому, как кажется, истин веры из сверхъестественного источника и трансляция им полученного через текст или проповедь; либо признание за личностью самого лидера способности генерировать вероучительные истины. Встречается и совмещение этих состояний в одной персоне, когда в ней усматривается земное воплощение трансцендентного существа.

Во всех случаях фигура лидера НРД воспринимается его последователями как *харизматическая* (от греч. χάρισμα — дар). Это формирует представление об особой благодати, явленной людям от некой абсолютной инстанции посредством воплотившего ее собой посланника или через пророчества специально избранного человека. Авторитет лидера НРД по обыкновению, безусловен, и подчинение ему рассматривается как следование благодати. Доверие к харизматическому лидеру может доходить до самоотрешения, что, впрочем, не является исключительным свойством только НРД или даже обязательным во всех случаях поведением. Вопреки расхожему мнению о жестком регламенте НРД, у их членов обыкновенно есть определенный диапазон выбора уже внутри сообщества между беспрекословной преданно-

стью и «дозированным» участием. Но мера такой «свободы» зависит не только от степени обязательности предъявляемых к последователю учения требований. Ключевую роль играет собственная, осознанная или интуитивная, мотивация участника НРД.

4.4. В новые религиозные движения людей в большинстве случаев приводят личная потребность в жизненной перспективе (вплоть до обретения бессмертия), желание развить свои способности, расширить возможности сознания, достичь здоровья и духовного совершенства и прочие благие намерения. НРД нередко становятся чем-то наподобие лаборатории или экспериментальной площадки для устройства совершенного типа социальности, не знающего пороков современного мира (общины-коммуны, «семьи», экологические поселения).

Насколько это действительно удастся — однозначно судить нельзя. Сообщения самих членов НРД о своих самоощущениях не всегда могут быть достоверны. Многие свидетельства, как известно, указывают зачастую на суррогатный характер того, что в действительности ожидается человека, пребывающего в НРД.

Но необходимо понимать, что в той «системе координат», где последователь какого-либо наставника, гуру или пророка совершает свое духовное и жизненное самоопределение, могут действовать иные ценностные ориентиры, нежели у внешних по отношению к НРД (а тем более — отрицательно настроенных) людей. И для самого последователя усвоенное им — не фикция, а реальность его собственного бытия в данный момент. *Когда человек оставляет семью, прежних друзей, работу и «уходит» за благодатью в НРД, то это, прежде всего, означает, что там, откуда он ушел, для него — безблагодатно.*

4.5. Здесь, пожалуй, и кроется «*корневой*» мотив *отрицательного отношения к НРД* в обыденном сознании людей, для которых оказывается дискомфортным будоражащее «исконные» устои право любой личности самостоятельно искать ответы на свои экзистенциальные вопросы. Если абстрактно такое право может и признаваться, то в конкретной житейской ситуации о нем вспоминают меньше всего.

Действительно, поведение новообращенных в НРД подчас изменяется в сравнении с прежним настолько разительно, что самым понятным объяснением этому становится утверждение о чем-то постороннем сильном злокозненном влиянии на их психику. Иные причины, особенно содержащие критическую оценку покидаемой неопитом среды, в расчет, как правило, уже не принимаются.

По-своему «антикультистская» позиция и «сектофобия» оправданы — через них реализуется умышленная или инстинктивная страте-

гия сакрализации социального целого, представленного в массовом сознании традиционалистски устроенными компонентами общества. Сохранение такой целостности перед перспективой трудно предсказуемых последствий от происходящих социальных трансформаций видится как гарантия выживания и стабильности. Отпадение от нее неизбежно будет объясняться вовсе не обнаружившейся дисфункциональностью традиционных институтов, а чьим-то внешним и, конечно же, враждебным влиянием на «отщепенца». Отсюда — активизация древнего архетипического опыта отпора «чужакам» и усиленные обвинения их в различных злодеяниях: в гипнотических практиках, психотехническом воздействии, вербовке и прочих методах «завлечения» в НРД.

Распространенные представления о поголовном «зомбировании» и «контроле над сознанием» в НРД по большей части не отражают реального положения, хотя конкретные ситуации обмана, насилия, своекорыстного принуждения и тому подобное в каких-то из них время от времени происходят. Можно говорить и о случаях психологического давления. Но в общем множестве НРД число таких, которые оказались связаны с открытыми экстремистскими проявлениями — индивидуальным или массовым суицидом, столкновениями с властями или конкурирующими религиозными группами и проч., — незначительно (самые печально известные из них — Народный храм, Ветвь Давидова, Орден Солнечного храма, Великое Белое Братство, АУМ Синрикё). Среди участников встречаются люди с асоциальными деталями биографии и соответствующими наклонностями. Однако в НРД таких не более, чем в иных религиозных и нерелигиозных сообществах. «Промывка мозгов» также не является исключительной прерогативой НРД. Тем не менее необходимо заметить, что деятельности НРД присущ настойчивый пропагандистский характер, она ориентирована на активное привлечение неофитов и предполагает использование широкого диапазона средств воздействия.

5. Проблема классификации НРД. Существующие классификации НРД весьма условны, поскольку отсутствует единая для исследовательской среды система критериев. Наиболее распространено различение трех основных разновидностей НРД. Для *первой* из них характерна устойчивая апелляция к некоторым своеобразно толкуемым идеям и образам христианской культуры (Дети Бога — Семья, Международный путь, Церковь Объединения и ряд других). *Вторую* составляют движения, базирующиеся преимущественно на рецепциях из восточных религий и их самостоятельном осмыслении (Ананда Марга, АУМ Синрикё, Миссия Божественного Света и проч.). *Третью* включает институционализированные образования синкретического характера, соединяющие элементы восточных и западных духовных тра-

диций с собственными концепциями создателей (движения «Нового века», Церковь саентологии, современные теософские общества и т. д.). *Причисление конкретных НРД к той или иной разновидности осложняется тем, что в процессе их самоорганизации могут происходить значительные видоизменения каких-то элементов вероучительного характера и осуществляемых практик.*

Дополнительно можно упомянуть возникшие в XX в. синкретические культы Южной и Центральной Америки (умбанду, растафари и др.); новые духовные движения, сложившиеся в сфере синтоизма (тэнрикё) и буддийской культуры (сока гаккай и проч.); афрохристианские синкретические культы; сообщества приверженцев современных форм оккультизма; «неоязыческие» организации; «церкви» Сатаны.

Некоторые из перечисленных НРД имеют последователей и в Российской Федерации. К началу «инфильтрации» в Россию эти движения в собственной эволюции уже прошли период консолидации, имели опыт выживания в недружественной среде и зачастую обладали немалыми материальными ресурсами, что облегчило им относительно быструю адаптацию и приток неофитов. Дальнейшее существование, однако, свидетельствует о неуклонном вытеснении «инострannого элемента» из удержавшихся в России НРД зарубежного происхождения, их наполнении содержанием, более близким к местным социокультурным реалиям.

Кроме того, в России действуют *НРД отечественного происхождения* (из наиболее известных: Церковь Последнего Завета — последователи Виссариона, Великое Белое Братство — последователи Марии Дэви Христос, движение приверженцев учения Порфирия Иванова, Рериховское движение Агни Йога — Живая Этика, группы славяно-русского и других этнических форм «неоязычества»).

Для многих автохтонных НРД лейтмотивом стала своего рода религиозная «геополитика», согласно которой апокалипсическая по тональности картина преображения мира должна развернуться из центра именно на территории постсоветского пространства. Чаще всего подразумевается Россия в целом или какой-либо ее конкретный регион (Сибирь, Урал и т. д.). Другой особенностью, присущей какой-то части из этих НРД, стала реанимация «реликтовых» верований, когда истинная основа народной жизни соотносится с архаической культурой и самодельные «реконструкции» древнего наследия объявляются спасительным приобщением к истокам подлинной духовности.

6. Современное положение НРД. Былая острота реакции на НРД со стороны конфессий и определенной части общества за рубежом ныне постепенно снижается. За полвека существования этого феноме-

на многие из движений распались и их участники перешли в другие сообщества; ряд организаций НРД интегрировался в нынешний религиозный и социальный спектры, а зачастую — и в структуры бизнеса; какая-то часть до сих пор отстаивает свое право на существование. *На рубеже XX–XXI веков бурного роста НРД не наблюдается, в целом они нашли и заняли свою «нишу» в современном социуме.*

Эта характеристика в принципе применима и к положению НРД в России. Однако отличие отечественной политико-идеологической ситуации от зарубежных условий деятельности НРД налагает свой отпечаток на отношение к этому феномену со стороны общества и государства. Время от времени происходят «приливы» внимания к теме НРД, обычно совпадающие с «колебательными движениями» в той или иной сфере российской жизни.

В случае идеологической необходимости НРД, как до сих пор малопонятное массовому сознанию явление, нетрудно ассоциировать с вредоносным началом, промаркировав пугающей меткой «Они» (оппозиция доброму началу, отмеченному как «Мы»). Последователи НРД обезличиваются их противниками, представляются некой недифференцированной злобной массой (либо сбитыми с «пути истинного» существами), и в такой образности пугающе предъявляются российскому общественному сознанию. Замечено, что периодически происходящие всплески «сектофобии» оказываются чем-то вроде индикаторов неблагополучия, чье «свечение» указывает на общественную нестабильность, при возникновении которой импульсы социального недовольства и духовной неустроенности возможно перевести от реальных проблем в сторону мифотворчески демонизированных НРД.

В таких обстоятельствах социологическая аналитика НРД приобретает дополнительную актуальность, способствуя средствами научного познания выработке адекватного понимания действительных истоков, содержания и социальной роли новых религиозных движений.

Примечания

¹ Из обширной литературы на тему новых религиозных движений и культов в России в качестве краткой библиографии к данной главе предлагается следующий перечень научных изданий:

Балагушкин Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. Ч. I. М.: Изд-во Ин-та философии РАН, 1999.

Балагушкин Е. Г. Указ. соч. Ч. II. М.: Изд-во Ин-та философии РАН, 2002.

Дударёнок С. М. Нетрадиционные религии на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004.

Кантеров И. Я. Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ). М.: Б. и. (МГУ), 2006.

«Нетрадиционные религии» в посткоммунистической России: (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. М., 1996. № 12.

Новые религиозные культы, движения и организации в России / Науч. ред. Н. А. Трофимчук, Ф. Г. Овсиенко, М. И. Одинцов. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Изд-во РАГС, 1998.

Религии народов современной России: Словарь / Отв. ред. М. П. Мchedлов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Республика, 2002.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая этот очерк, уместно высказать несколько дополнительных суждений об одной из ключевых теоретико-методологических проблем социологии религии в целом, подразумевая причастность к ее решению и современной российской социологии религии. Имеется в виду определение предметной области, содержание которой свидетельствовало бы о преимущественном праве ее освоения именно данным направлением социогуманитарного знания. Сложившиеся на сей счет представления позволяют очертить **предметную область социологии религии** следующим образом.

Прежде всего должен присутствовать особый ракурс рассмотрения религии, а именно — отношение к ее явлениям в их социальной обусловленности, раскрытие тех основ возникновения, эволюции и функционирования религиозных институтов и практик, которые коренятся в общественной жизни. *Религия в этом ракурсе предстает как своего рода подсистема в структуре динамичной системы общественной жизни.*

Методологическая реализация подобного подхода имеет как минимум две ведущие перспективы. Либо это редукция всех феноменов религиозной жизни к сугубо социальным факторам, когда природа любых сакральных образов выводится из исключительно социумных оснований. Либо — явное разграничение организационных сторон и ритуально-культовых практик в религиях от мистико-иррациональных интенций, когда деловитое препарирование социальных явлений религии смиренно останавливается перед признанием ее непостижимой надмирной сущности. Оба варианта по-своему продуктивны, высвечивая разные грани социологического восприятия религии.

Надо признать, что любой социологической теории религии неизбежно свойственны отвлеченность и условность — хотя бы по причине неоднозначных интерпретаций того, что обозначается понятиями *общества, религии и религиозности*. Как правило, в предметную об-

ласть социологии религии на теоретическом уровне включаются не столько реальные взаимоотношения религии и общества как таковые, сколько их отрефлексированный исследователем образ, запечатлевший присущие той или иной социологической парадигме обобщающие представления о социальном и религиозном.

Очевидно, что действительную содержательность теоретическое построение обретает, когда оно возводится на конкретном фактическом материале, обнаружение которого происходит в сфере эмпирических социологических исследований. Очень важной здесь представляется корректировка присущего отечественной социологии примата жестких методов (с заранее сформулированными гипотезами и процедурами сбора данных) поправками на учет реальных жизненных контекстов. Поэтому в предметную область социологии религии обязательно включаются собственно носители какого-либо определенного отношения к религии, с присущими им демографическими, статусными и прочими значимыми для социологии характеристиками. Однако вряд ли можно считать таковыми отдельно взятых индивидуумов, с их персональным набором мировоззренческих, психоэмоциональных и поведенческих особенностей.

Чтобы дать целостную картину интересующей ситуации социология религии вынуждена идти от конкретной личности к типологической модели. Человек здесь нужен не сам по себе, а как член сообщества, отнесенный к определенной выборке с соответствующими количественными и качественными параметрами. Иными словами, единичное становится предметом исследования не в своей уникальности, но как представитель и носитель интерсубъективности. Только тогда, собственно, и становятся возможны, например, аналитика внутреннего строения — элементов и структуры — конфессиональных сообществ, их типологическая идентификация, определение их места и роли в общественной системе.

Но чем выше уровень обобщения в построенной с учетом указанных особенностей модели религиозной жизни, тем больше утрачивается в ней собственно религиозное (мистическое и трансцендирующее) начало в его специфическом отличии от иных форм духовной самореализации социального субъекта. В таком случае «удержать» свой предмет социолог религии может, только установив критерии того, что определяет *именно религиозную идентичность* исследуемого материала. Выработка признанных критериев религиозности пока все еще остается для российских исследователей проблемным занятием.

Еще одной существенной чертой предметной области социологии религии представляется сопряженность синхронного и диахронного измерений в процессе исследования религиозной жизни общества.

Здесь поэтому возникает необходимость включения историко-социологического материала в аналитику текущих процессов.

Наконец, заметим, что практический эффект исследования, безусловно, связан со степенью адекватности его результатов происходящему «здесь и сейчас» (добавим — в случае востребованности этих результатов для принятия социально значимых решений или хотя бы для более совершенного научного осмысления связанных с религией процессов). Сообразно этой установке возникает *императив перманентности исследовательской деятельности* — существование социологии религии как непрерывно обновляющейся системы эмпирических и теоретических знаний о религии и обществе, постоянно приводимых в соответствие с динамикой изучаемого объекта.

БИБЛИОГРАФИЯ

Труды российских авторов второй половины XIX в. — 1922 г.

Бакунин М. А. Федерализм, социализм и антитеологизм (1867) // Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989.

Богданов А. А. Наука об общественном сознании. М.: Книгоиздательство писателей, 1914.

Бонч-Бруевич В. Д. Война и сектанты // Современный мир: Ежемесячный литературный, научный и политический журнал. — Пг.: М. К. Иорданская, 1914. № 12.

Булгаков С. Н. Два Града: Исследования о природе общественных идеалов (1911). СПб.: Изд-во РХГИ, 1997.

Булгаков С. Н. Философия хозяйства. Ч. 1: Мир как хозяйство. М.: Путь, 1912.

Булгаков С. Н. Народное хозяйство и религиозная личность (1909) // Булгаков С. Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2: Избранные статьи. М.: Наука, 1993.

Булгаков С. Н. Христианская социология // Булгаков С. Н. Труды по социологии и теологии: В 2 т. Т. 2: Статьи и работы разных лет. 1902–1942. М.: Наука, 1999.

Буткевич А. С. Ортодоксальный марксизм и православие: Очерк партийной психологии. М.: Изд-во Л. И. Колеватова, 1907.

Буткевич Т. И., протоиерей. Взгляд Огюста Конта и позитивистов на сущность религии // Буткевич Т. И. Религия, ее сущность и происхождение: В 2 кн. Кн. 2. Харьков: Тип. губерн. правления, 1904.

Введенский А. И. Религия и социология. Религия как явление социальное. М.: Типо-лито Товарищества Владимира Чичерина, 1900.

Введенский А. И. Религиозное сознание язычества: Опыт философской истории естественных религий. Т. 1: Основные вопросы философской истории естественных религий (Prolegomena). М.: Университет. тип., 1902.

Виппер Р. Ю. Заметки историка о религиозных исканиях современности // Летопись: Ежемесячный литературный, научный и политический журнал. Пг.: А. Н. Тихонов, 1916. № 9.

Войтинский В. С. Этическое начало в хозяйственной жизни // Вопросы жизни. СПб., 1905. № 9–11.

Гальперин С. И. Современная социология: (Обзор социологической литературы за 1902 г.). Екатеринбург: Л. М. Ротенберг, 1903.

Глаголев С. С. Религия и наука в их взаимоотношении к наступающему XX столетию. Сергиев Посад: Тип. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1900.

Губер П. Книга о первобытной религии. [(Рецензия): Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни] // Русская мысль. М., 1914. Кн. 1.

Гусев А. Ф. Разбор возражений Спенсера и его единомышленников против учения о Боге как личном существе // Православный собеседник. Казань, 1896. № 5, 7.

Де-Роберти Е. В. Социологическая теория бессмертия // Вестник Европы. СПб., 1913. Т. 5. Кн. 9.

Де-Роберти Е. В. Современное состояние социологии // Новые идеи в социологии. Сб. 1: Социология. Ее предмет и современное состояние / Под ред. Е. В. Де-Роберти, М. М. Ковалевского. СПб.: Образование, 1913.

Дриль Д. А. Царство Божие внутри нас: Психолого-социологический этюд // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. СПб., 1904. № 2.

Зигель Ф. Ф. Обзор журнала «L'Année Sociologique». Paris, 1898 // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Февраль.

Золотарев А. М. Вероисповедный состав населения России // Русский вестник: Журнал литературный и политический. М., 1902. Май. Т. 279.

Кавелин К. Д. Философия и наука в Европе и у нас (1884) // Кавелин К. Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989.

Кареев Н. И. Общий «религиозный фонд» и индивидуализация религии // Русские записки. Пг., 1916. № 9.

Карсавин Л. П. Церковь и секты // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 12. [Репринтное воспроизведение.] СПб.: Athenaum: Феникс, 1993.

Кистяковский Б. А. Проблема и задача социально-научного познания (1912) // Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб.: Изд-во РХГИ, 1998.

Ковалевский М. М. Секуляризация монастырской собственности в Англии и ее ближайшие последствия // Русская мысль. М., 1888. Кн. 1, 2.

Ковалевский М. М. В стране мормонов // Русские ведомости. М., 1901. № 272.

Ковалевский М. М. Поклонение предкам у кавказских народов // Вестник всемирной истории. СПб.: Изд-во С. Сухонина, 1902. № 3.

Ковалевский М. М. Политические доктрины протестантизма во Франции // Русская мысль. М., 1905. Кн. 10.

Ковалевский М. М. Сравнительная история религий как предмет преподавания // Вестник Европы. СПб., 1909. Кн. 8.

Ковалевский М. М. Социология: Т. I–II. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1910.

Ковалевский М. М. Современные французские социологи // Вестник Европы. СПб., 1913. Кн. 7.

Ковалевский М. М. Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии. СПб.: Мир, 1914.

Ковалевский М. М. Социология. Современные социологи: В 2 т. СПб.: Алетейя, 1997.

Ковалевский М. М. Современные социологи. 3-е изд. [Репринтное воспроизведение.] М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Кондратьев Н. Д. Генрих Кунов о происхождении и развитии религии // Новые идеи в социологии: Сб. 4: Генетическая социология / Под ред. М. М. Ковалевского, Е. В. Де-Роберти. СПб.: Образование, 1914.

Котляревский С. А. Религия в американском обществе // Вопросы философии и психологии. М., 1904. Кн. 71.

Котляревский С. А. Гражданская религия у Руссо // Вопросы философии и психологии. М., 1910. Кн. 102.

Красносельский А. И. Н. К. Михайловский о религии // Русское богатство. СПб., 1907. № 4.

Лавров П. Л. Задачи позитивизма и их решение (1868) // Лавров П. Л. Философия и социология: Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1965.

Лавров П. Л. Теоретики сороковых годов в науке о верованиях (1882) // Лавров П. Л. О религии. М.: Мысль, 1989.

Лаппо-Данилевский А. С. Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма: Сб. ст. / Под ред. П. И. Новгородцева. М.: Моск. Психологическое общество, 1903.

Ленин В. И. Социализм и религия (1905) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. М.: Политиздат, 1961.

Ленин В. И. Классы и партии в их отношении к религии и церкви (1909) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. М.: Политиздат, 1961.

Лесевич В. В. Философские воззрения Огюста Конта // Русское богатство. СПб., 1898. № 3.

Линицкий П. И. Религия и нравственность: Данные науки о нравственности Герберта Спенсера // Труды Киевской Духовной Академии. 1881. Кн. 10.

Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола (старообрядчества). Вып. 1–4, 7 / Под ред. В. Д. Бонч-Бруевича. СПб. (Пг.): Тип. Б. М. Вольфа, 1908–1911, 1916.

Мельгунов С. П. Автоном: (К характеристике современного сектантства) // Русское богатство. СПб., 1909. № 2.

Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки (1889). М.: Голос труда, 1924.

Мижуев П. Г. Церковь и социальный вопрос в Америке // Мижуев П. Г. Социологические этюды. СПб.: Ц. Крайз, 1904.

Михайловский Н. К. Отрывки о религии // Русское богатство. СПб., 1901. № 9.

Михайловский Н. К. О Дюркгейме: Еще о Дюркгейме и его теории «общественного разделения труда» (1897) // Михайловский Н. К. Соч.: В 2 т. Т. 2: Отклики. СПб.: Русское богатство, 1904.

Михайловский Н. К. Герои и толпа: Избранные труды по социологии: В 2 т. СПб.: Алетейя, 1998.

Мокиевский П. В. Герберт Спенсер // Русское богатство. СПб., 1903. № 12.

Новгородцев П. И. Об общественном идеале (1917) // Новгородцев П. И. Об общественном идеале / Сост. В. А. Соболева. М.: Правда, 1991.

Оболенский Л. Е. Обрядовые учреждения // Спенсер Г. Развитие политических учреждений / Пер. с англ. СПб.: Изд-во журнала «Мысль», 1892.

Орбели Р. А. Христианская социология // Социологические исследования. 1991. № 12.

Оршанский И. Г. Позитивизм и контизм. Харьков: Тип. А. Даре, 1893.

Плеханов Г. В. О так называемых религиозных исканиях в России (1909) // Плеханов Г. В. Об атеизме и религии в истории общества и культуры. М.: Мысль, 1977.

Райнов Т. Социологизм в философии религии и в теории знания (о работе Э. Дюркгейма) // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. СПб., 1913. № 1.

Савин А. Н. Христианские социальные теории и современная культура. [(Рецензия): Э. Трёлч. Социальные учения христианских церквей и групп] // Вестник Европы. СПб., 1912. Кн. 6.

Смоликовский С. Учение О. Конта об обществе. Варшава: Тип. И. Носковского, 1881.

Смоликовский С. Изложение начал позитивной философии и социологии Огюста Конта. — Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1886.

Соловьев В. С. Теория Огюста Конта о трех фазисах в умственном развитии человечества (1874) // Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. 2-е изд. М.: Мысль, 1992.

Соловьев В. С. Идея человечества у Августа Конта (1898) // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 2. 2-е изд. М.: Мысль, 1992.

Сорокин П. А. Символы в общественной жизни. Рига: Наука и жизнь, 1913.

Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: Изд-во Я. Г. Долбышева, 1914.

Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали (1913). М.: Астрель, 2006.

Сорокин П. А. Эмиль Дюркгейм о религии // Новые идеи в социологии: Сб. 4: Генетическая социология / Под ред. М. М. Ковалевского, Е. В. Де-Роберти. СПб.: Образование, 1914.

Сорокин П. А. Социологическая теория религии // Заветы. СПб.: С. Иванчина-Писарева, 1914. № 3.

Сорокин П. А. Система социологии: В 2 т. Пг.: Колос, 1920.

Сорокин П. А. Голод и идеология общества // Экономист. Пг., 1922. № 4–

5.

Сорокин П. А. Система социологии: (Социальная аналитика): В 2 т. М.: Наука, 1993.

Сорокин П. А. Религиозные группы и религиозные перегруппировки [Система социологии. Т. 2: (Фрагмент)] // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / Сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М.: Аспект-Пресс, 1996.

Сорокин П. А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia & LVS, 2003.

Социальное значение религии и религиозной личности: Сборник / А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский, С. В. Ешевский, В. С. Соловьев, С. М. Соловьев, Л. А. Тихомиров. 2-е изд., перераб. М.: Печатня А. И. Снегирева, 1913.

Струве П. Б. Patriotica. Политика, культура, религия: Сб. ст. за пять лет: Летопись 1905–1910. СПб.: Изд. Д. Е. Жуковского, 1911.

Струве П. Б. Религия и общественность // Русская мысль. М., 1914. Кн. 5.

Таттарев К. М. Социология как наука. Пг.: Жизнь и знание, 1916.

Таттарев К. М. Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, система и методы. Пг.: Изд. Т-во Кооперативных Союзов «Кооперация», 1918.

Тихомиров Л. А. Вероисповедный состав России. М.: Университет. тип., 1902.

Филиппов М. М. Социологические идеи Огюста Конта // Век: Ежемесячный литературный, ученый и политический журнал. СПб.: М. М. Филиппов, 1883. № 1, 2, 4.

Филиппов М. М. Конт и его метод. СПб.: Тип. Пороховщикова, 1898.

Франк С. Л. Сущность социологии // Русская мысль. М., 1908. Кн. 2; 1909. Кн. 9.

Франк С. Л. О задачах обобщающей социальной науки // Мысль: Журнал Петербургского Философского общества М.; Пг.: Academia, 1922. № 3. (Социологические исследования. 1990. № 9).

Хвостов В. М. Социология: Введение. Ч. 1: Исторический очерк учений об обществе. М.: Изд. Моск. науч. ин-та, 1917.

Холопов И. Позиция религии в новое время и пределы религиозной эволюции // Вопросы философии и психологии. М., 1911. Кн. 102.

Чернышев И. В. Община как предмет веры и как предмет суеверия // Современный мир. СПб., 1908. № 4.

Эрих В. Ф. Христианское отношение к собственности // Вопросы жизни. СПб., 1905. № 8, 9.

Юшкевич П. С. Религия, ее сущность и происхождение // Русские записки. Пг., 1915. № 4.

Юшкевич П. С. Проблема религии и современные попытки решения ее. I. Гефдинг и Дюркгейм о сущности религии // Северные записки: Литературно-политический ежемесячник. Пг.: Изд-во С. И. Чацкого, 1916. № 9.

Труды авторов советского периода (1922–1991)

Аверичев Е. П. Особенности формирования и функционирования атеистически ориентированного общественного мнения на селе: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: ИНА АОН при ЦК КПСС, 1987.

Акинчиц И. И. Анализ религиозности молодежи и некоторые аспекты ее атеистического воспитания: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Минск: Изд-во Минск. ун-та, 1971.

Алексеев Н. П. Социалистический труд в советской деревне и преодоление религиозных пережитков: (Опыт конкретно-социологического исследования). Орел: Знание, 1965.

Алексеев Н. П. Методика и результаты изучения религиозности сельского населения: (На материалах Орловской области) // Вопросы научного атеизма. Вып. 3. М.: Мысль, 1967.

Андрианов Н. П., Лопаткин Р. А., Павлюк В. В. Особенности современного религиозного сознания. М.: Мысль, 1966.

Ануфриев Л. А., Кобецкий В. Д. Религиозность и атеизм: (Социологические очерки). Одесса: Маяк, 1974.

Аптекман Д. М. Причины живучести религиозного обряда крещения в современных условиях // Вопросы философии. 1965. № 3.

Арди А. Изучение степени религиозности рабочих // Антирелигиозник. 1929. № 10.

Арнаут Е. К. Социологический анализ религиозности молодежи: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.

Арсенкин В. К. В поисках духовных наследников. М.: Политиздат, 1975.

Арсенкин В. К. Кризис религиозности и молодежь: Методологические аспекты исследования. М.: Наука, 1984.

Базарбаев Ж. Б. Типология современных верующих мусульман // Философские науки. 1973. № 5.

Базаров А. Б. Особенности мусульманских религиозных пережитков // Социологические исследования. 1982. № 2.

Байков Е. М. Религия и духовный мир человека: (Социологический очерк). Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1972.

Байрамсахатов Н. Новый быт и ислам. М.: Политиздат, 1979.

Балагушкин Е. Г. Структуры религиозной деятельности: (К определению понятий «церковь», «секта», «культ», «богоискательство») // Вопросы научного атеизма. Вып. 39 / Отв. ред. В. И. Гараджа. М.: Мысль, 1989.

Балтанов Р. Г. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания: (Проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР). Казань: Изд-во КазГУ, 1973.

Баптизм и баптисты: (Социологический очерк) / Под ред. Е. Е. Прокопиной, М. Я. Ленсу. Минск: Наука и техника, 1969.

Белов А. В. Секты, сектантство, сектанты. М.: Наука, 1978.

Бельцер Л. Л. Проблема религиозности социальных групп в социологии Макса Вебера // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. 1974. № 3.

Бельцер Л. Л. Социология религии Макса Вебера: (Критический очерк): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.

Бормотова С. С. Борьба советских ученых марксистов против социологических идей П. Сорокина в первые послеоктябрьские годы (1917–1922) // Философские науки. 1971. № 3.

Будов А. И. Религиозные иллюзии на пороге жизни. М.: Молодая гвардия, 1980.

Бужина Т. Н. Концепция религии Э. Дюркгейма и ее влияние на современную буржуазную социологию религии: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения: В 3 т. Т. 1: О религии, религиозном сектантстве и церкви. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Варламова И. М. Эволюция представлений о социальной природе религии в немецкой философии первой половины XIX столетия: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.

Василевская Н. С. Опыт конкретно-социологического исследования отношения к религии в современной городской семье // Вопросы научного атеизма. Вып. 13. М.: Мысль, 1972.

Виснапу В. Р. Проблемы формирования атеистической убежденности студенческой молодежи: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Ин-т социол. исследований АН СССР, 1975.

Волгина С. В. Критика социологической концепции религии Питирима Сорокина: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.

Волков Н. К. Методология изучения религиозных организаций в СССР // Воинствующий атеизм. 1931. № 11.

Вольфсон С. Я. Современная религиозность: (Материалы исследования в БССР). Минск: Б. и., 1930 (на белорусском языке).

Вопросник и методические указания по собиранию сведений о сектах / Сост. Ф. М. Путинцев // Антирелигиозник. 1927. № 6.

Ворошилов А. С. Баптизм как он есть: (Секта баптистов глазами социолога). Ростов н/Д: Книжн. изд-во, 1983.

Гагарин Ю. В. Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление: (По материалам конкретно-социологических исследований). Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1971.

Гажос В. Ф. Эволюция религиозного сектантства в Молдавии: (Историко-философский и социологический анализ). Кишинев: Штиинца, 1975.

Гайденок П. П. Социология господства и религии // Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991.

Гайдурова Т. Г. Зависимость обыденного религиозного сознания верующих от условий их жизни // Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и опыта атеистического воспитания / Под ред. И. Д. Панцхава. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.

Галицкая И. А. К вопросу об изучении религиозности молодежи // Вопросы научного атеизма. Вып. 7. М.: Мысль, 1969.

Галицкая И. А. Изучение каналов воспроизводства религиозности в новых поколениях — одно из требований системы атеистического воспитания // Вопросы научного атеизма. Вып. 9. М.: Мысль, 1970.

Гиренко Н. М. Социология племени: Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. Л.: Наука. ЛО, 1991.

Голосенко И. А. Исторические судьбы идей Огюста Конта: трансформация позитивизма в русской социологии XIX–XX вв. // Социологические исследования. 1982. № 4.

Гофман А. Б. Религия в философско-социологической концепции Э. Дюркгейма // Социологические исследования. 1975. № 4.

Гофман А. Б. Эмиль Дюркгейм в современной западной социологии религии // Социология религии: Реферативный сборник / Под ред. М. П. Гапочки, В. И. Гараджи. М.: ИНИОН АН СССР, 1978.

Гофман А. Б. Дюркгеймовская социологическая школа // История буржуазной социологии первой половины XX в. / Под ред. Л. Г. Ионина, Г. В. Осипова. М.: Наука, 1979.

Григорьян Б. Т. «Социология религии» или апология религии. М.: Знание, 1960.

Гуров Ю. С. Мировоззрение молодежи и атеизм: Опыт конкретного социологического исследования отношения молодежи к религии и атеизму и формирования у нее научно-атеистического мировоззрения. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1976.

Давыдов Ю. Н. Два подхода к пониманию российской интеллигенции: М. Вебер и «Вехи» // Свободная мысль. 1991. № 18.

Данилов Д. Г., Кобецкий В. Д. Общественное мнение и научно-атеистическая пропаганда. М.: Знание, 1976.

Демьянов А. И. Истинно-православное христианство: Критика идеологии и деятельности. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977.

Демьянов А. И. Религиозность: тенденции и особенности проявления (социально-психологический анализ). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.

Добренчиков В. И., Радугин А. А. Методологические вопросы исследования религии: Спецкурс. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.

Дулуман Е. К., Лобовик Б. А., Танчер В. К. Современный верующий: Социально-психологический очерк. М.: Политиздат, 1970.

Евдокимов В. И. Конкретные социальные исследования и атеизм // Наука и религия. 1968. № 1.

Елфимов В. Ф. О причинах и условиях существования религиозных пережитков в СССР. Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т, 1971.

Задорожнюк И. Е. Типология религиозных объединений в США: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.

Задорожнюк И. Е. Гражданская религия в США: крах либеральных чаяний и триумфы консерваторов // Вопросы философии. 1984. № 1.

Задорожнюк И. Е. Гражданская религия в США // Религии мира. История и современность: Ежегодник 1986 / Отв. ред. И. А. Кривелев. М.: Наука. ГРВЛ, 1987.

Задорожнюк И. Е. Д. Белл о религии и культуре // Философские науки. 1991. № 4.

Закович Н. М. Советская обрядность и духовная культура. Киев: Наукова думка, 1980.

Закович Н. М., Зоц В. А. Опыт социологического исследования религиозности населения // Социологические исследования. 1977. № 3.

Залесский В. И. Об отношении белорусских колхозников к религии и о росте атеизма // Советская этнография. 1957. № 2.

Здравомыслов А. Г. Макс Вебер и его «преодоление» марксизма // Социологические исследования. 1976. № 4.

Здравомыслов А. Г. Социальная сущность теорий Макса Вебера // Общественные науки. 1977. № 4.

Здравомыслов А. Г. Социология Э. Дюркгейма как источник формирования буржуазного социологического мышления // Социологические исследования. 1979. № 2.

Зуев Ю. П., Пивоваров В. Г. Социологические исследования на службе индивидуальной работы с верующими // Индивидуальная работа с верующим / Отв. ред. В. Г. Пивоваров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1974.

Иванов А. И. Социологический анализ религиозности в трудовом коллективе и задачи атеистического воспитания: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.

Иванов А. С., Пивоваров В. Г. Социологическое исследование религиозной общины (методика и результаты). М.: ИНА АОН при ЦК КПСС, 1971.

Иванов В. М. Современный верующий. Минск: Изд-во «Беларусь», 1970.

Игнатенко Л. М., Прокошина Е. С. Опыт конкретных исследований психологии баптистов в БССР // Вопросы научного атеизма. Вып. 11. М.: Мысль, 1971.

Ильясов Ф. Н. Религиозное сознание и поведение // Социологические исследования. 1987. № 3.

Индивидуальная работа с верующими / Редкол.: В. Г. Пивоваров (отв. ред.) и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1974.

Инокентий (Павлов С. Н.), иеромонах. О современном состоянии Русской православной церкви // Социологические исследования. 1987. № 4.

Ионин Л. Г. Георг Зиммель — социолог: Критический очерк. М.: Наука, 1981.

Ипатов А. Н. Меннониты: Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. М.: Мысль, 1978.

К обществу, свободному от религии: (Процессы секуляризации в условиях социалистического общества) / Отв. ред. П. К. Курочкин. М.: Мысль, 1970.

Казачишин Н. Н. Конкретно-социологические исследования и их роль в совершенствовании атеистического воспитания в вузах // Вопросы научного атеизма. Вып. 16. М.: Мысль, 1973.

Какой быть Церкви: По материалам экспертного социологического опроса «Особенности взаимоотношений государства и Церкви в условиях перестройки», проведенного Сектором социологии религии и атеизма Института социологии АН СССР / С. Яковлев (рук. исследования), И. Полуях, В. Локосов и др. // Аргументы и факты. 1990. № 6.

Калашиников М. Ф. Критерии религиозности и типология верующей молодежи, их практическое использование в социологических исследованиях

ях // Научный атеизм: Вопросы методологии и социологии / Отв. ред. М. Ф. Калашников. Пермь: Изд-во ПГПИ, 1971.

Калашников М. Ф. Молодое поколение и религия: Опыт конкретно-социологического и социально-психологического исследования. Пермь: Изд-во ПГПИ, 1977.

Капустин Б. Г. Концепция идеальных типов М. Вебера и познание многообразия исторической действительности // Философские науки. 1981. № 1.

Карелова Л. Б. Этика «торгового сословия» в Японии XVIII–XIX веков и концепция протестантской этики Макса Вебера // Философия и современные философско-исторические концепции: Критический анализ / Отв. ред. Т. А. Клименкова. М.: Ин-т философии АН СССР, 1990.

Кечекьян С. Ф. Социологические взгляды Конта // Советское государство и право. М., 1957. № 12.

Клибанов А. И. Пятьдесят лет научного исследования религиозного сектантства // Вопросы научного атеизма. Вып. 4. М.: Мысль, 1967.

Клибанов А. И. Религиозное сектантство и современность: Социологические и исторические очерки. М.: Наука, 1969.

Клибанов А. И. Верующий в современном мире: Размышления над страницами социологических исследований // Наука и религия. 1970. № 11.

Клибанов А. И. Проблема изучения и критики религиозного сектантства. М.: Знание, 1971.

Клибанов А. И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1973.

Клибанов А. И. Из мира религиозного сектантства: Встречи. Беседы. Наблюдения. М.: Политиздат, 1974.

Кобецкий В. Д. Предмет и методика конкретно-социологического исследования преодоления религии в СССР: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.

Кобецкий В. Д. Социологическое изучение религиозности и атеизма. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978.

Кобецкий В. Д. Изучение атеистического общественного мнения в трудовых коллективах. Л.: Знание, 1984.

Кобецкий В. Д. О соотношении мировоззренческих и социокультурных оценок религии // Религия и атеизм в истории культуры / Отв. ред. Р. Ф. Итс. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.

Кобицанов В. М. Националистические религиозно-политические системы в Африке // Религии мира: История и современность: Ежегодник / Отв. ред. И. А. Крывелев. М.: Наука: ГРВЛ, 1982.

Ковалева Е. Д. Критика воззрений русских позитивистов конца XIX — начала XX века на религию (Н. К. Михайловский, В. В. Лесевич, А. А. Богданов): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.

Кон И. С. Позитивизм в социологии: Исторический очерк. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964.

Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и опыта атеистического воспитания / Под ред. И. Д. Панцхава. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.

Конкретные исследования современных религиозных верований: (Методика, организация, результаты) / Отв. ред. А. И. Клибанов. М.: Мысль, 1967.

Коновалов Б. Н. К массовому атеизму. М.: Наука, 1974.

Коржева Э. М. Категория коллективного сознания и ее роль в концепции Эмilia Дюркгейма // Вестник Моск. ун-та. Сер. «Философия». 1968. № 4.

Критика религиозного сектантства: Опыт изучения религиозного сектантства в 20-х — начале 30-х годов / Сост. Г. С. Лялина. М.: Мысль, 1974.

Крянев Ю. В. Типология религиозных объединений и дифференциация атеистического воспитания // Вопросы научного атеизма. Вып. 3. М.: Мысль, 1967.

Кублицкая Е. А. «Общество массового атеизма» глазами социолога // Наука и религия. 1990. № 1.

Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: Опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5.

Кузнецов А. А. Критика социологии религии Макса Вебера: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975.

Кульпин Э. С. Макс Вебер и Китай: что и почему не увидел великий ученый? // Проблемы Дальнего Востока. М., 1990. № 3–5.

Ларионова Т. З. Формирование атеистического общественного мнения: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Куйбышев: Изд-во Куйбышев. ун-та, 1990.

Лебедев А. А. Студенческая молодежь и атеизм (некоторые итоги социологического исследования) // Вопросы научного атеизма. Вып. 15. М.: Мысль, 1973.

Лебедев А. А. Конкретные исследования в атеистической работе. М.: Политиздат, 1976.

Лебедев А. А., Цветков В. А. Главный фактор: Социально-экономические изменения как фактор преодоления религиозных пережитков. М.: Политиздат, 1987.

Лебединев Г. М. Диалектика социальных корней религии. Львов: Изд-во Львов. ун-та: «Вища школа», 1975.

Левада Ю. А. Современное христианство и социальный прогресс. М.: Соцэкгиз, 1962.

Левада Ю. А. Основные направления буржуазной социологии религии // Философские проблемы атеизма / Редкол.: И. П. Цамерян (отв. ред.) и др. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Левада Ю. А. Марксистская социология и религия // Политическое самобразование. 1965. № 2.

Левада Ю. А. Социальная природа религии. М.: Наука, 1965.

Лимаренко А. П. Социология религии // Социологический словарь / Редкол.: Г. П. Давидюк (отв. ред.) и др. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Университетское, 1991.

Логинов М. И. О современных религиозных людях // Антирелигиозник. 1939. № 5.

Лопаткин Р. А. Тенденции изменения основных религиозных представлений в сознании верующих: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: ИНА АОН при ЦК КПСС, 1966.

Лопаткин Р. А. Процесс секуляризации в условиях социализма и его социологическое исследование // К обществу, свободному от религии: (Процессы секуляризации в условиях социалистического общества) / Отв. ред. П. К. Курочкин. М.: Мысль, 1970.

Макаренко В. П. Вера, власть и бюрократия: Критика социологии М. Вебера. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1988.

Макатов И. А. Ислам. Верующий. Современность. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1974.

Макатов И. А. Атеисты в наступлении. Преодоление пережитков ислама в национальном самосознании. М.: Советская Россия, 1978.

Малахова И. А. Новые тенденции в идеологии и деятельности христианского сектантства. М.: Знание, 1980.

Малиева А. А. Сравнительный анализ проведения социологического исследования религиозности в СССР и ЧССР: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Мануйлова Д. Е. Религиозная община в условиях секуляризации // К обществу, свободному от религии: (Процессы секуляризации в условиях социалистического общества) / Отв. ред. П. К. Курочкин. М.: Мысль, 1970.

Мануйлова Д. Е. Социальные функции религии. М.: Знание, 1975.

Мануйлова Д. Е. Церковь как социальный институт. М.: Знание, 1978.

Маринев В. Три вопроса о религии (по результатам опроса общественного мнения москвичей и горожан США) // Наука и религия. 1989. № 7.

Маторин Н. М. Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. М.: Ин-т антропологии и этнографии народов СССР, 1929.

Маторин Н. М. Об изучении религиозных верований народов СССР // Антирелигиозник. 1934. № 5.

Медушевский А. Н. Формирование социологической концепции П. Сорокина // Социологические исследования. 1991. № 12.

Митрохин Л. Н. О методологии конкретных исследований в области религии // Социология в СССР / Под ред. Г. В. Осипова: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1965.

Митрохин Л. Н. О методологии исследования современной религиозности // Конкретные исследования современных религиозных верований: (Методика, организация, результаты) / Отв. ред. А. И. Клибанов. М.: Мысль, 1967.

Москаленко А. Т. Идеология и деятельность христианских сект. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1978.

Москаленко А. Т., Чечулин А. А. Микросреда верующего и атеистическое воспитание. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1979.

Научный атеизм и общественное мнение / Отв. ред. Р. А. Лопаткин. М.: АОН при ЦК КПСС, 1987.

Невский А. А. Секция по изучению религиозных верований народов СССР при Музее истории религии Академии наук // Советская этнография. 1934. № 3.

Неусыхин А. И. «Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки // Под знаменем марксизма. 1927. № 9, 12.

Николаев Ю. Н. Эмиль Дюркгейм как социальный философ // Социологические исследования. 1978. № 2.

Новые материалы к истории русской социологии: П. А. Сорокин и Н. С. Тимашев // Социо-Логос. М., 1991. № 1.

Носова Г. А. Опыт этнографического исследования бытового православия (на материалах Владимирской области) // Вопросы научного атеизма. Вып. 11. М.: Мысль, 1971.

Окулов А. Ф. Социология религии // Социология и идеология / Ред.-сост. Л. А. Воловик. М.: Наука, 1969.

Окулов А. Ф., Угринович Д. М. VII Международный социологический конгресс: Проблемы социологии религии // Вопросы научного атеизма. Вып. 12. М.: Мысль, 1971.

Онищенко А. С. Тенденции изменения современного религиозного сознания // Вопросы научного атеизма. Вып. 2. М.: Мысль, 1966.

Онищенко А. С. Социальный прогресс, религия, атеизм: (Эволюция современного религиозного сознания и проблемы формирования атеистического мировоззрения). Киев: Наукова думка, 1977.

Осипова Е. В. Социология Эмиля Дюркгейма: Критический анализ теоретико-методологических концепций. М.: Наука, 1977.

Осипова О. А. Американская социология о традициях в странах Востока. М.: Наука, 1985.

Острожская В. Е. Обрядность в нашей жизни. М.: Политиздат, 1980.

Печников П. Л. Воздействие религии на социальную активность трудящихся // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. 1968. № 6.

Пивоваров В. Г. Религиозная группа прихожан в системе церковного прихода: (Опыт моделирования) // Человек, общество, религия / Под ред. А. С. Иванова и др. М.: Мысль, 1968.

Пивоваров В. Г. Структура религиозной общины. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1970.

Пивоваров В. Г. На этапах социологического исследования: (Теория и практика социологических исследований проблем атеизма и религии). Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1974.

Пивоваров В. Г. Быт, культура, национальные традиции, верования Чечено-Ингушской АССР // Вопросы научного атеизма. Вып. 17. М.: Мысль, 1975.

Пивоваров В. Г. Научные основы исследования религиозности: (Методология, методика и организация. Система намерений и оценок). Ч. 1. М.: ИНА АОН при ЦК КПСС, 1976.

Пивоваров В. Г. Религиозность: опыт и проблемы изучения. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1976.

Писманик М. Г. Личность и религия. М.: Наука, 1976.

Писманик М. Г. Индивидуальная религиозность и ее преодоление. М.: Мысль, 1984.

Пищик Ю. Б. Социальные причины религиозности в условиях социализма: (Обзор литературы) // Вопросы научного атеизма. Вып. 7. М.: Мысль, 1969.

Платонов Р. П. Пропаганда атеизма: Организация, содержание, результаты. М.: Политиздат, 1985.

Покровский К. К вопросу о методологии изучения современного сектантства // Антирелигиозник. 1931. № 9.

Попов М. Церковные общины в нашу дни: (Опыт исследования в Ивановской области) // Воинствующий атеизм. 1931. № 5.

Протестантские организации в СССР: (Социальный облик, идеология, политическая позиция, проповедническая деятельность) / Отв. ред. Г. С. Лялина. М.: ИНА АОН при ЦК КПСС, 1989.

Путинцев Ф. М. Политическая роль и тактика сект. М.: ГАИЗ, 1935.

Пучков Н. И. Изменения социальной структуры рабочего класса и колхозного крестьянства и их влияние на развитие массового атеизма: (Социологическое исследование): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: ИНА АОН при ЦК КПСС, 1972.

Рамм Б. Я., Аптекман Д. М. Методологические проблемы социологического изучения эффективности атеистического воспитания // Научный атеизм: Вопросы методологии и социологии / Отв. ред. М. Ф. Калашников. Пермь: Изд-во ПГПИ, 1971.

Религиозные верования народов СССР: Сб. этнографических материалов: В 2 т. / Сост. М. Г. Левин и др. Под общ. ред. В. К. Никольского. М.; Л.: Московский рабочий, 1931.

Религия в советском обществе: причины сохранения и проблемы преодоления / Отв. ред. Э. Г. Филимонов. М.: ИНА АОН при ЦК КПСС, 1989.

Религия и церковь в современную эпоху // Редкол.: Л. Н. Великович, В. Г. Гараджа и др. М.: Мысль, 1976.

Ривес С. М. Религиозность и антирелигиозность в детской среде. М.: ГАИЗ, 1930.

Романова А. П. Феноменологическое направление в современной буржуазной социологии религии: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

Романова А. П. Феноменологическое направление в современной буржуазной социологии религии // Вопросы философии. 1985. № 7.

Руткевич Е. Д. Феноменологическая социология П. Бергера // Социологические исследования. 1990. № 7.

Саидбаев Т. С. Ислам и общество: опыт историко-социологического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука: ГРВЛ, 1984.

Салмин А. М. Французский католицизм в зеркале социологии // Франция глазами французских социологов / Отв. ред. В. Н. Фомина, С. А. Эфиров. М.: Наука, 1990.

Салов В. В. От марксизма к «христианской социологии»: (Путь С. Н. Булгакова) // Социологические исследования. 1990. № 4.

Сапрыкин В. А. Актуальные проблемы научно-атеистического воспитания в условиях города. М.: Знание, 1986.

Сапрыкин В. А. Верующие в современном городе // Наука и религия. 1987. № 2.

Сапрыкин В. А. Трудовой коллектив: атеисты и верующие. М.: Политиздат, 1990.

Сафронов Б. Г. М. М. Ковалевский как социолог. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960.

Сафронов Ю. Н. Общественное мнение и религиозные традиции. М.: Мысль, 1970.

Смирнов В. А. Исследование религиозного обряда крещения среди рабочих: (На материалах г. Горького) // Вопросы научного атеизма. Вып. 5. М.: Мысль, 1968.

Современная западная социология: Словарь / Сост. Ю. Н. Давыдов и др. М.: Политиздат, 1990.

Современная религиозность: состояние, тенденции, пути преодоления / Под общ. ред. А. С. Онищенко. Киев: Политиздат Украины, 1987.

Современное сектантство и его преодоление: По материалам экспедиции в Тамбовскую область в 1960 г. // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. IX / Под ред. А. И. Клибанова. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Согамонов А. Ю. П. А. Сорокин и М. М. Ковалевский // Социологические исследования. 1989. № 3.

Соловьев В. С. О влиянии атеизма на духовное развитие личности: (Опыт социологического исследования) // Вопросы научного атеизма. Вып. 16. М.: Мысль, 1973.

Соловьев В. С. По пути духовного прогресса: Некоторые итоги повторных социологических исследований проблем быта, культуры, национальных традиций, атеизма и верований населения Марийской АССР. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1987.

Субботин А. Л. Философские идеи О. Конта // Вопросы философии. 1957. № 6.

Суярко В. А. Объективные и субъективные факторы преодоления религиозных пережитков на современном этапе коммунистического строительства в СССР: (На материалах конкретно-социологического исследования причин отхода верующих от религии в 1957–1966 гг.): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1968.

Танчер В. К., Дулуман Е. К. Опыт конкретного исследования характера религиозных представлений // Вопросы философии. 1964. № 10.

Тарараев А. Отношение к религии у окончивших школу-семилетку (итоги одной анкеты) // Антирелигиозник. 1928. № 3.

Тепляков М. К. Победа атеизма в различных социальных слоях советского общества: (По материалам конкретных социологических исследований в Воронежской области) // Вопросы научного атеизма. Вып. 4. М.: Мысль, 1967.

Тепляков М. К. Социальные исследования в системе атеистического воспитания // Вопросы научного атеизма. Вып. 9. М.: Мысль, 1970.

Тепляков М. К. Проблемы атеистического воспитания в практике партийной работы. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1972.

Тимченко И. П. К духовной свободе: (Социальные и идеологические проблемы преодоления религиозности женщин). М.: Политиздат, 1978.

Типовая методика изучения религиозных проявлений и состояния атеистического воспитания в городе, районе, трудовом коллективе / Разработана Р. А. Лопаткиным и др. М.: ИНА АОН при ЦК КПСС, 1984.

Трошкина В. П. Социологическая концепция Огюста Конта: (Лекция). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Тульпе И. А. Секта как тип религиозной общности // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма / Отв. ред. А. М. Лесков. Л.: ГМИРиА, 1978.

Тульцева Л. А. Современные праздники и обряды народов СССР. М.: Наука, 1985.

Угринович Д. М. Религия как предмет марксистского социологического исследования // Вопросы философии. 1966. № 1.

Угринович Д. М. О критериях религиозности и их применении в процессе социологических исследований // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. 1967. № 4.

Угринович Д. М. Религия как предмет социологического исследования // Очерки методологии познания социальных явлений / Под ред. О. В. Лармина, А. К. Уледова. М.: Мысль, 1970.

Угринович Д. М. Религия и общество: О некоторых тенденциях в современной буржуазной социологии религии. М.: Знание, 1971.

Угринович Д. М. Введение в теоретическое религиоведение. М.: Мысль, 1973.

Угринович Д. М. Функционализм в современной американской социологии религии // Вопросы философии. 1976. № 9.

Угринович Д. М. Современная англо-американская социология религии (основные направления и проблемы) // Вопросы научного атеизма. Вып. 27. М.: Мысль, 1981.

Угринович Д. М. Принципы анализа религиозности и атеистичности в социалистическом обществе // Советская социология: В 2 т. Т. 1: Социологическая теория и социальная практика / Отв. ред. Т. В. Рябушкин, Г. В. Осипов. М.: Наука, 1982.

Угринович Д. М. Введение в религиоведение. 2-е изд., доп. М.: Мысль, 1985.

Угринович Д. М. Религии социология // Современная западная социология: Словарь / Сост. Ю. Н. Давыдов (руководитель), М. С. Ковалева, А. Ф. Филиппов. М.: Политиздат, 1990.

Ульянов Л. Н. Изменение характера религиозности // К обществу, свободному от религии: (Процессы секуляризации в условиях социалистического общества) / Отв. ред. П. К. Курочкин. М.: Мысль, 1970.

Ульянов Л. Н. Опыт исследования мотивации религиозного поведения: (На материалах социологического исследования в Заметчинском районе

Пензенской области) // Вопросы научного атеизма. Вып. 11. М.: Мысль, 1971.

Учеватов А. К вопросу о росте безбожия // Антирелигиозник. 1930. № 8-9.

Филимонов Э. Г. Социологические исследования процесса преодоления религии в сельской местности: итоги, проблемы, перспективы // Вопросы научного атеизма. Вып. 16. М.: Мысль, 1974.

Филимонов Э. Г. Христианское сектантство и проблемы атеистической работы. Киев: Политиздат Украины, 1981.

Францов Г. П. Исторические пути социальной мысли. М.: Мысль, 1965.

Фурман Д. Е. Религия и социальные конфликты в США. М.: Наука, 1981.

Фурман Д. Е. Религия, атеизм и перестройка // На пути к свободе совести / Сост. и общ. ред. Д. Е. Фурмана и о. Марка (Смирнова). М.: Прогресс, 1989.

Характер религиозности и проблемы атеистического воспитания / Отв. ред. С. Ц. Умаров. Грозный: Ин-т истории, социологии и философии при Совете министров ЧИ АССР, 1979.

Хлебников Е. А. Некоторые вопросы формирования атеистической убежденности. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1977.

Худяков С. Н. О преодолении религиозных пережитков в СССР. М.: Госполитиздат, 1958.

Человек, общество, религия / Под ред. А. С. Иванова и др. М.: Мысль, 1968.

Черняк В. А. О преодолении религиозных пережитков: (Опыт конкретного социологического исследования по материалам Алма-Атинской области). Алма-Ата: Наука, 1965.

Черняк В. А. Формирование научно-материалистического, атеистического мировоззрения: социологические проблемы. Алма-Ата: Наука, 1969.

Черняк В. А. Социология атеизма и исторический материализм. Алма-Ата: Изд-во «Казахстан», 1989.

Чечулин А. А. Малые группы в культовых сообществах и их влияние на духовный мир верующих: (Опыт комплексного социологического и социально-психологического исследования): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Моск. обл. пед. ин-т, 1976.

Шпакова Р. П. Фердинанд Теннис. «Забытый социолог» // Социологические исследования. 1984. № 2.

Шпакова Р. П. Типы лидерства в социологии Макса Вебера // Социологические исследования. 1988. № 5.

Шпакова Р. П. Концепция харизматической власти в социологии религии М. Вебера и современность // Философия в современном мире / Под ред. М. Я. Корнеева, Ф. Ф. Вяккерова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.

Юлина Н. С. Теология секуляризма. Культурологически-прагматическая теология Х. Кокса // Юлина Н. С. Теология и философия в религиозной мысли США XX века. М.: Наука, 1986.

Яблоков И. Н. Актуальные проблемы социологии религии. М.: Знание, 1971.

Яблоков И. Н. Методологические проблемы социологии религии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.

Яблоков И. Н. Социология религии. М.: Мысль, 1979.

Яблоков И. Н. Развитие социологии религии в ФРГ // Вопросы научного атеизма. Вып. 32. М.: Мысль, 1985.

Исследования по социологии религии в постсоветский период (1992–2008)

Авксентьев В. А., Бабкин И. О., Хоц А. Ю. Конфессиональная идентичность в конфликтном регионе // Социологические исследования. 2006. № 10.

Авраменко А. А. Религиозная обстановка в Калуге // Социологические исследования. 2001. № 11.

Айзенштадт Ш. Н. Посюсторонний трансцендентализм и структурирование мира: «Религии Китая» М. Вебера и образ китайской истории и цивилизации // Восток-Oriens. М., 1992. № 1.

Алгадьева Т. М. Традиционное мировоззрение в системе культуры коренных малочисленных народов Севера: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Тюмень: ТНГУ, 2006.

Алексеева М. С. Религиозность современной российской интеллигенции: (На материалах Республики Бурятия). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2007.

Алексеев А. И. Религия в условиях модернизации современного российского общества: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Курск: КГТУ, 2005.

Алешина И. В. Обряд как интеграционная форма социальной и культурной коммуникации: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: МГТУ «Станкин», 2005.

Андреева Л. А. Процесс дехристианизации в России и возникновение квазирелигиозности в XX веке // Общественные науки и современность. 2003. № 1.

Андреева Л. А. Российские религиозные практики в универсальном контексте: экстатические обряды и действия // Общественные науки и современность. 2005. № 3.

Андреева Ю. Ю. «Русская идея» как фактор социокультурного развития России: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов: Изд-во СГТУ, 2001.

Астахова Л. С. Исследования нетипичных форм религиозной трансформации в современных условиях: (На материалах язычества народов Поволжья): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Казань: КГФЭИ, 2003.

Бадамыренков Т. Б. Буддийское духовенство как специфическая социально-профессиональная группа: (На материалах Республики Бурятия): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2006.

Бадьянов А. Б. Роль духовно-нравственного фактора в Российской армии: историко-социологический аспект: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.

Басев П. А. Взаимодействие христианских объединений и социальных институтов: (На примере Прибайкальского региона): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Иркутск: Изд-во Бурят. ун-та, 2002.

Бажан Т. А. Оппозиционная религиозность в России. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2000.

Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курбангалеева. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.

Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В. Честная игра: нравственная философия и этика предпринимательства: В 2 т. Т. 2: Торговец в храме. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1992.

Балагушкин Е. Г. Новые религии как социокультурный и идеологический феномен // Общественные науки и современность. 1996. № 5.

Баландина Э. Г. Православная церковь в социокультурном контексте современности // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень РАГС. М., 1999. № 3 (20).

Баранников В. П., Матронина Л. Ф. Динамика религиозности в информационном обществе // Социологические исследования. 2004. № 9.

Баранов Г. С. Модели и метафоры в социологии К. Маркса // Социологические исследования. 1992. № 6.

Батыгин Г. С., Подвойский Д. Г. История социологии: Учебник. М.: Издательский дом «Высшее Образование и Наука», 2007.

Батарев В. В. Социология религии в контексте региональной культуры // Светско-религиозное взаимодействие в изменяющейся России: Сб. ст. по материалам Всероссийской научной конференции. Белгород, 6–7 окт. 2004 г. / Под ред. Л. Я. Дятченко, С. Д. Лебедева. Белгород: Изд-во Белгор. ун-та, 2005.

Бачинин В. В. Институты религиозно-гражданской жизни: взгляд социолога // Религия и право. 2004. № 2.

Бачинин В. А. О двух парадигмах социологического мышления // Социологические исследования. 2004. № 7.

Бачинин В. А. Социология религии // Бачинин В. А. Социология: Академический курс. СПб.: Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2004.

Бачинин В. А. Социология религии // Бачинин В. А. Социология: Энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2005.

Бачинин В. А. О дисциплинарном статусе христианской социологии и об эпистемологической конфигурации теосоциологического метода // Социологическая эпистемология и методология в XXI веке: Материалы Первых Ковалевских чтений / Под ред. Н. Г. Скворцова. СПб.: Астерион, 2006.

Бахлыков Т. В. Религиозная ситуация на территории Крайнего Северо-Востока России: состояние и тенденции развития: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2004.

Безрогов В. Г., Пушкарева Н. Л. Некоторые результаты и методы исследования психологии и социологии религии в работах зарубежных исследователей // Религиоведение. 2002. № 1.

Беликова Е. О. Религиозная ситуация в Волгоградской области: социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 2007.

Белова Т. П. Социология религии в современной России: опыт, проблемы, перспективы // Вестник Ивановского ун-та. Сер. «Право. Экономика. Социология». 2001. Вып. 4.

Белова Т. П. Концепт десекуляризации как теоретико-методологический подход к анализу современных религиозных процессов // Социологическая эпистемология и методология в XXI веке: Материалы Первых Ковалевских чтений / Под ред. Н. Г. Скворцова. СПб.: Астерион, 2006.

Боброва А. В. Социологические проблемы исследования религиозного образования в современной России: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Екатеринбург: Изд-во Урал. ГТУ, 2003.

Богомазова О. В. Органическая концепция социальной эволюции Г. Спенсера и современность: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004.

Большаков Е. А. Отношение к религии студенческой молодежи средне-русского региона: (На примере Ивановской области): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2006.

Борзенко В. И. Религия в посткоммунистической России // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. М., 1993. № 8.

Борзунова Е. А. Социологические концепции легитимности власти Т. Парсонса и М. Вебера: сравнительный анализ // Социологические исследования. 1997. № 9.

Бреская О. Ю. Социология религии в Восточной Европе: методология и предмет исследования // Социологические исследования. 2007. № 7.

Вальков М. С. Отечественная социология религии: становление и развитие: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005.

Варзанова Т. И. Молодежь и религия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень РАГС. М., 1998. № 1 (13-14).

Варзанова Т. И. Возрождение религии в России как аспект социокультурной динамики // Питирим Сорокин и социально-культурные тенденции нашего времени: Материалы к Международному симпозиуму, посвященному 110-летию со дня рождения П. А. Сорокина / Науч. ред. Ю. В. Яковец. М.: МФК; СПб.: СПбГУП, 1999.

Варзанова Т. И. Студенты верят в Бога и «большую любовь» // Молодежь: тенденции социальных изменений / Под ред. В. Т. Лисовского. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.

Василевский Ю. Л. Заметки о религиозной ориентации учителей // Социологические исследования. 1997. № 9.

Василенко Л. И. Социология религии // Василенко Л. И. Краткий религиозно-философский словарь. М.: Истина и Жизнь, 2000.

Васильев В. Г., Мазеин В. О., Мартыненко Н. И. Отношение студенческой молодежи к религии // Социологические исследования. 2000. № 1.

Ваторопин А. С. Социальный модернизм и постмодернизм в религиозной среде современного общества: социологический анализ: Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Екатеринбург: Изд-во Урал. АГС, 2002.

Ваторопин А. С., Ольховиков К. М. Перспективы секуляризма и религии в эпоху постмодерна // Общественные науки и современность. 2002. № 2.

Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / Редкол.: М. П. Мchedлов (отв. ред.), Ю. А. Гаврилов, В. В. Горбунов и др. М.: Культурная революция, 2007.

Веремчук В. И. Социология религии: Учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

Веремчук В. И. Взаимодействие военной службы и религии на институциональном уровне управления: социологический анализ: Автореф. ... дис. д-ра соц. наук. М.: Изд-во Военного ун-та, 2006.

Викторов В. В. Православные верующие Тюменской области // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. М., 1997. № 1 (27).

Вишневский А. Л. Религия как социально-политический институт у Э. Дюркгейма и Г. Спенсера // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12: Полит. науки. 1999. № 4.

Возьмитель А. А. Религия, религиозность и образ жизни // Миссионерское обозрение. Белгород, 2003. № 2 (88).

Возьмитель А. А. Социология религии в России: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2007. № 2.

Волков Ю. Г., Добренчиков В. И., Нечипуренко В. Н., Попов А. В. Социология: Учебник. Гл. 9. § 9.1: Религия. М.: Гардарики, 2007.

Воронин Г. Л. Социологическая диагностика духовной детерминанты социального взаимодействия. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2002.

Воронова Е. А. Самоорганизационные процессы в российском обществе и религиозное сознание молодежи // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2000. Вып. 3.

Воронова Е. А. Благотворительная деятельность Русской Православной Церкви в России: социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.

Воронцов А. В., Громов И. А. Христианская социология // Воронцов А. В., Громов И. А. История социологии XIX — начала XX в.: Учебное пособие для вузов: В 2 ч. Ч. 2: Русская социология. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2005.

Воронцова Л. М., Филатов С. Б., Фурман Д. Е. Религия в современном массовом сознании // Социологические исследования. 1995. № 11.

Выдрина Г. А. Религиозная ситуация как объект государственного регулирования: (На материале Ханты-Мансийского АО): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: РАГС, 2004.

Гараджа В. И. Религия как предмет социологического анализа // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / Сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М.: Аспект-Пресс, 1996.

Гараджа В. И. Социология религии (1996) // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998.

Гараджа В. И. Социология религии // Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Науч. ред.: В. Н. Иванов (гл. ред.) и др. М.: Мысль, 2003.

Гараджа В. И. Социология религии: Учебное пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005. (1-е изд. 1996.)

Гараджа В. И. Социология религии // Религиоведение: Энциклопедический словарь / Сост. и общ. ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М.: Академический проект, 2006.

Гараджа В. И., Гараджа Е. В. Программа дисциплины «Социология религии» // Религиоведение. 2002. № 1.

Гараджа Е. В. Социология религии в России // Тезисы докладов и выступлений на Втором Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI в.: социальные вызовы и альтернативы»: В 3 т. Т. 3 / Редкол.: И. П. Рязанцев (отв. ред.) и др. М.: Альфа, 2003.

Гараджа Е. В. К вопросу о социальной функции религии // Ломоносовские чтения-2004. Россия и социальные изменения в современном мире: Сб. науч. докладов: В 2 т. Т. 1 / Редкол.: В. И. Добренков (отв. ред.) и др. М.: МАКС-Пресс, 2004.

Гараджа Е. В. Социология религии в России // Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века): Учебное пособие / Под ред. Е. И. Кукушкиной. М.: Высшая школа, 2006.

Гаспарян А. С. «Экзистенциальная социология» Эдварда Тирикьяна: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.

Гегель Л. А., Фролова Ю. С. Этноконфессиональные особенности южно-российского региона // Социологические исследования. 2007. № 2.

Гернего Л. В. Духовно-нравственные основы жизнедеятельности Забайкальского казачества: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2000.

Глаголев В. С. Религиозная составляющая социокультурных процессов // Религия в изменяющейся России: Сообщения и тезисы II Российской научно-практической конференции: В 2 т. Т. 1. Пермь: Пермский Научный центр РАН: Изд-во ПГТУ, 2004.

Гнатюк О. Л. П. Б. Струве как социальный мыслитель. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1998.

Голосенко И. А. Социология Питирима Сорокина. Русский период деятельности. Самара: Социологический центр «СОЦИО», 1992.

Голосенко И. А. Социологическая литература в России второй половины XIX — начала XX века: Библиографический указатель. 2-е изд., испр. и доп. М.: Онега, 1995.

Голосенко И. А., Скорородова А. С. Сочинения зарубежных социологов в

русской печати середины XIX — начала XX века: Библиографический указатель. М.: Ин-т социологии РАН, 1997.

Гофман А. Б. Эмиль Дюркгейм в России: Рецепция дюркгеймовой социологии в российской социальной мысли. М.: ГУ ВШЭ: МАКС-Пресс, 2001.

Гофман А. Б. Классическое и современное: Этюды по истории и теории социологии. М.: Наука, 2003.

Гофман А. Б. Социология и гражданская религия в современной России // Социология и современная Россия / Под ред. А. Б. Гофмана. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

Гревцов Ю. И. Религия как ценность // Гревцов Ю. И. Социология: Курс лекций. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003.

Григоренко А. Ю. Религиозная ситуация и некоторые аспекты ее социологического изучения // Религиозная ситуация на Северо-Западе России и в странах Балтии / Сост. А. Ю. Григоренко, А. М. Прилуцкий. СПб.: Издательский дом «Невская заря», 2002.

Громов И. А. Религия в социологической концепции М. Вебера // Воронцов А. В., Громов И. А. История социологии XIX — начала XX в.: Учебное пособие для вузов: В 2 ч. Ч. 1: Западная социология. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2005.

Грусман Я. В. Понятие «религиозность» как теоретико-методологическая проблема отечественной социологии религии // Социологическая эпистемология и методология в XXI веке: Материалы Первых Ковалевских чтений / Под ред. Н. Г. Скворцова. СПб.: Астерион, 2006.

Губницyna О. П. Социологический анализ форм организации религии в социально-историческом процессе (на примере религиозных организаций Архангельской области): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб.: СПбМГТУ, 2005.

Губогло М. Н. Религиозная идентичность // Губогло М. Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003.

Гудим-Левкович Г. Е. Тенденции религиозного сознания населения Архангельской области (по материалам социологических исследований) // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: Сб. докладов и материалов межрегиональных научно-практических семинаров и конференций. 2002–2004 гг. / Сост. и общ. ред. Е. Н. Мельникова, М. И. Одинцов. М.: Российское Объединение исследователей религии, 2004.

Гудим-Левкович Г. Е. Религиозное поведение и специфика приобщения к религии в секулярном обществе // Светско-религиозное взаимодействие в изменяющейся России: Сб. ст. по материалам Всероссийской научной конференции. Белгород, 6–7 окт. 2004 г. / Под ред. Л. Я. Дятченко, С. Д. Лебедева. Белгород: Изд-во Белгор. ун-та, 2005.

Гусев И. В. Воздействие современных форм религиозного синкретизма на духовную жизнь КНР: (На примере секты «Фалуныгун»): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: МГТУ «Станкин», 2004.

Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и Лев Толстой: (К проблеме соотношения этики убеждения и этики ответственности // Вопросы литературы. 1994. № 1.

Давыдов Ю. Н. Вебер и Булгаков (христианская аскеза и трудовая этика) // Вопросы философии. 1994. № 2.

Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и Михаил Бахтин (к введению в социологию XX века) // Социологические исследования. 1996. № 10.

Давыдов Ю. Н. Вебер и Кистяковский: Опыт микроанализа // Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб.: Изд-во РХГИ, 1998.

Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М.: Мартис, 1998.

Давыдов Ю. Н. Христианская аскеза и трудовая этика. С. Булгаков и М. Вебер // Булгаков С. Н. Труды по социологии и теологии: В 2 т. Т. 2: Статьи и работы разных лет. 1902–1942. М.: Наука, 1999.

Дзялшина М. Н. Тоталитарные сектантские организации и их влияние на социальное поведение молодежи: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006.

Добреньков В. И., Кравченко А. И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т. 11: Культура и религия. М.: ИНФРА-М, 2007.

Добрускин М. Е. О социальных функциях церкви (на материалах Русской православной церкви) // Социологические исследования. 2002. № 4.

Дубин Б. В. Религия, церковь, общественное мнение // Свободная мысль. М., 1997. № 11.

Дубин Б. В. Религиозная вера в России 90-х годов // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. М.: Aspect Press Ltd, 1999. № 1 (39).

Дубин Б. В. Массовая религиозная культура в России (тенденции и итоги 1990-х годов) // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. М., 2004. № 3 (71).

Ембулаева Л. С. Религия и свободомыслие в средних школах Краснодарского края // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень РАГС. М., 1997. № 2 (12).

Емельянов К. С. Почитание святых как институт Русской Православной Церкви: Социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Ин-т социологии РАН, 2004.

Емельянов К. С. Диалог агиографии и социологии в свете современных канонизаций РПЦ // Вера — диалог — общение: проблемы диалога Церкви и общества: Материалы Международной научно-богословской конференции (Москва, 2004) / Науч. ред. А. Копировский; Отв. ред. Л. Мусина. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский ин-т, 2005.

Еремичева Г. В. Тенденции религиозного поиска и новые религиозные организации (на примере Церкви Христа в Санкт-Петербурге) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. № 3.

Ермаков И. П. Религии социология // Учебный социологический словарь / Отв. ред. С. А. Кравченко. 3-е изд., доп., перераб. М.: Экзамен, 1999.

Ерушкина Л. В. Религиозно-светский сектор в системе высшего образования США: социокультурный аспект: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2004.

Жеребятъев М. А. Современные общины христианских конфессий в России: сравнительно-социологический анализ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.

Жолудев С. И., Плетников В. Г. Влияние древних религий на современные общественные корпорации. М.: Зебра, 2006.

Жоль К. К. Социология религии // Жоль К. К. Социология (в систематическом изложении): Учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

Жосан Г. П. Русская православная церковь и современное государство: конституционно-правовой аспект (по материалам социологических исследований 1999–2000, 2002 гг. в Орловской области) // Религия и право. 2004. № 3.

Журавлева И. В., Пейкова З. И. Религиозность российских и финских подростков // Социологические исследования. 1998. № 10.

Журавский А. Религиозная ситуация в условиях кризиса секуляризма // Континент. Париж; М., 2004. № 120.

Забаев И. В. Основные категории хозяйственной этики современного русского православия: анализ социально-экономических доктрин Русской православной церкви и хозяйственной практики монастырских общин: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

Задворнов И. А. Северный Кавказ: этнополитические и религиозные особенности социокультурной идентичности // Социологические исследования. 2000. № 10.

Зайцева А. Б. Религиозный фактор в социальном управлении регионом: (На материале Республики Бурятия): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Изд-во РАГС, 1999.

Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб.: РХГИ, 1998.

Зарубина Н. Н. Предприниматель и религия в зеркале русской культуры: В 2 ч. // Религиоведение. 2001. № 2; 2002. № 1.

Зенкин С. Н. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. М.: Новое издательство, 2007.

Зотов А. А. Религия и религиозность в исследованиях В. Парето и Дж. Ракка // Социологические исследования. 2006. № 8.

Зуев Ю. П. Приложение: Религии и религиозные организации в современной России // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии / Сост. В. И. Гараджа, Е. Д. Руткевич. М.: Аспект-Пресс, 1996.

Зуев Ю. П. Приложение 1: Динамика религиозности в России в XX — начале XXI в. // Гараджа В. И. Социология религии. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2005.

Зутлер С. А. Религиозные взгляды молодежи после кризиса 1998 г. (социологический анализ) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень РАГС. М., 2000. № 3 (24).

Ипатов Л. П. Православные женщины: пути воцерковления // Устная история и биография: женский взгляд / Ред. и сост. Е. Ю. Мещеркина. М.: Ин-т социологии РАН; СПб.: ООО «Невский Простор», 2004.

Ипатова Л. П. Теории религиозного обращения // Религиоведение. 2006. № 4.

Ипатова Л. П. Теории религиозного обращения // Социологические этюды: Сб. ст. аспирантов / Под ред. М. К. Горшкова; Сост. Т. Н. Короткова, Л. А. Оскольская. М.: ООО «Вариант»: Ин-т социологии РАН, 2006.

Ипатова Л. П. Типы религиозного обращения в православие женщин в современной России: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Ин-т социологии РАН, 2006.

Исаев Б. А. Социология религии // Исаев Б. А. Социология: Краткий курс: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2007.

История теоретической социологии: В 4 т. / Отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. М.: Канон, 1997–2000.

Каариайнен К., Фурман Д. Е. Верующие, атеисты и прочие: эволюция российской религиозности // Вопросы философии. 1997. № 6.

Каариайнен К., Фурман Д. Е. Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий: В 2 ч. // Общественные науки и современность. М., 2007. № 1, 2.

Казьмина О. Е. Религиозный состав населения // Социальная энциклопедия / Редкол.: А. П. Горский, Г. Н. Карелова, Е. Д. Катульский и др. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000.

Караханова Т. М. Некоторые подходы к исследованию религиозно-нравственного состояния общества // Повседневная жизнедеятельность и трудовое поведение работающего населения / Отв. ред. В. Д. Патрушев. М.: Ин-т социологии РАН, 1999.

Караханова Т. М. Изменения в религиозном самоопределении и его отражение в жизнедеятельности городских жителей: 1965–1998 годы // Бюджет времени и перемены в жизнедеятельности городских жителей в 1965–1998 гг. / Отв. ред. Т. М. Караханова. М.: Ин-т социологии РАН, 2001.

Каргина И. Г. О динамике развития христианских конфессий // Социологические исследования. 1998. № 6.

Каргина И. Г. Самоидентификация верующих: социальная мотивация // Социологические исследования. 2004. № 1.

Кармадонов О. А. Особенности религиозной среды современной Америки: Опыт социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 4 (20).

Касабулатова Т. Л. Крестьянская духовность: эволюция и перспективы: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Ин-т социологии РАН, 1993.

Керов В. В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2004.

Кирдина С. Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социологические исследования. 2002. № 12.

Киселев Г. А. Современный мир и «новое» религиозное сознание // Вопросы философии. 2000. № 6.

Китинова Б. А. Этно-религиозные факторы в деятельности государственных служащих: (На материалах Республики Калмыкия): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Изд-во РАГС, 1996.

Клинецкая Н. В. Молодежь, религия, верования // Тезисы докладов и выступлений на Втором Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI в.: социальные вызовы и альтернативы»: В 3 т. Т. 3 / Редкол.: И. П. Рязанцев (отв. ред.) и др. М.: Альфа, 2003.

Клинецкая Н. В. Религиозность молодежи в современной России // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2004. Вып. 4.

Клинецкая Н. В. Молодежь. Религиозность. Власть // Православие и власть: традиция и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. А. Н. Швечиков. СПб.: Изд-во СПбГУТД, 2007.

Кобзева Н. А. Особенности религиозности студентов (на примере православия) // Социологические исследования. 2006. № 10.

Кобзева Н. А. Религиозность студенческой молодежи в трансформируемой России: социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Изд-во РГСУ, 2006.

Коваль Т. Б. «Тяжкое благо»: Христианская этика труда: Православие, католицизм, протестантизм: Опыт сравнительного анализа. М.: Ин-т этнографии и антропологии РАН, 1994.

Коган Л. Н. Духовный потенциал нации вчера и сегодня // Социологические исследования. 1997. № 4.

Козлова Ю. Б. Проблемы влияния православия на духовно-нравственные процессы в российском обществе: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2000.

Козырев Г. И. Социология религии // Козырев Г. И. Социология: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект: Трикта, 2005.

Колесникова К. И. Социологический анализ государственно-конфессиональных отношений в России // Религия в изменяющейся России: Сообщения и тезисы II Российской научно-практической конференции: В 2 т. Т. 1. Пермь: Пермский Научный центр РАН: Изд-во ПГТУ, 2004.

Коломийцев В. Ф. Социология Герберта Спенсера // Социологические исследования. 2004. № 1.

Комаров М. С. Религия как социокультурный институт // Комаров М. С. Социология: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2003.

Коначева С. К. Социология религии // Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.

Кондратова М. Д. Электронная коммуникация как основа развития социальных сетей религиозных виртуальных сообществ: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов: Изд-во СГТУ, 2005.

Короткова А. А. Социокультурный статус протестантских общин в духовной жизни современного российского региона (на материалах исследований в Алтайском крае в 2005–2007 гг.): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2007.

Костина Н. Б. Религиозная общность: институционально-доктринальный аспект социологического исследования: Автореф. дис. д. соц. наук. Уфа: Изд-во БашГУ, 2001.

Костина Н. Б. Религиозная жизнь общества в зеркале социологического анализа // Труды Первого Всероссийского Социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи» / Под ред. А. О. Боронова, Н. Г. Скворцова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002.

Костылев П. Н. Социологическое исследование религиозности в контексте российского религиозного образования // Свеча-2005. Истоки: Религия и личность в прошлом и настоящем: Материалы международных конференций. Т. 12 / Под ред. Е. И. Аринина. Владимир; М.: Изд-во Владимир. ун-та, 2005.

Костюк К. Н. Православный фундаментализм // Политические исследования. 2000. № 5.

Котельников Г. А., Лебедев С. Д. Концептуальные модели взаимодействия светской и религиозной культур // Социологические исследования. 2004. № 5.

Кошева С. В. Ислам в поликультурном Северо-Кавказском регионе: социологический аспект: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Майкоп: Изд-во Адыгейского ун-та, 2005.

Кравченко А. И. Концепция капитализма М. Вебера и трудовая мотивация // Социологические исследования. 1997. № 4.

Кравченко А. И. Социология Макса Вебера: труд и экономика. М.: Изд-во «На Воробьевых», 1997.

Кравченко А. И. Вклад религии и идей утопистов в развитие социологии // Кравченко А. И. История зарубежной социологии: Учебное пособие для вузов. М.: Культура: Академический проект, 2005.

Кравченко Е. И. Макс Вебер. М.: Изд-во «Весь Мир», 2002.

Красников А. Н. Методологические проблемы религиоведения. М.: Академический проект, 2007.

Краснова О. Б. Социокультурные аспекты мифотворчества: (На материалах Б. Бартока): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов: Изд-во СГТУ, 1994.

Криндач А. Д. Картограммы распространения религий на территории Российской Федерации // Религии народов современной России: Словарь / Редкол.: М. П. Мchedlov (отв. ред.) и др. М.: Республика, 1999.

Кудрявцев В. А. Мировоззренческие основы возникновения социологии: (На примере О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 1999. № 3.

Кузин В. П. Социологический анализ влияния спиритуализма на духовную культуру Германии XVI–XVIII веков: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Пятигорск: Академия информ. технологии, 2003.

Кузнецов С. В. Традиции русского земледелия: Практика и религиозно-нравственные воззрения. М.: Наука, 1995.

Кулаков П. А. Молодежь и религия: Социологический опрос. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.

Кулаков П. А. Учащаяся молодежь и религия // Социологические исследования. 1995. № 11.

Култыгин В. П. Социологический взгляд на судьбы российского православия // Синелина Ю. Ю. Секуляризация в социальной истории России. М.: Academia, 2004.

Лапин Н. И. Динамика ценностей населения реформируемой России. М.: Эдиториал УРСС, 1996.

Лапин Н. И. Религия: духовная общность, институт церкви // Лапин Н. И. Общая социология: Учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2006.

Лебедев С. Д. Культура и религия в теории социокультурной динамики П. А. Сорокина // Дух и время. Философско-культурологический альманах. 1999. Вып. 3. Белгород: Крестьянское дело, 2000.

Лебедев С. Д. Взаимодействие светской и религиозной культур в современной России (материалы экспертного опроса) // Религия и право. 2003. № 2.

Лебедев С. Д. Религиозная и светская культуры как типы систем социального знания. Белгород: Изд-во Белгор. ун-та, 2003.

Лебедев С. Д. К социологическому анализу феномена «религиозное возрождение» в России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень РАГС. М., 2005. № 1–2 (34–35).

Лебедев С. Д. Религиозное возрождение как социальная реальность (к социологическому анализу понятия) // Светско-религиозное взаимодействие в изменяющейся России: Сб. ст. по материалам Всероссийской научной конференции. Белгород, 6–7 окт. 2004 г. / Под ред. Л. Я. Дятченко, С. Д. Лебедева. Белгород: Изд-во Белгор. ун-та, 2005.

Лебедев С. Д. Религиозность: в поисках «Рубикона» // Социологический журнал. 2005. № 3.

Лебедев С. Д. Отношение учащейся молодежи к религии // Социологические исследования. 2007. № 7.

Левада Ю. А. Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций // Куда пришла Россия: Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003.

Легойда В. Р. Современная религиозность: феномен «гражданской религии» в США // Журнал Московской Патриархии. 1997. № 11.

Легойда В. Р. «Гражданская религия» в США: генезис и основные характеристики // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень РАГС. М., 1999. № 4.

Лексин В. Н. «Другие»: верующие и неверующие в повседневной жизни // Мир России. 2008. № 1.

Лещинский А. Н. Христианство в России на рубеже веков: состояние и социальное измерение // Россия. Духовная ситуация времени. М., 2000. № 1/2.

Лещинский А. Н. Религиозная ситуация в современной России: изменения, тенденции, противоречия // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: Сб. докладов и материалов межрегиональных научно-практических семинаров и конференций. 2002–2004 гг. / Сост. и общ. ред. Е. Н. Мельникова, М. И. Одинцов. М.: Российское Объединение исследователей религии, 2004.

Линзи Ш., Кротов Я. Религиозность как фактор российской жизни в 1990-е годы // Континент. Париж; М., 1999. № 102.

Лобанова Л. И. Некоторые тенденции в современных исследованиях религий и религиозности // Будущее России: стратегии развития / Редкол.: В. И. Добренков (пред.) и др. М.: МАКСЭ-Пресс: Изд-во Моск. ун-та, 2005.

Локосов В. В. Влияет ли религиозность на политическую консолидацию общества? // Социологические исследования. 2006. № 11.

Локосов В. В., Синелина Ю. Ю. Религиозная ситуация в Ярославской области. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2004.

Лопаткин Р. А. Социологическое изучение религиозной ситуации // Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние) / Отв. ред. Ф. Г. Овсиенко, М. И. Одинцов, Н. А. Трофимчук. М.: Изд-во РАГС, 1996.

Лопаткин Р. А. Теория религии Э. Дюркгейма глазами Питирима Сорокина // Питирим Сорокин и социально-культурные тенденции нашего времени: Материалы к Международному симпозиуму, посвященному 110-летию со дня рождения П. А. Сорокина / Науч. ред. Ю. В. Яковец. М.: МФК; СПб.: СПбГУП, 1999.

Лопаткин Р. А. Конфессиональное пространство России глазами социолога // Религия и право. М., 2001. № 4.

Лопаткин Р. А. Конфессиональный портрет страны: К характеристике современной религиозной ситуации. М.: МАРС (Российское отделение), 2001.

Лопаткин Р. А. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень РАГС. М., 2001. № 4.

Лопаткин Р. А. Группа религиозная // Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Науч. ред.: В. Н. Иванов (гл. ред.) и др. М.: Мысль, 2003.

Лопаткин Р. А. Религиозная ситуация в России // Свобода совести — важное условие гражданского мира и межнационального согласия / Сост. и общ. ред. А. А. Красиков. М.: Ин-т Европы РАН. Центр социально-религиозных исследований, 2003.

Лопаткин Р. А. Социологическая интерпретация понятия «религиозная ситуация» // Религиозная ситуация на северо-западе России и в странах Балтии: традиции и современность / Сост. А. Ю. Григоренко, А. М. Прилуцкий. СПб.: ООО «Светоч», 2005.

Лошакова И. Л. Динамика изменений духовной ориентации советского общества в период 1961–1985 гг.: (По материалам Уральского региона). Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1992.

Лушников Д. А. Социальная дезорганизация и обыденное религиозное

сознание в современном российском обществе: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ставрополь: Сев.-Кавказ. ГТУ, 2000.

Магомедов А. М., Ханбабаев К. М. Религия и процессы миротворчества в Дагестане // Государство и религия в Дагестане: Информационно-аналитический бюллетень. 2003. № 2 (5). Махачкала: Изд-во Дагпресс, 2003.

Майкова Э. Ю. Социология религии: Учебное пособие. Тверь: Изд-во ТГТУ, 2004.

Макс Вебер, прочитанный сегодня / Под ред. Р. П. Шпаковой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997.

Манзанов Г. Е. Религиозные представления бурят // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона / Под ред. А. О. Бороноева. СПб.: Астерион, 2007.

Матвеева Н. Ю. Методология социального познания в русской религиозной философии // Социологические исследования. 2004. № 1.

Материалы по исследованию религиозной ситуации на северо-западе России и в странах Балтии: Вып. III / Сост. С. А. Гончаров, А. Ю. Григоренко, А. М. Прилуцкий. СПб.: ООО Издательский дом «Инкери», 2006.

Медведко С. В. Проблемы методологии современной социологии религии в России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень РАГС. М., 2001. № 2.

Медведко С. В., Элбакян Е. С. Верующие в России: социально-экономическая ситуация и отношение к рыночным реформам // Религиоведение. 2001. № 1.

Медведко С. В., Элбакян Е. С. Влияние религиозных ценностей на экономические предпочтения верующих россиян // Религиоведение. 2001. № 8.

Медведко С. В., Элбакян Е. С. О религиозной ситуации в современной России // Религиоведение. 2002. № 2.

Мельков С. А., Газиева Г. Р. Выбор российских мусульман // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень РАГС. М., 2005. № 1–2 (34–35).

Миронов Д. В. Социально-антропологическая концепция М. М. Ковалевского: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.

Мирошникова Е. «Церковь» и «секта» в немецком религиоведении // Религия и право. 1999. № 4/5.

Мирошникова Е. Гражданская религия: возможна ли она в России? // Религия и право. 2004. № 1.

Митрофанова А. В. Политизация «православного мира». М.: Наука, 2004.

Митрохин Л. Н. Религиозная ситуация в современной России // Социологические исследования. 1995. № 11.

Митрохин Л. Н. Балтизм: история и современность: (Философско-социологические очерки). СПб.: Изд-во РХГИ, 1997.

Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: Новое литературное обозрение, 2004.

Михалюк В. И. Религиозные ориентации населения: социологический срез // Полития. М., 1997/98. № 4.

Минацкая М. О. Место протестантской этики в концепции М. Вебера // Социологические исследования. 1998. № 7.

Мозговой С. А. Социологический анализ религиозной ситуации в Вооруженных Силах РФ // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень РАГС. М., 1997. № 9/10.

Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга: социологический и антропологический анализ / Под ред. В. В. Костюшева. СПб.: Норма, 1999.

Морозов А. О. Наступила ли постсекулярная эпоха? // Светско-религиозное взаимодействие в изменяющейся России: Сб. ст. по материалам Всероссийской научной конференции. Белгород, 6–7 окт. 2004 г. / Под ред. Л. Я. Дятченко, С. Д. Лебедева. Белгород: Изд-во Белгор. ун-та, 2005.

Мухаев Р. Т. Религия как социальный институт // Мухаев Р. Т. Социология: Учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.

Мчедлов М. П. Религиозная ситуация в современной России: реалии, противоречия, прогнозы // Свободная мысль. 1993. № 5.

Мчедлов М. П. О религиозности российской молодежи // Социологические исследования. 1998. № 6.

Мчедлов М. П. Социально-политические позиции верующих в России // Социологические исследования. 1999. № 3.

Мчедлов М. П. Вера России в зеркале статистики // НГ-Религии. 2000. 17 мая. № 9 (55).

Мчедлов М. П. Особенности религиозности в изменяющейся России // Свобода совести — важное условие гражданского мира и межнационального согласия / Сост. и общ. ред. А. А. Красиков. М.: Ин-т Европы РАН: Центр социально-религиозных исследований, 2003.

Мчедлов М. П. Религиоведческие очерки. Религия в духовной и общественно-политической жизни современной России. М.: Научная книга, 2005.

Мчедлов М. П. Феномен религиозности в изменяющейся России // Светско-религиозное взаимодействие в изменяющейся России: Сб. ст. по материалам Всероссийской научной конференции. Белгород, 6–7 окт. 2004 г. / Под ред. Л. Я. Дятченко, С. Д. Лебедева. Белгород: Изд-во Белгор. ун-та, 2005.

Мчедлов М. П. Религиозная идентичность: Основные проблемы межнациональных контактов // Социологические исследования. 2006. № 10.

Мчедлов М. П., Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. О социальном портрете современного верующего // Социологические исследования. 2002. № 7.

Мчедлов М. П., Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Мировоззренческие предпочтения и национальные различия // Социологические исследования. 2004. № 9.

Мчедлов М. П., Гаврилов Ю. А., Кофанова Е. Н., Шевченко А. Г. Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о ее социальных функциях // Социологические исследования. 2005. № 6.

Мчедлов М. П., Нуруллаев А. А., Филимонов Э. Г., Элбакян Е. С. Религия в зеркале общественного мнения // Социологические исследования. 1994. № 5.

Налетова И. В. Социокультурные основания духовности: история и современность. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 1999.

Налетова И. В. «Новые православные» в России: тип или стереотип религиозности // Социологические исследования. 2004. № 8.

Немировская А. В. Структура и динамика ценностных ориентаций в массовом сознании населения региона в условиях трансформации российского общества: (На материалах исследований в Красноярском крае в 1991–2004 гг.): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Красноярск: Изд-во Алтайского ун-та, 2005.

Немировский В. Г., Стариков П. А. Тенденция «квазирелигиозности» в среде красноярского студенчества // Социологические исследования. 2003. № 10.

Нестерова А. Г. Взаимодействие институтов светского и религиозного образования в современной России: опыт социологического анализа: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 2007.

Нечаева М. Ю. Взгляд социолога на историю церкви: (Аналитический обзор работ Габриэля Ле Бра). Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2000.

Николаева Е. И. Ритуальные аспекты повседневности как объект социологического анализа в творчестве Э. Гофмана: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.

Новикова Л. Г. Основные характеристики динамики религиозности населения // Социологические исследования. 1998. № 9.

Новиченко И. Ю. Новые аспекты социальной истории: изучение европейских христианских рабочих организаций (XIX–XX веков) // Религии мира: История и современность. 2003 / Отв. ред. О. В. Чернышева. М.: Наука, 2003.

Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. К. Каарияйнена, Д. Е. Фурмана. СПб.; М.: Летний сад, 2007.

Овсиенко Ф. Г. Политизация конфессий и клерикализация политики: тенденции развития и риски в российском обществе // Религиоведение. 2002. № 2.

Опарин А. Ю. Деятельность религиозных организаций как фактор становления гражданского общества в России: (Социально-философский анализ): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д: Дон. ГТУ, 2007.

Опрянтная О. Н. Основания тринитарного подхода к интерпретации социальных процессов: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Изд-во РАГС, 2004.

Осипов Г. В. Православная церковь в жизни российского общества: Предисловие // Алексей II, Патриарх Московский и Всея Руси. Россия. Духовное возрождение. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1999.

Осипов Г. В. Социология и социальное мифотворчество. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 2002.

Осипова Е. В. Огюст Конт и возникновение позитивистской социологии. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1995.

Осипова Е. В. Социология Герберта Спенсера. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1995.

Островская-мл. Е. А. Теоретические аспекты социологии религии // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2004. Вып. 4.

Островская-мл. Е. А. Религиозная модель общества. Социологические аспекты институционализации традиционных религиозных идеологий. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.

Островская-мл. Е. А. Социология религии: предмет, методология, основные темы // Социология: Учебник / Под ред. Н. Г. Скворцова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.

Панков А. А., Подшивалкина В. И. Проблема воспроизводства религиозного сознания в посттоталитарном обществе // Социологические исследования. 1995. № 11.

Патрушев А. В. Расколдованный мир Макса Вебера. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.

Паутова Л. А. Социология религии: Методические рекомендации по изучению курса. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1999.

Пейден В. И. Прежде чем «сакральное» стало теологическим: перечитывая дюркгеймовское наследие // Этнографическое обозрение. 1994. № 2.

Пейкова З. И. Об исследовании нетрадиционных конфессий // Социологические исследования. 1998. № 2.

Пейкова З. И. Отношение российского населения к православию // Альма матер: Вестник высшей школы. 2000. № 1.

Пейкова З. И. Отношение российского населения к православию в конце XX века (по материалам социологических исследований) // Миссионерское обозрение. 2001. № 3 (65).

Пейкова З. И. Апостасия как фактор дестабилизации общества // Социологические исследования. 2001. № 4.

Петрова И. Э. Становление молодежной протестантской субкультуры в России: региональный аспект: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1998.

Петрова Н. В. Социальный контроль деструктивной деятельности новых религиозных организаций: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Уфа: Изд-во БашкирГУ, 2006.

Пивоваров Д. В. Бог, пророк, церковь. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

Писманик М. Г. Социология религии // Религия в истории и культуре: Учебное пособие для вузов / Под ред. М. Г. Писманика. М.: Культура и спорт: ЮНИТИ, 1998.

Писманик М. Г. Религиозная ситуация в Прикамье и ее перспективы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень РАГС. М., 2000. № 3 (24).

Писманик М. Г. О религиозной ситуации в Прикамье // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: Сб. докладов и материалов межрегиональных научно-практических семинаров и конференций. 2002–2004 гг. / Сост. и общ. ред. Е. Н. Мельникова, М. И. Одинцов. М.: Российское Объединение исследователей религии, 2004.

Подвойский Д. Г. О предпосылках и истоках рождения социологической науки // Социологические исследования. 2005. № 7.

Покровский Н. Е. Одиннадцать заповедей функционализма Р. Мертона // Социологические исследования. 1992. № 2.

Попов А. А. Духовная жизнь пожилых людей в современных социокультурных условиях: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Курск: Курск. ГТУ, 2007.

Попов А. С., Элбакян Е. С. Религия в сознании российской интеллигенции // Вестник Моск. ун-та. 1996. Сер. 12. № 5.

Поспелова С. В. Отношение к религии и ценностные ориентации жителей Магаданской области: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: РАГС, 2005.

Прилуцкий А. М., Погасий А. К. Понятие «секта»: основные значения и правомерность употребления // Религиоведение. 2006. № 1.

Пуша Н. В. Типология религиозных групп и организаций в современной американской социологии религии: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

Пучков П. И. К вопросу о классификации религий // Этнос и религия / Отв. ред. Б. Логашова. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1998.

Радугин А. А. Особенности научного метода познания религии. Становление социологии религии (О. Конт, М. Вебер, Э. Дюркгейм) // Радугин А. А. Введение в религиоведение: теория, история и современные религии: Курс лекций. М.: Изд-во «Центр», 1997.

Религии на пороге XXI века и молодежь: Круглый стол / В. А. Богданов, А. А. Скородумов, М. Ю. Смирнов и др. // Преемственность поколений: диалог культур: Материалы Международной научно-практической конференции (С.-Петербург, 24–26 сент. 1996 г.). Вып. 2 / Отв. ред. В. Т. Лисовский. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996.

Религии в России — фактор укрепления или распада государства? Аналитическая записка Центра социально-религиозных исследований ИЕ РАН // Свобода совести — важное условие гражданского мира и межнационального согласия / Сост. и общ. ред. А. А. Красикова. М.: Ин-т Европы РАН, 2003.

Религии народов современной России: Словарь / Редкол.: М. П. Мchedлов (отв. ред.) и др. 2-е изд., испр. и доп. М.: Республика, 2002.

Религиозные практики в современной России: Сб. ст. / Под ред. К. Русселе, А. С. Агаджаняна. М.: Новое издательство, 2006.

Религия в информационном поле российских СМИ: Сводный отчет по исследованию сентября–ноября 2001 г. / Л. В. Кашинская, М. М. Лукина, Л. Л. Реснянская и др. М.: МЕДИАСОЮЗ: Факультет журналистики Моск. ун-та, 2003.

Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции: Материалы международной научно-практической конференции (Казань, 2–3 окт. 1997 г.) / Редкол.: Р. А. Набиев (отв. ред.) и др. Казань: Заман, 1998.

Религия и конфликт / Под ред. А. В. Малашенко и С. Б. Филатова. М.: РОССПЭН, 2007.

Религия и общество: Материалы межвузовской научной конференции (Абакан, 16 нояб. 2002 г.) / Под ред. Л. В. Анжигановой. Абакан: Изд-во Хакасского ун-та, 2003.

Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России / Отв. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2002.

Религия и общество: Реферативный сборник / Отв. ред. Л. В. Скворцов. М.: ИНИОН РАН, 1999.

Религия и общество: Сб. докладов научно-практической конференции «Религия как фактор социальной стабильности в Республике Адыгея» / Редкол.: Н. Ш. Чеучев (отв. ред.) и др. Майкоп: Изд-во Адыгейского ун-та, 2004.

Религия и общество: судьбы людей и народов: Материалы научно-практической конференции / Под общ. ред. В. В. Амелина. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2003.

Религия и политика в посткоммунистической России / Отв. ред. Л. Н. Митрохин. М.: Ин-т философии РАН, 1994.

Религия и политика в современной России / Под ред. Н. А. Трофимчука, С. Д. Яковлева. М.: Изд-во РАГС, 1997.

Религия, общество, государство: Материалы «круглого стола» / Сост. Н. Н. Беляков, С. В. Харламов. М.: Клуб «Реалисты», 1996.

Рутцов Е. В. Церковь как агент легитимации региональных политических систем // Светско-религиозное взаимодействие в изменяющейся России: Сб. ст. по материалам Всероссийской научной конференции. Белгород, 6–7 окт. 2004 г. / Под ред. Л. Я. Дятченко, С. Д. Лебедева. Белгород: Изд-во Белгор. ун-та, 2005.

Романова А. П. Становление религиозного комплекса. Астрахань: Изд-во Астрахан. пед. ун-та, 1999.

Русанова О. А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере Северо-Кавказского региона) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 2005. № 2.

Руткевич Е. Д. Феноменологическая социология знания. М.: Наука, 1993.

Руткевич Е. Д. Социология религии // Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г. В. Осипова; Ред.-сост. А. В. Кабыща. М.: Издат. группа НОРМА-ИНФРА-М, 1998.

Рыжас Е. В. Синагогальный ритуал: реконструкция смысла // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. СПб., 2004. № 6.

Сабирова Г. А. Формирование религиозной идентичности в мегаполисах: (На примере женщин-татарок, обучающихся на религиозных курсах в Москве): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Ин-т социологии РАН, 2006.

Самсонова Е. А., Ефимова Е. Ю. Религиозные предпочтения молодых туляков // Социологические исследования. 2007. № 2.

Самыгин С. И., Нечипуренко В. И., Полонская И. Н. Социология религии: Учебное пособие. Ростов н/Д: Пегас, 1995.

Самыгин С. И., Нечипуренко В. И., Полонская И. Н. Религиоведение: социология и психология религии: Учебное пособие для вузов. Ростов н/Д: Феникс, 1996.

Свечников В. С. Религиозность и магические мистификации в массовом сознании // Социологический журнал. 2003. № 1.

Семенов В. Е. Социология религии и современная религиозность // Тезисы докладов и выступлений на Втором Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI в.: социальные вызовы и альтернативы»: В 3 т. Т. 3 / Редкол.: И. П. Рязанцев (отв. ред.) и др. М.: Альфа, 2003.

Семенов В. Е. Молодежь: вера и суеверия // Школа гуманитарных наук. М., 1993. № 1.

Семенов В. Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология в России // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 1997. Вып. 4.

Семенов В. Е. Религия и вера в современной России: социологический срез // Санкт-Петербургский университет. 2007. № 5.

Сергеев В. В. Духовная культура многонационального мегаполиса в условиях трансформации российского общества: социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: ИСПИ РАН, 2005.

Сидорова Л. А. Социология религии: особенности развития религии (на примере Республики Саха — Якутия). Ч. I: Исторические данные. Якутск: Изд-во Якут. ун-та им. М. К. Амосова, 2005.

Симонов В. В. (иеромонах Филипп). Церковь в переходном обществе // Свободная мысль. 1997. № 3.

Симонов В. В. (игумен Филипп). О церковно-общественном диалоге в России в условиях формационного сдвига // Вопросы экономики. 2003. № 1.

Симонов И. В. Нижегородский регион: религиозный портрет // Социологические исследования. 1999. № 12.

Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7.

Синелина Ю. Ю. О характере процесса секуляризации в России // Вопросы философии. 2002. № 3.

Синелина Ю. Ю. О циклах изменения религиозности образованной части российского общества (начало XVIII в. — 1917 г.) // Социологические исследования. 2003. № 10.

Синелина Ю. Ю. Секуляризация в социальной истории России. М.: Academia, 2004.

Синелина Ю. Ю. Изменение религиозности населения России: Православные и мусульмане. Суеверное поведение россиян. М.: Наука, 2006.

Синютин М. В. Огюст Конт и современная социология // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 1998. Т. I. № 9.

Скобелева Е. И. Анализ предпосылок и принципов идеально-типического познания социальных процессов в теоретической социологии М. Вебера: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2004.

Скорыходова А. С. Русский религиозный позитивист В. Фрей (В. К. Гейнс) // Социологические исследования. 1997. № 9.

Смагин Б. А. Социология религии // Религиоведение: Учебное пособие / Науч. ред. А. В. Солдатов. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: Лань, 2003.

Сметанников В. А. Духовная реабилитация: социологический аспект. Новосибирск: Издатель, 2000.

Смирнов М. Ю. Российское общество между мифом и религией: Историко-социологический очерк. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.

Смирнов М. Ю. Современная российская социология религии: откуда и зачем? В 2 ч. // Религиоведение: Научно-теоретический журнал. 2007. № 1, 2.

Смирнов М. Ю. Специфика субкультуры новых религиозных движений // Интеллигенция в диалоге культур / Под общ. ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Изд-во РГГУ, 2007.

Смирнова Т. В. Динамика религии как социальной системы (по Т. Парсонсу и П. Бурдье) // Светско-религиозное взаимодействие в изменяющейся России: Сб. ст. по материалам Всероссийской научной конференции. Белгород, 6-7 окт. 2004 г. / Под ред. Л. Я. Дятченко, С. Д. Лебедева. Белгород: Изд-во Белгор. ун-та, 2005.

Современная религиозная ситуация в Восточном Забайкалье / А. В. Жарков, А. Г. Янков, А. О. Баринков, А. В. Дроботушенко. Чита: Читинский обл. краевед. музей, 2003.

Социокультурное пространство диалога / Отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 1999.

Социология религии и современная религиозность: Материалы «круглого стола»: В. Е. Семенов, М. Ю. Смирнов и др. // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2001. Т. IV. № 3.

Социология религии / Рук. секции В. И. Гараджа и др. // Тезисы докладов и выступлений на Втором Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI в.: социальные вызовы и альтернативы»: В 3 т. Т. 3 / Редкол.: И. П. Рязанцев (отв. ред.) и др. М.: Альфа, 2003.

Спасенкова С. В. Этноконфессиональные ценности русского населения в многонациональном российском регионе: (На примере Оренбургской области): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов: Изд-во СГТУ, 2004.

Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России / Под ред. К. Каарияйнена, Д. Е. Фурмана. СПб.; М.: Летний сад, 2000.

Сторчак В. М., Макеев А. В. Протестантизм и православие: этос труда и предпринимательства // Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень РАГС. М., 2000. № 1.

Сысоева Г. А. Духовные ценности российской молодежи как фактор социального управления: социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Пятигорск: ПГТУ, 2006.

Тажидинова И. Г. Этика социологии религии // Проблемы преподавания и современное состояние религиоведения в России: Материалы конференций. Москва, 2000-2001 / Ред. И. Н. Потылицына. М.: Изд-во «Рудомино», 2002.

Тажидинова И. Г. Социология религии: Программа дисциплины. Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 2003.

Тарасенко Г. С. Особенности социализации учащихся в современных православных общеобразовательных школах: (На материале Санкт-Петербурга): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.

Теоретическое наследие С. Н. Булгакова и современное социально-экономическое знание / Под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой. М.: Диалог-МГУ, 1996.

Терюкова Е. А. Приложение: Социология религии (§ 1-5, 7) // Религиоведение: Учебное пособие / Под ред. М. М. Шахнович. СПб.: Питер, 2006.

Токарева Т. В. Религиозные компоненты механизмов идентификации в транзитивном социуме: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов: Изд-во СГТУ, 2003.

Тонков Е. Е. Управление конфликтами на основе религиозного опыта личности: Учебное пособие. Белгород: Издательский дом «В. Шаповалов», 2002.

Тощенко Ж. Т. Теократия как форма взаимодействия религии и власти // Философские науки. 2002. № 3.

Тощенко Ж. Т. Этнократия: история и современность: Социологические очерки. М.: РОССПЭН, 2003.

Тощенко Ж. Т. Социология религии // Тощенко Ж. Т. Социология: Учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.

Травина Е. М. Этнокультурные и конфессиональные конфликты в современном мире: Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.

Трофимов С. В. Социология религии Эмиля Дюркгейма: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.

Трофимов С. В. Верования в зеркале современной социологии религии // Ломоносовские чтения-2004. Россия и социальные изменения в современном мире: Сб. науч. докладов: В 2 т. Т. 1 / Редкол.: В. И. Добренко (отв. ред.) и др. М.: МАКС Пресс, 2004.

Тульский М. О. Роль церкви в жизни российского общества: (Социологическое исследование) // НГ-Религии. 2000. 9 авг. № 15 (62).

Тульский М. О. Изменение религиозной принадлежности населения мира за прошедшие 100 лет // Россия и мусульманский мир. М., 2001. № 3.

Туманов С. В. Современная Россия: массовое сознание и массовое поведение: Опыт интегративного анализа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.

Фененко Ю. В. Социология религии. Предмет социологии религии // Фененко Ю. В. Социология: Учебник. М.: ТК Вельби: Изд-во «Проспект», 2007.

Феофанов К. А. Никлас Луман и функционалистская идея ценностно-нормативной интергации: конец вековой дискуссии // Социологические исследования. 1997. № 3.

Филатов С. Б. Новое рождение старой идеи: православие как национальный символ // Политические исследования. 1999. № 3.

Филатов С. Б. Россия конца 1990-х годов: возрождение религиозной нетерпимости? // Нетерпимость в России: старые и новые фобии / Под ред. Г. Витковской и А. Малащенко. М.: Московский Центр Карнеги, 1999.

Филатов С. Б. Послесловие. Религия в постсоветской России // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России / Отв. ред. и сост. С. Б. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2002.

Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 4.

Филатов С. Б., Фурман Д. Е. Религия и политика в массовом сознании // Социологические исследования. 1992. № 7.

Филатова О. Г. Социология религии: Конспект лекций. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2000.

Филатова О. Г. Религия в социологической традиции // Филатова О. Г. Социология: Учебник для вузов. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002.

Филлимонов Э. Г. Социально-политические ориентации верующих и неверующих // Национальное и религиозное / Редкол.: М. К. Горшков и др. М.: РНИСиНП, 1996.

Форсова В. В. Православные семейные ценности // Социологические исследования. 1997. № 1.

Фролов В. А. Станет ли религия духовным пастырем российского солдата? // Социологические исследования. 1993. № 12.

Фролова Л. Н. «Народный» ислам и мечеть: социологический анализ (на материалах Республики Адыгея): Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Майкоп: Изд-во Ставропольск. ун-та, 2006.

Фурман Д. Е. Верующие, атеисты и прочие: Новые исследования российской религиозности // Свободная мысль. 1997. № 1.

Фурман Д. Е., Каарияйнен К. Религиозная стабилизация: Отношение к религии в современной России // Свободная мысль — XXI: Теоретический и политический журнал. 2003. № 7.

Фурман Д. Е., Каарияйнен К. Религиозность в России в 90-е годы XX — начале XXI века. М.: ОГНИ ТД: Ин-т Европы РАН, 2006.

Ханбабаев К. М. Духовный мир молодежи // Проблемы поликультурного образования в Дагестане / Под ред. С. И. Муртузалиева, Г. И. Кисловой. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2002.

Хейно Х. Массовое сознание русских и их религиозность в условиях национального меньшинства // Новые церкви, старые верующие — старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / Под ред. К. Каарияйнена, Д. Е. Фурмана. СПб.; М.: Летний сад, 2007.

Хлопьев А. Т. Роль религии и церкви в общественно-политической жизни России сквозь призму социологии // Религия, национальное согласие и

возрождение России / Редкол.: Н. А. Трофимчук (отв. ред.) и др. М.: Луч, 1993.

Ходжаева Е. А., Шумилова Е. А. Возрождение религии и этническая идентичность татарской молодежи в Республике Татарстан // Социологические исследования. 2003. № 3.

Христианская социология или социология религии? Материалы «круглого стола» в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном ун-те / Подгот. Н. Плотников // Социологические исследования. 2007. № 7.

Цеханская К. В. Россия: тенденции православной религиозности в XX в. (статистика и реальность) // Этнографическое обозрение. 1999. № 5.

Цыганенко Н. В. Особенности функционирования социального института религии: региональный аспект: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Пермь: Алтайский ГТУ им. И. И. Ползунова, 2004.

Чеснокова В. Ф. Воцерковленность: феномен и способы его изучения // Десять лет социологических наблюдений / Ред. Т. В. Воронцова, М. В. Каневская. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2000.

Чеснокова В. Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический проект, 2005.

Чойропова Т. Ц. Гендерные стереотипы в православии и буддизме: сравнительный анализ: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.

Шарков Ф. И. Религия как социальный институт // Шарков Ф. И. Социология: теория и методы: Учебник. М.: Изд-во «Экзамен», 2007.

Шатунов А. Д. Влияние глобализации на социальные доктрины современных церквей и религиозных организаций: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005.

Шевченко Л. С. Социология религии в современной Бразилии: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.

Шевченко М. Д. Религиозное сознание и духовная деятельность. М.: Моск. обществ. научный фонд, 1999.

Шелест О. А. Феномен религиозности в контексте секуляризационных проблем современности // Свеча-2005. Истоки: Религия и личность в прошлом и настоящем. Т. 13 / Под ред. Е. И. Аринина. Владимир; М.: Изд-во Владимир. ун-та, 2005.

Шереги Ф. Э. Гносеологический кризис в социологии: от теологии к мифотворчеству // Вестник Российской Академии наук. 1994. Т. 64. № 7.

Шилин К. И. Социология духовной жизни: категориальный синтез-прогноз: Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. М.: ИСПИ РАН, 1998.

Шилкина Н. Е. Особенности влияния религиозных ценностей на социальные нормы современного российского общества: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002.

Шинкаренко В. Д. Формирование знаково-смысловой структуры социального пространства: социологические аспекты происхождения игры, ритуала, магии, мифа и сказки: Автореф. дис. ... д-р соц. наук. М.: ИСПИ РАН, 2006.

Широкалова Г. М. Сравнительная характеристика верующих и неверующих нижегородцев // Социологические исследования. 2001. № 1.

Шпакова Р. П. Макс Вебер о проблеме ценностей в социальном знании // Проблемы теоретической социологии / Отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1994.

Шпакова Р. П. Вернер Зомбарт — германский феномен // Социологические исследования. 1997. № 2.

Шпакова Р. П. Вместе с Огюстом Контом и вопреки ему // Социологические исследования. 1999. № 3.

Щеглов А. М. Возвращение богов: Политическая социология неоязычества. М.: Пробел, 1999.

Щеглов А. М. Концепция идеологии К. Мангейма и динамика российского идеологического процесса: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003.

Щипков А. В. Во что верит Россия: Религиозные процессы в постперестроенной России. СПб.: Изд-во РХГИ, 1998.

Элбакян Е. С. Духовный мир современной российской интеллигенции // Религиоведение. 2001. № 2.

Элбакян Е. С. Религиозный фактор в современной России // Религиоведение. 2002. № 1.

Элбакян Е. С. Христианская трудовая этика: сравнительный анализ профессиональных особенностей // Религиоведение. 2003. № 2.

Эфендиев А. Г. Особенности и социально-историческая роль религии // Общая социология: Учебное пособие / Под общ. ред. А. Г. Эфендиева. М.: ИНФРА-М, 2007.

Яблоков И. Н. Социология религии // Религии народов современной России: Словарь / Редкол.: М. П. Мchedlov (отв. ред.) и др. М.: Республика, 1999.

Яблоков И. Н. Социология религии // Введение в общее религиоведение: Учебник / Под общ. ред. И. Н. Яблокова. М.: Книжный дом «Университет», 2001.

Яковлев А. М. Социальные институты религии // Социология. Основы общей теории: Учебник / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2008.

Янков А. Г. Религиозная ситуация в Восточном Забайкалье (по результатам социологических исследований) // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы III межрегион. научной конференции. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2006.

Учебное издание

Михаил Юрьевич Смирнов

ОЧЕРК ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ

Учебное пособие

Обложка художника *Е. А. Соловьевой*

Корректоры *Г. А. Морген, Е. А. Стерлина*

Подписано в печать 15.07.2008. Формат 60 × 90¹/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,0. Заказ 407.

Издательство СПбГУ. 199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11/21.

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.

М. Ю. Смирнов

ОЧЕРК ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ РЕЛИГИИ

Смирнов Михаил Юрьевич — доктор социологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. Автор книг «Российское общество между мифом и религией: Историко-социологический очерк» (СПб., 2006), «Реформация и протестантизм: Словарь» (СПб., 2005), «Мифология и религия в российском сознании: Методологические вопросы исследования» (СПб., 2000), «Религии стран Северной Европы: Учебное пособие» (СПб., 2008), научных публикаций по социологии религии, методологии религиоведения, философии мифа.

В учебном пособии рассматриваются возникновение и основные этапы эволюции российской социологии религии, дана характеристика наиболее авторитетных персоналий и исследований в этой области, содержится описание возникавших проблем и поиска направлений социологического изучения религии в России, приведена библиография отечественной социологии религии.

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

